

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт всеобщей истории

В. В. РОГИНСКИЙ

ШВЕЦИЯ И РОССИЯ

СОЮЗ 1812 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

1978

Книга посвящена переломному моменту в истории русско-шведских отношений нового времени — развитию русско-шведских отношений накануне и во время Отечественной войны 1812 г. вплоть до разгрома наполеоновских армий и вступления русских армий в Германию и Польшу. Монография основана на советских и шведских архивных материалах, отечественных и зарубежных публикациях и научных исследованиях.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. С. КАН

Введение

Швеция и Россия — на протяжении столетий история этих стран тесно взаимосвязана. Швеция и Россия веками были непосредственными соседями, интересы их правящих классов часто сталкивались, и это приводило к войнам. Со второй половины XVI в. освободившаяся от датского гнета Швеция возобновила экспансию на востоке Балтики, надолго закрыв для Русского государства жизненно важный доступ к Балтийскому морю. Великая Северная война 1700—1721 гг. решила в основном балтийскую проблему для России, положив вместе с тем и конец шведскому великодержавию, которое тяжким бременем лежало на плечах шведского народа и в конечном итоге противоречило интересам Швеции¹. В XVIII — начале XIX в. развитие событий еще несколько раз приводило к военным столкновениям между Швецией и Россией: в 1741—1743 гг., в 1788—1790 гг. и, наконец, в 1808—1809 гг.

В силу ряда причин политического и исторического характера именно взаимные противоречия, столкновения и войны привлекали внимание историков в обеих странах. В Швеции не только и, скорее, не столько профессиональная историография, сколько историческая публицистика, предназначенная для широких слоев, уже с XVIII в. старалась насаждать антирусские идеи, пугала шведов «страшным русским медведем», внушала представления о России как о «наследственном враге» Швеции.

Россия представляла как постоянная угроза не только для Швеции, но и для всей Скандинавии. Это привело к тому, что в историческом общественном сознании сложи-

¹ Strindberg A. Bondenöd och stormaktsdröm. En historia om klasskamp i Sverige 1630—1718. Helsingfors, 1971.

лась искаженная картина русско-шведских отношений прошлого. Великая Октябрьская социалистическая революция добавила к националистическому настрою в отношении восточного соседа еще и ярко выраженный классовый оттенок. Гипертрофированное внимание к русско-шведским войнам, культ шведских королей Карла XII, Густава III и Густава IV Адольфа, созданный консервативной историографией на рубеже XIX—XX вв., приводили к тому, что длительные мирные, а порой и дружественные, союзные отношения между двумя странами оставались в тени.

Следует признать, что и в нашей стране историческая наука как до Великой Октябрьской социалистической революции, так и в советское время основное внимание уделяла русско-шведским войнам. Достаточно перелистать школьные или вузовские учебники по истории России, чтобы убедиться, что Швеция фигурирует там почти исключительно как военный противник России. Только в последние два десятилетия стали выходить работы, посвященные мирным периодам отношений между Россией и Швецией². Перед советской исторической скандинавистикой стоит задача комплексного изучения русско-шведских отношений в новое время. Это тем более важно, что в вышедшем в 1974 г. коллективном труде «История Швеции» преобладающее внимание было уделено внутреннему развитию страны, а ее внешняя политика и отношения с Россией были показаны во многом бегло. В распоряжении советских историков имеются богатейшие материалы отечественных архивов³, еще слабо разработанные.

² См.: Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 года и торговые отношения России со шведским государством. М.—Л., 1964; Некрасов Г. А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М., 1964.

³ См.: Рухманова Э. Д., Курсков Ю. В. Источники по истории русско-скандинавских отношений в рукописных собраниях Ленинграда.— «Скандинавский сборник», вып. III. Таллин, 1958; Люблинский В. С. Источники по истории скандинавских стран в ЛОИИ АН СССР.— «Скандинавский сборник», вып. VI. Таллин, 1963; Козинцева Р. И. Источники по истории русско-скандинавских отношений в ЛОИИ АН СССР.— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970; Люблинская А. Д., Шаркова И. С. Шведские материалы в собрании П. К. Сухтелева в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде.— Там же; Щипанов В. К. Материалы о торговых и культурных

Темой настоящего исследования избран сравнительно небольшой по времени, но крайне важный в истории русско-шведских отношений период от завершения последней русско-шведской войны 1808—1809 гг. вплоть до конца Отечественной войны 1812 г., причем основное внимание уделено событиям 1812 г. Сближение России и Швеции в 1810—1811 гг., союз 1812 г. явились окончательным переломом в отношениях между двумя странами в новое время и решающим образом сказались впоследствии, несмотря на то что в годы Крымской войны 1853—1856 гг. русско-шведские отношения ухудшились. Кроме того, изучение отношений России со Швецией в тот период представляет интерес и с точки зрения дипломатической подготовки и истории Отечественной войны 1812 г.

Цель работы состоит в том, чтобы показать, почему Швеция, потерявшая в результате войны с Россией в 1809 г. Финляндию, через три года не только не воспользовалась наполеоновским вторжением в Россию, не только отказалась от реванша, но даже заключила с Россией союзный договор и стала таким образом к началу русско-французской войны единственным союзником России, который, правда, так и не вступил в войну, но тем не менее своей позицией оказал помощь русскому народу в его борьбе за независимость.

В работе сделана попытка охарактеризовать тенденции в шведской политике в отношении России в XVIII — начале XIX в., подоплеку шведских притязаний на Норвегию, ставших важным элементом нового внешнеполитического курса страны после 1809 г., показать поворот в отношениях между Россией и Швецией в 1810—1811 гг. В монографии рассматриваются ход дипломатических переговоров в Петербурге и Стокгольме в феврале — апреле 1812 г., которые привели к заключению союзного русско-шведского договора, тройственные переговоры между представителями России, Швеции и Англии весной — летом 1812 г., анализируются русско-шведские отношения

связях России со скандинавскими странами XIX — начала XX века в фондах ЦГИА СССР.— Там же; Некрасов Г. А. Архивы СССР и их значение для исследования русско-скандинавских отношений и истории скандинавских стран и Финляндии XIV—XIX вв.— «Скандинавский сборник», вып. XVII. Таллин, 1972.

в начальный период Отечественной войны 1812 г., в центре которых оказался вопрос запланированной, но так и не осуществленной совместной экспедиции против союзницы Наполеона — Дании и затем в северную Германию, рассматриваются ход и результаты встречи руководителей обеих стран в финском городе Або (Турку) в августе 1812 г. Особое внимание уделено борьбе русской дипломатии за окончательный разрыв Швеции с наполеоновской Францией в последние месяцы 1812 г. Завершают монографию события первых дней 1813 г. — окончание Отечественной войны, вступление русских войск в Польшу и Германию и одновременный разрыв Швеции с Францией.

В работе почти не рассматривается экономическая сторона русско-шведских отношений. Исследование этого вопроса вряд ли целесообразно в отношении столь небольшого периода. Кроме того, не представляется возможным в рамках данной работы затрагивать и отношение общественного мнения обеих стран к союзу.

Датировка в книге дается по новому стилю, но при ссылках на русские документы приводятся старый и новый стили.

Методологической основой нашего исследования является исторический материализм, идеи классиков марксизма-ленинизма. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин в ряде работ рассмотрели проблему международных отношений начала XIX в., в частности, некоторые их работы в той или иной степени затрагивают и русско-шведские отношения того периода. В 1857 г. К. Маркс с помощью Ф. Энгельса подготовил для американской энциклопедии статью «Бернадот», которая до настоящего времени остается на русском языке наиболее полной биографией этого видного государственного деятеля и полководца⁴. Важное значение для понимания проблем исследуемого периода имеет работа Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма»⁵. Принципиальная оценка присоединения Норвегии к Швеции в 1814 г., явившегося следствием русско-шведского союза, дается в статье В. И. Ленина «О праве наций на самоопределение»⁶.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 161—171.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 11—52.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 255—320.

*

Автор выражает глубокую признательность ответственному редактору монографии научному руководителю д. и. н. А. С. Кану за большую помощь при выборе темы исследования, за ценные замечания и советы при ее разработке. Он благодарит руководство Архива внешней политики России МИД СССР, предоставившее материалы, на основе которых в основном написана монография; руководство Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и сотрудников Рукописного отдела Королевской библиотеки в Стокгольме. Автор благодарит также за помощь на разных стадиях работы д. и. н. Г. А. Некрасова, В. Г. Сироткина, А. З. Манфреда, Б. Г. Вебера, к. и. н. О. В. Чернышеву и шведского историка профессора Стена Карлссона за критические замечания, сделанные им в отношении докладов автора по теме монографии на II советско-шведском симпозиуме историков в Стокгольме в марте 1976 г. и VII Всесоюзной конференции скандинавистов в декабре 1976 г. в Ленинграде, а также финских историков — профессора П. Томмилу и М. Энгмана за предоставление материалов, необходимых для написания данной работы.

*

Отечественная дореволюционная историография войны 1812 г., сама по себе значительная⁷, не проявляла большого интереса к проблематике русско-шведских отношений того периода.

В обобщающих трудах дворянской историографии — А. И. Михайловского-Данилевского, М. И. Богдановича, В. К. Надлера, Н. К. Шильдера, великого князя Николая Михайловича⁸ — приводились лишь самые общие сведения о русско-шведских соглашениях, подготовке совме-

⁷ Историографический обзор литературы о 1812 г. дается в работах Л. Г. Бескровного и П. А. Жилина (см. далее).

⁸ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года, ч. I—IV, изд. 2. СПб., 1840 (и послед. издания); Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам, т. 1—3. СПб., 1859—1860; Надлер В. К.

Император Александр I и идея Священного союза, т. I. Рига — Харьков, 1886; Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование, т. 3, изд. 2. СПб., 1905; Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I, т. I. СПб., 1912.

стной экспедиции и абоской встрече Александра и Карла Юхана в августе 1812 г. Они, как правило, избегали давать оценки русско-шведскому союзу.

Несколько подробнее останавливаются на этих проблемах буржуазные историки: С. М. Соловьев — в книге о внешней политике Александра I⁹, А. Н. Попов, освещающий с привлечением архивного материала заключение русско-шведского союза в апреле 1812 г. и предысторию абоской встречи в августе¹⁰, С. А. Корф, написавший раздел о русско-шведских отношениях после Фридрихсгамского мира в коллективной многотомной работе «Отечественная война 1812 г. и русское общество»¹¹.

Интересные данные о подготовке русского флота к совместной русско-шведской экспедиции в 1812 г. приводились в малоизвестной книге Н. Д. Каллистова¹². Довольно поверхностно затрагивал русско-шведские отношения 1812 г. историк реакционно-охранительного направления феннофоб М. М. Бородин в своих писаниях по истории Финляндии¹³. Например, главную причину разрыва Карла Юхана с Наполеоном он видел в их взаимной неприязни. Касались русско-шведского союза 1812 г. и русские авторы, писавшие в конце XIX — начале XX в. о проблемах шведско-норвежской унии¹⁴.

Каких-либо специальных исследований о русско-шведских отношениях после 1809 г. в дореволюционной русской историографии не было. Исследование К. К. Злобина о взаимоотношениях обоих государств в XIX в. было доведено до 1808 г.¹⁵

Советская историческая наука, особенно с 30-х годов, много сделала для изучения Отечественной войны 1812 г., прежде всего для выработки марксистско-ленинской трактовки событий, освещения характера войны, роли народных масс, хода военных действий. Однако некоторые существенные вопросы остаются недостаточно исследованными¹⁶. По мнению одного из крупнейших военных историков, П. А. Жилина, «все еще остаются малоисследованными такие важные аспекты войны, как предвоенная внешнеполитическая обстановка, дипломатическая... подготовка» Отечественной войны 1812 г.¹⁷ Это замечание остается верным и для русско-шведских отношений. Обобщающие работы¹⁸ и конкретные исследования¹⁹ мало затрагивают интересующие нас проблемы. Единственной серьезной попыткой рассмотреть русско-шведские отношения в 1809—1812 гг. оставалась до последнего времени статья профессора И. С. Завича, опубликованная в 1944 г.²⁰ и являвшаяся частью, к сожалению, так и не увидевшей свет фундаментальной работы о международных отношениях в 1812 г. Недавно с небольшой интересной статьей на эту тему выступил петрозаводский

¹⁶ См.: Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. Отечественная война 1812 г. и освободительная миссия русской армии (итоги и перспективы исследований). — В кн.: История и историки. Историографический ежегодник 1974. М., 1976, с. 105—147.

¹⁷ Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России, изд. второе, испр. и доп. М., 1974, с. 20.

¹⁸ Тарле Е. В. 1812 год. М., 1959; Окунов С. Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX века. Л., 1956; Он же. История СССР, ч. I. Конец XVIII — начало XIX века. Л., 1974; История дипломатии, т. I, изд. 2. М., 1959; Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963; Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1971 (изд. 2, 1973).

¹⁹ Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962; Он же. Русское военное искусство XIX в. М., 1974; Он же. Из истории внешней политики России с конца XVIII века до Венского конгресса. — В кн.: Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений. М., 1976, с. 337—371; Казаков Н. И. Внешняя политика России перед войной 1812 года. — В кн.: 1812 год. К столетию Отечественной войны. М., 1962; Жак Л. А. Англия и германская проблема (из дипломатической истории наполеоновских войн). М., 1963; Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801—1812 гг. М., 1966.

²⁰ Завич И. С. Союз между Россией и Швецией в 1812 году. — Известия АН СССР. Серия истории и философии, 1944, т. I, № 1.

⁹ Соловьев С. М. Александр I. Политика. Дипломатия. СПб., 1877.

¹⁰ Попов А. Н. Отечественная война 1812 года, т. I. М., 1905; Он же. Москва в 1812 году. — «Русский архив», 1875, № 7—8.

¹¹ Отечественная война 1812 года и русское общество, т. II. М., 1912.

¹² Каллистов Н. Д. Русский флот и Двенадцатый год. СПб., 1912.

¹³ Бородин М. М. История Финляндии, т. IV. Время Александра I. СПб., 1909, с. 403—413; [Он же]. Абов Г. А. Густав-Мориц Армфельт и его русско-финские отношения. Исторический очерк. СПб., 1901.

¹⁴ Берендтс Э. Н. О шведско-норвежской унии. Ярославль, 1895; Теплоу В. Расторжение шведско-норвежской унии. — «Русский вестник», 1905, № 11—12; Нольде В. Э. Начало и конец шведской унии. СПб., 1906.

¹⁵ Злобин К. К. Дипломатические сношения между Россией и Швецией в первые годы царствования императора Александра I до присоединения Финляндии к России. — Сб. РИО, т. 2. СПб., 1868.

историк Г. М. Коваленко²¹. Советский историк-скандинавист А. С. Кан разработал проблему шведской революции 1809—1810 гг. Он убедительно доказал ее буржуазный, но в то же время «верхушечный» характер. О шведской «политике 1812 г.» говорится в учебном пособии А. С. Кана по истории скандинавских стран²².

Наиболее обстоятельно отношения России со Швецией в конце наполеоновских войн затронуты в шведской исторической литературе. Новый внешнеполитический курс Швеции, направленный на сближение с Россией после войны 1808—1809 гг. и утраты Финляндии, нашедший свое воплощение в соглашениях 1812 г., уже в середине 50-х годов XIX в. получил в историографии название «политика 1812 года». Будучи переломным этапом во внешнеполитической истории страны, эта политика вплоть до недавнего времени оставалась одной из актуальных тем шведской исторической науки.

Шведские историки составили несколько довольно полных обзоров литературы по интересующей нас проблеме. В 1930 г. А. Шюк в рецензии на монографию Ф. В. Мурена, о которой пойдет речь далее, попытался кратко показать историографию «политики 1812 года»²³. Историографические обзоры содержатся в работах крупного шведского специалиста по этому периоду Т. Т. Хейера: обзор литературы до 1943 г. — во втором томе биографии Карла Юхана²⁴, за 1944—1954 гг. — в написанной им второй части третьего тома «Истории шведской внешней политики»²⁵. Новейшим обзором является историографический раздел к главе о «политике 1812 года» в университетском учебнике по истории Швеции, написанном

²¹ Коваленко Г. М. Русско-шведский союз 1812 года. — В кн.: Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1974, с. 152—158.

²² Кан А. С. История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). М., 1971, с. 115—116; Он же. Швеция 1809—1810 годов. Государственный переворот или буржуазная революция? — ННИ, 1973, № 1, с. 63—81; Он же. Буржуазная историография революции 1809—1810 гг. в Швеции. — ВИ, 1973, № 5, с. 79—96. См. также соответствующие разделы в коллективном труде: История Швеции. М., 1974.

²³ SHT, 1930, s. 230—232.

²⁴ Höjer T. T. Carl XIV Johan. Kronprinstiden. Stockholm, 1943, s. 451—516.

²⁵ Carlsson S., Höjer T. T. Den svenska utrikespolitikens historia, d. III: 1—2. Stockholm, 1954, s. 307—309.

одним из видных современных шведских историков, С. Карлссоном²⁶.

Еще в первой половине XIX в. союз России и Швеции 1812 г. сделался объектом шведской публицистики. Прежде всего сам Карл Юхан развернул широкую пропаганду для оправдания и популяризации своего внешнеполитического курса. Уже в апреле — июне 1812 г. в шведской газете «Скандинав», явно по указанию Карла Юхана, были помещены статьи, в которых обосновывалась необходимость решительного отказа Швеции от Финляндии, сближения с Россией и разрыва с Францией²⁷. Уже тогда сложилось представление о внешнеполитической направленности курса Карла Юхана. Шведский наследный принц после своего приезда в Стокгольм обратил внимание на Норвегию и отказался от мысли отвоевать Финляндию. На новый курс с нападками выступили ультранационалисты консервативно-романтического толка, не примирившиеся с утратой Швецией положения великой державы и потерей Финляндии. В то время как сторонники Карла Юхана отмечали предусмотрительность и политический острый взгляд кронпринца, противники, например поэт Э. Тегнер, видели в этой политике доказательство того, что Карл Юхан как чужестранец не понимал истинных чаяний шведов.

В 30-е годы XIX в. против «политики 1812 года» начала наступление либерально-буржуазная оппозиция. Особенно рьяно выступали публицисты А. Линдеберг и М. Крусенстольпе²⁸. Карл Юхан, ставший к тому времени королем Швеции, инспирировал кампанию в защиту своего внешнеполитического курса. В 1838 г. профессор Упсальского университета финляндец И. Вассер выпустил брошюру, в которой доказывал полезность и выгоду для Швеции сближения с Россией в 1812 г., необходи-

²⁶ Carlsson S. Svensk historia, d. II. Stockholm, 1970, s. 268—271.

²⁷ «Skandinaven», 1812, № 3, 4, 6, 9. Переводы этих статей на французский язык см.: АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10831, лл. 3—14 об.

²⁸ Lindeberg A. Sverige år 1809 och år 1832. Stockholm, 1832; Idem. Bidrag till Sveriges historia efter den 5 november 1810, d. I—II. Stockholm, 1839; Crusenstolpe C. M. Skildringar ur det inre af dagens historia, bd. II. Stockholm, 1834. О А. Линдеберге и М. Крусенстольпе см.: Бекстрем К. История рабочего движения в Швеции. М., 1961, с. 57—58; Кан А. С. Буржуазная историография... — ВИ, 1973, № 5, с. 81—82.

мость полного отказа от каких-либо планов возвращения Финляндии Швеции²⁹. Брошюра Вассера вызвала довольно живую полемику в прессе. Точку зрения Вассера в целом поддержал видный шведский ученый, историк и философ, поэт и общественный деятель Э. Г. Гейер. В ноябрьском-декабрьском номере журнала «Литтературбладет» за 1838 г. он поместил обстоятельную рецензию на работу Вассера, где дал краткий обзор русско-шведских отношений и защищал сближение Карла Юхана с Россией в 1812 г.³⁰

Вновь в центре живой дискуссии «политика 1812 года» оказалась после смерти Карла XIV Юхана, в годы Крымской войны. В 1855 г. вышел шестой том «Памятников шведской новой истории», представлявших собой компиляцию из материалов бывшего адъютанта Карла Юхана полковника Б. Шинкеля³¹. Издание было начато еще по инициативе Карла Юхана, подготавливал его профессор К. Бергман. Из него шведская общественность узнала о существовании между правящими династиями России и Швеции «семейного трактата», заключенного Карлом Юханом и Александром I в Або в августе 1812 г. Последовала новая атака на «политику 1812 года», поддержанная на этот раз королем Оскаром I и шведскими правящими кругами, отошедшими к этому времени от политики дружбы с Россией³².

Карла Юхана порицали за то, что в 1812 г. он не встал на сторону Наполеона, не выступил против России и не вернул Финляндию. Критикуя тесные связи основателя династии Бернадотов с царизмом, буржуазно-либеральная публицистика упускала из виду положительное значение установления прочных добрососедских связей между вековыми противниками. Трезвой оценке «политики 1812 года» мешали националистические настроения критиков, подчас доходившие в обстановке

Крымской войны до призывов к войне Швеции с Россией³³.

В противовес антибернадотовской кампании выступил в 1858 г. консервативный писатель и публицист П. А. Вальмарк³⁴, а в 1864 г. вышел обобщающий научный очерк шведской внешней политики в 1808—1815 гг. историка Г. Сведеруса³⁵, где внешняя политика Карла Юхана и русско-шведского союза оценивалась положительно, естественно, с консервативных позиций.

Таким образом, к этому времени сложилась традиционная точка зрения на внешнеполитический курс Швеции в 1810—1812 гг., который именно в годы Крымской войны получил название «политика 1812 года». Суть ее сводилась к следующему: после приезда в Стокгольм Карл Юхан решительно отказался от каких-либо реваншистских идей в отношении Финляндии и обратил свой взгляд на Норвегию. Уже в конце 1810 г. он установил прямые контакты с Александром I. Апогеем этой политики стали союзные соглашения с Россией 1812 г. и участие Швеции в антинаполеоновской войне 1813—1814 гг., в награду за которое союзники передали Норвегию Швеции. Споры велись лишь по поводу оценки этой политики, вокруг того, правильно или неправильно поступил Карл Юхан, пойдя на союз с Россией, а не воспользовался походом Наполеона на Москву, чтобы вернуть Финляндию.

²⁹ Статьи о «политике 1812 года» широко помещались в либеральных газетах «Афтонбладет», «Эстэрта-корреспондентен». — SNT, 1930, з. 231. Против русско-шведского сближения выступали известные буржуазно-либеральные деятели: Л. Ерта (*Hierta L. J. Var 1812 års politik en politisk nödvändighet?* Stockholm, 1856), О. П. Стурцен-Беккер (*Sturzen-Becker O. P. Tvenne vändpunkter* (1812—1855). Göteborg, 1855), Г. Лаллерстедт (*Lallerstedt G. La Scandinavie. Ses craintes et ses espérances.* Paris, 1856). Интересно, что именно от книги Лаллерстедта широко пошел миф о «русской угрозе» Северной Европе. См.: *Palmstierna C. F. Sweden and the Russian bogey.* — «The Nineteenth Century and after». London, Vol. CXIII, 1933, June, p. 739—754.

³⁴ *Wallmark P. A. Historiska berättiganden af åtskilliga i en del nyare skrifter förekommande uppgifter om och emot f. d. kronprinsen Carl Johan under hans deltagande i de politiska händelserna åren 1810—1814.* Stockholm, 1858.

³⁵ *Swederus G. Sveriges krig och politik åren 1808—1815, h. 1—3.* Stockholm, 1864. В 1866 г. вышло немецкое издание: *Schwedens Politik und Kriege in den Jahren 1808 bis 1814 vorzüglich unter Leitung des Kronprinzen Carl Johan*, Bd 1—2. Leipzig, 1866.

²⁹ [Hwasser I.] Om allianstraktaten emellan Sverige och Ryssland år 1812. Politisk betraktelse öfver Nordens nuvarande ställning. Stockholm, 1838.

³⁰ *Geijer G. Samlade skrifter*, afd. I, b. 8. Stockholm, 1855, s. 281—325; *Henningsson B. Geijer som historiker.* Uppsala, 1961, s. 418.

³¹ *Schinkel B. von. Minnen ur Sveriges nyare historia. Författade och utgivne af C. W. Bergman*, d. VI. Stockholm, 1855.

³² *Carlsson S. Svensk historia*, d. II, s. 323—325; *Eriksson S. Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget.* Göteborg, 1939.

Со второй половины XIX в. в своей внешней политике Швеция начала ориентироваться на Англию, а затем на вновь созданную Германскую империю, впрочем сохраняя нейтралитет как генеральную линию. Отношения с Россией продолжали оставаться прохладными. Проблемы наполеоновских войн, «политики 1812 года», русско-шведского союза потеряли свою актуальность и становились сферой академической историографии. Более доступными стали архивы, начали выходить новые документальные публикации, о которых речь ниже. Это значительно расширяло источниковедческую базу исследователей. В 80—90 годах шведские историки работали в русских архивах, в основном над изучением документов, связанных с русско-шведскими отношениями конца наполеоновских войн³⁶.

В конце XIX — начале XX в. в шведской историографии актуальным стал вопрос о шведско-норвежской унии 1814 г. в связи с развернувшейся в Норвегии борьбой за независимость страны. События 1812 г. вновь оказались в центре внимания. В этой связи следует выделить консервативного историка О. Алина, выпустившего в 1900 г. небольшой очерк о переговорах, предшествовавших заключению русско-шведского союзного договора весной 1812 г.³⁷ Алин готовил обобщающий труд о внешней политике Карла Юхана; в увидевшем свет первом томе события были доведены до 1811 г.³⁸ В 1909 г. отмечался столетний юбилей революции 1809 г. С отрицательной оценкой русско-шведского союза 1812 г. выступил видный консервативный историк С. Класон³⁹. Однако в девятом томе коллективной «Истории Швеции до XX века», вышедшем в 1910 г., Класон отошел от крайностей и положительно оценил «политику 1812 года»⁴⁰.

³⁶ См.: Похлебкин В. В. О работе шведских историков в русских архивах в XIX — начале XX века. — «Скандинавский сборник», вып. IV. Таллин, 1959, с. 56—73.

³⁷ Alin O. Förhandlingarna om allianstraktaten mellan Sverige och Ryssland af den 5 april (24 mars) 1812. Uppsala, 1900.

³⁸ Alin O. Carl Johan och Sveriges yttre politik 1810—1815. Stockholm, 1899.

³⁹ См.: Кан А. С. Буржуазная историография... — ВП, 1973, № 5, с. 85—86.

⁴⁰ Sveriges historia intill tjugondet seklet, afd 9. Stockholm, 1910, s. 137—205; Sveriges historia till våra dagar, d. 12. Stockholm, 1923, s. 178—268.

В 20—30-е годы нашего столетия изучение проблем, связанных с «политикой 1812 года», стало полностью сферой академической науки. Шло интенсивное освоение шведского и зарубежного архивного материала. Начали появляться солидные, документально обоснованные монографии и диссертации, принадлежавшие, как правило, историкам консервативного направления. Сильной стороной этих работ остается всестороннее привлечение источников и их критический анализ. Основным недостатком является отсутствие классового анализа шведской внешней политики, сосредоточение исключительно на дипломатической стороне дела, без учета внутривнутриполитического и экономического развития.

Кроме того, в литературе начала проявляться тенденция к преуменьшению значения союза с Россией в 1812 г. как качественного поворота в отношениях между обеими странами. Правда, это не относится к вышедшей в 1922 г. книге Э. Фушберга о прусско-шведских отношениях в 1810—1815 гг.⁴¹ Автор затрагивал и отношения Швеции с Россией в 1812 г., подчеркивал, что союз с Россией был важнейшим моментом в политике Карла Юхана. Указанная нами тенденция прослеживается в опубликованном в 1927 г. исследовании Ф. В. Мурена «Вокруг политики 1812 года»⁴². Эта работа охватывала дипломатическую историю Швеции и Дании от вторжения французов в Померанию в январе 1812 г. до заключения Плессвицкого перемирия между союзниками и французами в июне 1813 г. Мурен первым отошел от устоявшейся концепции «политики 1812 года». Свое внимание автор сконцентрировал на трудностях в отношениях с Россией, выдвигал на передний план отношения Швеции с Англией. При этом следует отметить, что Мурен был фактически первым историком, на большой документальной базе показавшим сложную дипломатическую борьбу на севере Европы в тот период.

Во время второй мировой войны вопрос о «политике 1812 года» оказался в центре дебатов историков. Летом

⁴¹ Forsberg E. Sverige och Preussen 1810—1815. Uppsala, 1922.

⁴² Morén F. W. Kring 1812 års politik. Stockholm, 1927. Интерес представляет и заметка Ф. В. Мурена об английских субсидиях Швеции в 1812 г.: Morén F. W. Englands subsidier åt Sverige under år 1812. — SHT, 1927, s. 180—182.

1941 г. шведский историк Э. Карлссон сделал попытку выдвинуть новую концепцию «политики 1812 года»⁴³. Главная мысль заключалась в том, что Карл Юхан не только хотел присоединить Норвегию к Швеции, но и вернуть Финляндию, что внешняя политика Швеции в 1812 г. носила антирусский характер. Цель статьи, опубликованной в научно-популярном журнале, состояла, видимо, в оживлении воинственных антирусских настроений в Швеции.

Не носившая научного характера статья Э. Карлссона вызвала довольно резкий ответ академической историографии. Концепцию Э. Карлссона подверг критике видный консервативный историк Т. Т. Хейер, биограф Карла Юхана, знаток шведских архивов, долгое время заведовавший семейным архивом династии Бернадотов. В статье, опубликованной на страницах академического «Исторического журнала», на основе первоисточников Т. Хейер показал, что в 1812 г. Карл Юхан не собирался сближаться с Наполеоном и действовать против России⁴⁴. В дальнейшем Т. Хейер несколько раз выступал в печати с изложением общей картины дипломатической истории 1812 г., прежде всего русско-шведских отношений и «политики 1812 года». В 1943 г. вышел второй том биографии Карла Юхана, охватывавший 1810—1818 гг., т. е. «время наследного принца»⁴⁵. В 1945 г. в научно-популярной серии «Живое прошлое» была опубликована брошюра Т. Хейера «Карл XIV Юхан и Александр. Поворотный пункт в истории шведско-русских отношений»⁴⁶. Это, пожалуй, единственная работа, специально посвященная взаимоотношениям обоих государств в XIX в. Своему появлению она обязана, как нам кажется, тому благоприятному общественному настрою в отношении нашей страны, который был вызван победой советского народа в Великой Отечественной войне. Т. Хейером написаны и соответствующие разделы в коллективных многотомных трудах: «История Швеции во все времена», выпущенная

в конце 40-х годов⁴⁷, и «История шведской внешней политики»⁴⁸. Кроме того, Т. Хейер неоднократно выступал по вопросам шведской «политики 1812 года» с полемическими статьями и заметками⁴⁹. Ценность работ Т. Хейера заключается прежде всего в использовании большого числа первоисточников, на которых он базирует свои исследования. Однако в целом его концепция «политики 1812 года» и русско-шведских отношений в 1812 г. удовлетворить не может. Во-первых, Т. Хейер сузил, как и Мурен, хронологические рамки этой политики, сведя ее лишь к 1812 г. Во-вторых, он утверждал, что в 1810—1811 гг. Карл Юхан колебался в выборе внешнеполитического курса между Францией и Россией, между экспансией в Норвегии и реваншем за Финляндию. За это его подверг справедливой критике Ф. В. Мурен на страницах «Исторического журнала»⁵⁰. Кроме того, Т. Хейер утверждал, что главным в шведской «политике 1812 года» было не сближение с Россией и присоединение Норвегии, тенденция к чему проявилась уже с конца 1810 г., а всего лишь стремление Швеции в 1812 г. «завоевать Норвегию с русской помощью до шведской диверсии в Германии»⁵¹. По мнению Т. Хейера, уже весной 1813 г. Швеция отошла от внешнеполитического курса, принятого в 1812 г., стала ориентироваться не на Россию, а на Англию, с которой заключила в марте 1813 г. союзный договор. Таким образом, преуменьшается значение для Швеции сближения с Россией после 1809—1810 гг. Точка зрения Т. Хейера была поддержана в 1959 г. шведским историком Ульссоном, который, говоря о шведском внешнеполитическом курсе в начале 1813 г., прибегает к противопоставлению «политики 1812 года» «политике 1813 года» (употребляемый им термин)⁵².

⁴⁷ Sveriges historia genom tiderna, d. 4. Stockholm, 1948, s. 28—46.

⁴⁸ Carlsson S., Höjer T. T. Den svenska utrikespolitikens historia d. III: 1—2 (см. рецензию С. М. Мирного.— ВИ, 1957, № 2).

⁴⁹ Höjer T. T. 1810.— års tronföljarval, 1811 års politik och mötet i Åbo.— SHT, 1944, h. 3, s. 318—324; Idem. 1810—1812. Några anmärkningar.— SHT, 1949, h. 3; Idem. Den muntliga överenskommelsen i Åbo 1812.— In: Historiska studier tillägnade Nils Ahnlund. Stockholm, 1949.

⁵⁰ SHT, 1944, h. 1, s. 187—201; h. 3, s. 325—331.

⁵¹ Carlsson S., Höjer T. T. Den svenska utrikespolitikens historia, d. III: 1—2, s. 308—309.

⁵² Olsson H. A. Till frågan om «1813 års politik».— SHT, 1959, h. 3, см. заметку А. С. Кана.— ВИ, 1960, № 8, с. 209.

⁴³ Carlsson E. 1812 års politik.— «Nordisk tidskrift», 1941, h. 6, s. 427—452.

⁴⁴ Höjer T. T. En ny teori om 1812 års politik.— SHT, 1942, h. 4, s. 333—380.

⁴⁵ Höjer T. T. Carl XIV Johan. Kronprinstiden.

⁴⁶ Höjer T. T. Carl XIV Johan och Alexander I. En vändpunkt i de svensk-ryska förbindelsernas historia. Stockholm, 1945.

В конце 40-х годов с интересными, но в значительной степени спорными работами о шведской внешней политике 1812 г. выступил лундский историк С. Валлер. Он привлек ранее не использованные материалы Шведского военного архива, что позволило ему осветить практические действия шведского правительства по подготовке военной экспедиции в 1812 г. и проведение абоской встречи Карла Юхана с Александром I в августе. Главными работами Валлера явились биография шведского военачальника Г. К. фон Дёбеля⁵³ и монография об абоской встрече и последующих событиях⁵⁴. Однако осталось слабодоказанным главное утверждение С. Валлера, что внешнеполитическая деятельность Карла Юхана диктовалась надеждами, которые питал бывший французский маршал, получить главенствующее положение во Франции после вероятного падения Наполеона.

Эта крайность справедливо критиковалась другими историками, в частности Т. Хейером⁵⁵ и финном П. Томмилой. Также спорно положение С. Валлера, что вся подготовка, проводившаяся Швецией к совместной русско-шведской военной экспедиции, была лишь маневром, предпринятым Карлом Юханом, чтобы не вызвать подозрений России в измене союзу и получить субсидии от Англии.

Это утверждение подверг основательной критике С. Карлссон, который настаивал на серьезности намерений Карла Юхана в отношении осуществления совместной русско-шведской экспедиции⁵⁶. Общая концепция С. Карлссона «политики 1812 года» и русско-шведских отношений изложена в его университетском курсе истории Швеции, выдержавшем несколько изданий, а также в научно-популярном многотомном иллюстрированном из-

дании «Шведская история», вышедшем во второй половине 60-х годов⁵⁷.

С. Карлссон устанавливает рамки «политики 1812 года» 1810—1814 гг. Он считает, что ее начало было положено приездом в Стокгольм Карла Юхана в конце 1810 г. Карл Юхан, подчеркивает С. Карлссон, был холоден к реваншистским идеям, и, хотя Финляндия играла некоторую роль в его политике, основная цель Швеции при нем — присоединение Норвегии. Важным моментом в становлении нового внешнеполитического курса, по мнению Карлссона, было стремление Карла Юхана укрепить свое положение в стране внешнеполитическими успехами. 1811 год характеризуется С. Карлссоном как период колебаний в политике. Он считает серьезными мысли Карла Юхана о союзе с Наполеоном, одновременно указывая, что на пути франко-шведского сближения встали торговые и политические разногласия. Переломный момент — оккупация шведской Померании французами в январе 1812 г., после чего Швеция окончательно повернулась к Англии и России, причем и у С. Карлссона на первом месте — Англия, а не Россия. С. Карлссон в большей степени, чем Ф. В. Мурен и Т. Хейер, связывает внешнюю и внутреннюю политику. В целом С. Карлссон оценивает «политику 1812 года» положительно.

В 40—50-х годах проблемы шведской политики в 1809—1812 гг. продолжали интересоваться и других историков. С двумя статьями — о внешнеполитической программе Карла Юхана в 1810 г. и о подоплеке французского вторжения в шведскую Померию в январе 1812 г. — выступил упоминавшийся выше Э. Карлссон⁵⁸. Эти работы носили менее тенденциозный и более академический характер, в них широко использовался новый архивный материал. В первой статье Э. Карлссон пытался развить идею, что в планы Карла Юхана входила не только Норвегия, но и Финляндия; во второй — доказывал, что вступление французов в Померию было продиктовано отнюдь не стремлением покончить с британской контрабандой или ликвидировать возможный плац-

⁵³ Waller S. Georg Carl von Döbeln. Studier i Sveriges militäriska och politiska historia 1808—1813. Lund, 1947.

⁵⁴ Waller S. Abomötet 1812 och de svenska krigsutrustningarnas inställande. Lund, 1951.

⁵⁵ Carlsson S., Højer T. T. Den svenska utrikespolitikens historia, d. III: 1—2, s. 308—309.

⁵⁶ Carlsson S. Abofördraget och krigsrustningarna 1812.— «Scandia», bd XVIII, 1947, h. 2, s. 192—201; см. рецензию С. Карлссона на кн.: Waller S. Georg Carl von Döbeln...— SHT, 1948, h. 2, s. 187—193; Idem. Carl Johan i Åbo 1812.— «Scandia», bd XXI, 1951—1952, h. 1, s. 72—76.

⁵⁷ Carlsson S. Svensk historia, d. II; Idem. Den svenska historien, d. 8. Stockholm, 1968.

⁵⁸ Carlsson E. Carl Johans utrikespolitiska program vid ankomsten till Sverige 1810.— SHT, 1948, h. 4, s. 335—343; Idem. Napoleon och svenska Pommern år 1812.— SHT, 1954, h. 2, s. 146—170.

дарм для высадки своих противников. Наполеон таким странным образом хотел вызвать в Швеции недовольство Карлом Юханом и заставить его пойти на сближение с Францией.

Русско-шведские отношения в 1812 г. были затронуты в популярной биографии крупного шведского внешнеполитического деятеля первой половины XIX в., одного из близких сотрудников Карла Юхана, графа Густава Лёвенгельма⁵⁹.

Планам Швеции в отношении Норвегии в 1810—1814 гг., разногласиям внутри шведских правящих кругов в способе их осуществления посвящена фундаментальная монография видного шведского историка Ё. Вейбулля⁶⁰. Характеризуя внешнеполитический курс Карла Юхана, он подчеркивает, что Карл Юхан с самого начала выступал за сближение с Россией. Целью внешней политики Швеции была Норвегия, и сближение с Францией в первой половине 1811 г. Карл Юхан мыслил, по мнению Ё. Вейбулля, как средство получить Норвегию, а не Финляндию, причем оно не должно быть направлено против России. Выбор между Россией и Францией падает на осень 1811 г. Померанские события явились, как считает историк, «непосредственным поводом для окончательных мероприятий в пользу новой ориентации». Основой «политики 1812 года», как подчеркивает Ё. Вейбулл, стал русско-шведский союзный договор 1812 г.

К концу 50-х годов в шведской исторической науке началась радикализация, даже определенное полевание. С историографической арены сходили шведские консервативные историки. Интерес все больше смещался в сторону социально-экономических исследований, изучение внешней политики стало ориентироваться на новейшее время. Традиционные сюжеты, в частности внешняя политика первой половины XIX в., уступили место более актуальным темам⁶¹. Определенную роль в этом сыграло и ошибочное убеждение об исчерпанности архивов.

⁵⁹ Klemming S. Gustaf Carl Fredrik Löwenhielm. Hovman, krigare, diplomat. Stockholm, 1956.

⁶⁰ Weibull J. Carl Johan och Norge 1810—1814. Unionsplanerna och deras förverkligande. Lund, 1957; см. также: *Idem*. Bernadotterna på Sveriges tron. Stockholm, 1971 (2 utg. 1977).

⁶¹ О современном состоянии шведской исторической науки см.: Кан А. С. Шведская историография в XX веке. — ВИ, 1971, № 11, с. 93—96.

Тем не менее в 70-х годах, в условиях постоянного улучшения советско-шведских отношений, можно констатировать пробуждение интереса к изучению взаимоотношений между Россией и Швецией в прошлом, причем именно среди историков молодого поколения.

Русско-шведские отношения в 1812 г. затрагивались довольно обстоятельно и в историографии Финляндии. Еще в 30—40-х годах XIX в. с критикой одного из апологетов политики Карла Юхана, И. Вассера, выступил видный финский националистический деятель А. И. Арвидссон, эмигрировавший в Швецию. В своей антирусской направленности он сближался со шведскими либералами. Он утверждал, что «политика 1812 года» и сближение с Россией были противны интересам и шведов, и финнов, которые якобы стремились вернуть Финляндию в состав Швеции⁶².

В обобщающих курсах истории Финляндии более или менее подробно авторы останавливались на событиях 1812 г., особенно на абоской встрече Александра и Карла Юхана⁶³. Так, один из видных консервативных историков Финляндии конца XIX — начала XX в., М. Шюбергсон, отмечал, что соглашение, подписанное в Або, определило взаимоотношения между Россией и Швецией на будущие 40 лет⁶⁴. Другой консервативный историк, Э. Хорнборг, писал, что встреча в Або похоронила идею возвращения Финляндии Швеции⁶⁵.

Оценивая политику Карла Юхана, современный историк Л. А. Пунтила подчеркивает его реалистическую точку зрения. По мнению Л. А. Пунтилы, заключив союз со Швецией, Россия гарантировала себе обладание Финлян-

⁶² [Arwidsson A. I.] Pekka Kuoharinen. Finland och dess framtid. Stockholm, 1838; [Idem]. Olli Kekäläinen. Finlands nuvarande statsförfattning. Stockholm, 1841; о полемике между И. Вассером и А. Арвидссоном см.: Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия. 1800—1850. Таллин, 1962, с. 87—90; Junnila O. Ruotsin muuttanut. Adolf Jwar Arwidsson ja Suomi (1823—1858). Helsinki, 1972.

⁶³ Yrjö-Koskinen Y. Finnische Geschichte von den frühesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Leipzig, 1874; Juva E., Juva M. Suomen kansan historia, IV. Helsinki, 1966, s. 55—58.

⁶⁴ Schybergson M. G. Finlands politiska historia 1809—1919. Helsingfors, 1923, s. 62—64.

⁶⁵ Hornborg E. Finlands hävder, d. IV. Helsingfors, 1933, s. 57; *Idem*. Sveriges historia. Stockholm, 1940, s. 324.

дией и обеспечила в будущем мир со Швецией⁶⁶. В общем очерке финской истории, предназначенном для заграницы, Э. Ютиккала лишь сказал о реваншистских настроениях в Швеции после Фридрихсгамского мира, вообще умолчав о русско-шведском сближении⁶⁷.

Историки Финляндии внесли определенный вклад в разработку конкретных вопросов русско-шведских отношений и «политики 1812 года». Большой фактический материал привлек видный финский историк Ю. Р. Даниельссон-Кальмари в своем многотомном исследовании по истории страны в первой четверти XIX в.⁶⁸

Интересные архивные документы о русско-шведских отношениях в 1812 г. были использованы в вышедших в 20-х — начале 30-х годов XX в. биографиях. Речь идет о книге Г. Рейна о шведском генерале, уроженце Финляндии, начальнике штаба Швеции в 1812 г. К. Ю. Адлеркрейце⁶⁹ и об исследовании крупного шведского историка того времени К. фон Бунсдорфа, посвященном известному шведско-финскому деятелю Густаву Морицу Армфельту⁷⁰. Обе книги не отличаются какими-либо обобщениями, они представляют ценность благодаря использованию архивного материала. В первой работе нашли отражение проведение абоской встречи и последовавших шведских вооружений, подготовка шведов к совместной с Россией военной экспедиции против Франции и Дании летом и осенью 1812 г. В книге об Армфельте для нас наибольший интерес представляет описание зимне-весенних переговоров русского правительства со шведским уполномоченным К. Лёвенгельмом, в которых принимал активное участие и Армфельт.

В 1962 г. на французском языке вышла монография крупного финского историка П. Томмилы «Финляндия в европейской политике 1809—1815 гг.» Это одно из самых фундаментальных исследований международных отноше-

⁶⁶ Puntila L. A. Finlands politiska historia 1809—1966. Helsingfors, 1972, s. 27.

⁶⁷ Jutikkala E. Finlands historia. Stockholm, 1965, s. 208.

⁶⁸ Danielsson-Kalmari J. R. Aleksanteri I:n aika, I—VI. Porvoo, 1920—1928.

⁶⁹ Rein G. Karl Johan Adlercreutz. Försök till levnadsteckning, d. 2. Helsingfors, 1927; см. рецензию: Enander B.—SHT, 1930, s. 131—134.

⁷⁰ Bunsdorf C. von. Gustaf Mauritz Armfelt. Levnadsskildring, d. 3—4. Helsingfors, 1932—1934.

ний конца наполеоновских войн. Томмила использовал материалы не только шведских, финских и датских, но и советских архивов: АВПР, ЦГАДА, ЦГИА. П. Томмила поддержал тезис Т. Хейера, что основу политики Карла Юхана в 1812 г. составлял принцип — сначала приобретение Норвегии, а затем вступление Швеции в войну. Критикуя шведских исследователей, финский историк пришел к выводу, что ведущую скрипку в дипломатических переговорах играла Россия, а не Швеция. Он справедливо отмечал, что «союз соответствовал интересам обоих государств»⁷¹. Когда же Томмила пишет о стихийности с обеих сторон в заключении союзного договора, с этим можно поспорить. Здесь имеется определенная недооценка последовательности внешнеполитического курса Карла Юхана, причем его тактические ходы принимаются за стратегию. По мнению П. Томмилы, запланированные на 1812 г. совместные операции против Дании и Франции не состоялись, так как Швеция все-таки желала оставаться зрителем, а Россия стремилась сохранить свободу в использовании русских войск, сосредоточенных в Финляндии.

Затрагивались проблемы русско-шведских отношений 1812 г. и в работах, написанных историками скандинавских стран: Дании и Норвегии. Из датских работ можно отметить старую, но не потерявшую значения благодаря использованию архивного материала книгу консервативного историка Э. Хольма о внешнеполитической истории Дании — Норвегии в 1807—1814 гг.⁷² Что касается современных исследований, то интересующие нас сюжеты освещались в десятом томе «Истории Дании», написанном видным специалистом по историко-экономическим проблемам профессором Е. Вибеком⁷³, а также в нескольких монографиях крупнейшего специалиста по истории датской внешней политики первой половины XIX в. профессора Г. Нёррегора⁷⁴.

В норвежской историографии интерес к проблемам

⁷¹ Tommila P. La Finlande dans la politique européenne en 1809—1815. Helsinki, 1962, p. 440.

⁷² Holm E. Danmark — Norges udenrigske Historie i Aarene 1807—1814. København, 1912.

⁷³ Vibæk J. Danmarks historie, b. 10 (Reform og Fallit 1774—1830). København, 1964.

⁷⁴ Nørregård G. Danmark og Wiener Kongressen. København, 1948; Idem. Freden i Kiel 1814. København, 1954.

дипломатической истории 1812 г. выступал, как правило, в связи с изучением предыстории буржуазной революции 1814 г. в Норвегии. В этой связи прежде всего необходимо упомянуть одного из первых исследователей новой истории страны, публикатора архивных документов, И. Нильсена⁷⁵. В 50-е годы XX в. события 1812 г. нашли отражение в научно-популярной книге профессора С. Стеена о 1814 г.⁷⁶

Обширная французская литература о наполеоновских войнах, естественно, не обходила и сближение России со Швецией. Однако ее значение именно для рассмотрения политики Швеции снижается из-за того, что в ней господствует морально-этическая оценка деятельности Бернадота (имени Карл Юхан французы, как правило, не признают). Для подавляющего большинства французских историков (но не для всех) шведский наследный принц — попросту изменник, предавший Францию. В этом едины и известные республиканцы А. Сорель и А. Вандаль, и бонапартист Б. Сарранс, и роялист Пэнго. Недалеко от них ушли и реакционеры Э. Дрио и Л. Мадлен⁷⁷. Но во французской историографии можно обнаружить и другую, значительно более слабую, тенденцию — оправдывать перед соотечественниками деяния бывшего французского маршала. В прошлом веке эту тенденцию выражали историки Г. Тушар-Лафосс⁷⁸ и затем К. Шефер⁷⁹. В 60-е годы со своеобразной попыткой «реабилитировать» Бернадота выступил довольно консервативный историк-любитель Г. Жиро де Лен⁸⁰, опубликовавший ранее биографию жены Карла Юхана Дезире Клари⁸¹.

⁷⁵ *Nielsen Y.* Aktnæssige Bidrag til Sveriges politiske Historie 1812—1813. Christiania, 1877.

⁷⁶ *Steen S.* Det frie Norge 1814. Oslo, 1951.

⁷⁷ *Сорель А.* Европа и французская революция, т. VII. СПб., 1908; *Вандаль А.* Наполеон и Александр I, т. II—III. СПб., 1913; *Sarrans-jeune B.* Histoire de Bernadotte — Charles XIV Jean — roi de Suède et de Norvège, t. I—II. Paris, 1845; *Pingaud L.* Bernadotte, Napoléon et les Bourbons (1797—1844). Paris, 1901; *Driault E.* Napoléon et l'Europe. La chute de l'Empire. La légende de Napoléon (1812—1815). Paris, 1927; *Madelin L.* Histoire du Consulat et de l'Empire, v. IX—XIII. Paris, 1949.

⁷⁸ *Touchar-Lafosse G.* Histoire de Charles XIV (Jean Bernadotte), roi de Suède et de Norvège, t. I—III. Paris, 1838.

⁷⁹ *Schefer C.* Bernadotte — roi (1810—1818—1844). Paris, 1899.

⁸⁰ *Girod de l'Ain G.* Bernadotte. Chef de guerre et chef d'Etat. Paris, 1968.

⁸¹ *Girod de l'Ain G.* Désirée Clary. Paris, 1959.

Участие Швеции в континентальной блокаде, ее экономические связи с Англией, в значительной степени являвшиеся подоплекой «политики 1812 года», заинтересованность в них шведского торгового капитала затрагиваются в фундаментальной работе известного французского исследователя Ф. Крузе «Британская экономика и континентальная блокада»⁸².

В английской историографии некоторые сведения о переговорах между Россией, Швецией и Англией в 1812 г. содержатся в «Кембриджской истории британской внешней политики»⁸³, а также в монографии крупного британского историка Ч. Уэбстера, посвященной внешнеполитическому курсу министра иностранных дел Англии Каслри⁸⁴.

Из работ, вышедших в Соединенных Штатах Америки, следует отметить книгу Ф. Скотта о Бернадоте⁸⁵ и особенно серьезное и хорошо документированное исследование Дж. Шервига об английских субсидиях европейским государствам во времена революционных и наполеоновских войн⁸⁶. В последней работе для нас интерес представляет глава, посвященная событиям 1812 г.

В немецкой и австрийской литературе⁸⁷, посвященной событиям того периода, внешняя политика Швеции получила лишь самое общее освещение. То же можно сказать и о немногочисленных общих работах на немецком языке по истории скандинавских стран⁸⁸. Об отношениях Швеции с Австрией в 1812 г. несколько подробнее говорится в устаревшем уже исследовании австрийского историка К. Войнара⁸⁹. Почти нет нового материала и в биографиях Бернадота (Карла Юхана), появившихся в

⁸² *Crouzet F.* L'économie britannique et le blocus continental (1806—1813), t. 1—2. Paris, 1958.

⁸³ CHBFP, 1922.

⁸⁴ *Webster C. K.* The Foreign Policy of Castlereagh 1812—1815. London, 1931.

⁸⁵ *Scott F. D.* Bernadotte and the Fall of Napoleon. Cambridge (Mass.), 1935.

⁸⁶ *Sherwig J. M.* Guineas and Gunpowder. British Foreign Aid in the Wars with France 1793—1815. New York, 1969.

⁸⁷ Об этой литературе см.: *Зак Л. А.* Указ. соч.

⁸⁸ См., например: *Dufner W.* Geschichte Schwedens. Ein Überblick, Neumünster, 1967.

⁸⁹ *Wojnar K.* Österreichs Beziehungen zu Schweden und Dänemark, vornehmlich seine Politik bei der Vereinigung Norwegens mit Schweden in den Jahren 1813 und 1814. Wien, 1891.

прошедшие полтора столетия на немецком языке. Последняя книга такого рода, принадлежащая перу историка из ФРГ А. Имгофа, фактически является лишь сокращенным изложением работы Г. Жиро де Лена⁹⁰.

Лишь в испанской литературе — работах В. Р. Вилла-Уррутиа и Х. Беккера — можно найти материал о переговорах вокруг заключения испано-шведского договора в ноябре 1812 г., в которых самое активное участие принимала русская дипломатия⁹¹.

Таким образом, состояние исследовательской литературы по проблеме русско-шведского союза 1812 г. показывает необходимость специального изучения данной проблемы.

Настоящая работа в значительной степени основана на первоисточниках — материалах Архива внешней политики России МИД СССР, прежде всего на документах, имеющихся в фонде Канцелярии Российского министерства иностранных дел. В монографии использована переписка Александра I со шведским королем Карлом XIII и наследным принцем Карлом Юханом за 1810—1812 гг.⁹² Особую важность представляет переписка Александра I и министра иностранных дел России канцлера Н. П. Румянцева с российскими представителями при шведском дворе П. К. Сухтеленом и П. А. Николаи за 1812 г.⁹³ П. К. Сухтелен — выходец из Голландии, генерал, участник войны со Швецией 1808—1809 гг., с декабря 1810 г. по октябрь 1811 г. находился с особой миссией в Стокгольме, выполняя обязанности посланника. В феврале 1812 г. П. К. Сухтелен вновь был послан в Швецию для переговоров о заключении союза. П. А. Николаи — русский дипломат, в декабре 1811 г. — августе 1812 г. — поверенный в делах в Стокгольме, в сентябре — ноябре 1812 г. — поверенный в делах в Лондоне. П. К. Сухтелен и П. А. Николаи были активными

⁹⁰ Imhof A. Bernadotte. Französischer Revolutionsgeneral und schwedisch-norwegischer König. Göttingen — Frankfurt, 1970.

⁹¹ Villa-Urrutia W. R. Relaciones entre España e Inglaterra durante la guerra de la independencia, v. 3. Madrid, 1914; Becker J. Historia de las relaciones exteriores de España durante el siglo XIX, t. I. Madrid, 1924.

⁹² АВПР, ф. Канцелярия, 1810 г., д. 6214; 1811 г., д. 6216—6218; 1812 г., д. 6271—6274 (часть писем опубликована — см. далее).

⁹³ АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10823—10827; донесения П. А. Николаи из Лондона в 1812 г. — Там же, д. 6820.

участниками переговоров, которые проходили в Швеции сначала со шведами, а с апреля 1812 г. и с английским дипломатом Э. Торнтоном.

Инструкции, направляемые русским дипломатам, подписывались, как правило, Н. П. Румянцевым и контрагировались Александром I. В них излагалась точка зрения русского правительства, давались обстоятельные указания, содержалось одобрение или порицание действий дипломатов.

Донесения из Швеции направлялись в адрес Н. П. Румянцева. П. К. Сухтелен посылал некоторые донесения прямо Александру. В них подробно освещался ход переговоров с представителями шведского правительства, чаще всего со шведским наследным принцем Карлом Юханом и министром иностранных дел Л. фон Энгстрёмом, а также с английским дипломатом Э. Торнтоном; содержались информация о внутренней и внешней политике Швеции, о борьбе внутри шведских правящих кругов по внешнеполитическим вопросам, оценка позиции шведского правительства по тем или иным вопросам. К донесениям прилагались ноты, проекты соглашений, переписка с третьими лицами, в частности с русскими дипломатами Н. П. Пизани, А. А. Кенигсфельсом, П. Б. Козловским, которые, находясь в Стокгольме, встречались с руководителями шведской внешней политики⁹⁴.

При обращении к дипломатической переписке того времени необходимо учитывать сроки получения посланий адресатами. Курьеры добирались из Петербурга в Стокгольм дней за десять, а то и больше. Много зависело от условий погоды. Так, переговоры о заключении русско-шведского союза велись в конце зимы — начале весны, когда морское сообщение крайне затруднительно. У дипломатов была большая свобода действий, но в то же время на них лежала и большая ответственность, часто приходилось принимать решения без предварительного согласования с правительством, как это произошло с П. К. Сухтеленом при заключении соглашения в Стокгольме.

Ценными материалами, существенно дополняющими донесения П. К. Сухтелена, являются его архив и кол-

⁹⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10828—10830.

лекция, хранящиеся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Здесь довольно полно представлена переписка П. К. Сухтелена с русскими и иностранными деятелями в 1812 г.⁹⁵

Для исследования русско-шведских отношений в 1812 г. важна переписка Н. П. Румянцева и управляющего в его отсутствие министерством иностранных дел А. Н. Салтыкова со шведскими представителями в России, прежде всего с дипломатом К. Лёвенгельмом, который в феврале 1812 г. прибыл в Петербург для ведения переговоров о заключении союзного договора, а затем фактически выполнял функции посланника⁹⁶.

В работе использована также памятная записка финского деятеля Г. Армфельта Российскому министерству иностранных дел о внешнеполитическом курсе России, представленная 19(31) января 1812 г.⁹⁷

Помимо советских архивов для изучения данного вопроса был привлечен материал Шведского государственного архива, полученный АВПР из Швеции в виде микрофильмов в начале 1960-х годов. Большой интерес представляют инструкции шведского правительства, подписанные королем Карлом XIII, шведским наследным принцем Карлом Юханом и министром иностранных дел Л. фон Энгестрёмом, шведскому дипломату К. Лёвенгельму за 1812 г. Эти материалы имеются в фонде архива шведской миссии в Петербурге⁹⁸. Инструкции, данные К. Лёвенгельму перед отъездом в Россию и датированные 4 февраля 1812 г., до сих пор целиком не публиковались и знакомы историкам преимущественно по литературе.

Особенно обстоятельно позволяют проследить ход русско-шведских переговоров в Петербурге в феврале — апреле 1812 г. донесения К. Лёвенгельма и поверенного в делах Швеции в Петербурге Шенбума, хранящиеся в фонде Мусковитика⁹⁹. В них содержится ценная информация о русской внешней и внутренней политике, о бесе-

дах с Александром I, Н. П. Румянцевым и другими деятелями, причем эти сведения далеко не всегда отражались в отечественных материалах.

Кроме того, нам удалось просмотреть некоторые материалы за 1812 г. из личного фонда шведского министра иностранных дел Л. фон Энгестрёма, находящегося в рукописном отделе Королевской библиотеки Стокгольма¹⁰⁰.

Что касается публикации источников, то в отечественных дореволюционных публикациях, несмотря на устойчивый интерес к событиям 1812 г., достаточно полного собрания документов, касающихся отношений со Швецией, не было. В некоторых изданиях можно встретить лишь отдельные документы по интересующей нас теме. Так, в официальном «Полном собрании законов Российской империи» были помещены те статьи русско-шведских соглашений, которые касались торговли и урегулирования экономических вопросов, связанных с переходом Финляндии к России¹⁰¹. В Сборнике Русского исторического общества в 1877 г. имеются два донесения П. К. Сухтелена Александру I за март 1812 г., посвященные переговорам в Стокгольме¹⁰². Несколько дополняют архивный материал письма русского поверенного в делах в Стокгольме П. А. Николаи графу С. Р. Воронцову и его сыну М. С. Воронцову, опубликованные в «Архиве князя Воронцова»¹⁰³.

Некоторые материалы о русско-шведских отношениях даны в публикациях к столетию Отечественной войны 1812 г., например документы, затрагивающие подготовку русского экспедиционного корпуса в Финляндии¹⁰⁴ или вывоз русского хлеба в Швецию в 1812 г.¹⁰⁵

Гораздо большую ценность для исследователя представляет фундаментальная советская публикация под редакцией академика А. Л. Нарочницкого «Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Рос-

⁹⁵ ОР ГПБ, ф. П. К. Сухтелена (993), архив и собрание автографов.

⁹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 11019—11020.

⁹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 5241.

⁹⁸ Svenska Riksarkivet. Beskickningens i Peterburg arkiv, I. Mottagna skrivelser 1812—1813 (далее — SRA BPA).

⁹⁹ Svenska Riksarkivet. Muscovitica. Skrivelser (depescher) från beskickningen i Peterburg (далее — SRA Muscovitica SBP).

¹⁰⁰ KB. Brev till Lars von Engeström, 1812.

¹⁰¹ ПСЗРИ, т. XXXII (1812—1815). СПб., 1830.

¹⁰² Сб. РИО, т. 21. СПб., 1877.

¹⁰³ Архив кн. Воронцова, кн. 22, 37. М., 1881, 1891.

¹⁰⁴ См.: Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного Штаба, т. I—XXI. СПб., 1900—1914.

¹⁰⁵ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. — Сб. РИО, т. 133. СПб., 1911.

сийского министерства иностранных дел»¹⁰⁶. Документы за 1812 г. помещены в шестом томе, вышедшем вне очереди в 1962 г. к 150-летию Отечественной войны. Здесь впервые в отечественных публикациях помещены полные тексты русско-шведских соглашений за 1812 г. Кроме того, изданы инструкции Н. П. Румянцева П. А. Николаю и П. К. Сухтелену, некоторые их донесения. Многие русские и шведские архивные документы изложены в пространных комментариях к тому, иногда представляющих собой миниатюрные научные исследования. Разумеется, выход в свет «Внешней политики России» никоим образом не устраняет необходимость работы в архивах, поскольку на страницы этого издания попали «сливки» из громаднейшего документального фонда наших собраний, до сих пор мало исследованных даже по такой важнейшей теме, как дипломатическая история Отечественной войны 1812 г.

Многочисленные материалы по интересующей нас теме были опубликованы за рубежом, прежде всего в Швеции. Первой публикацией, где в переводах на шведский язык давались дипломатические документы, освещающие русско-шведские отношения в 1812 г., были приложения к упомянутым «Памятникам шведской новой истории» Б. Шинкеля¹⁰⁷. Здесь помещены письма Карла Юхана, отрывки из донесений К. Лёвенгельма и ряд других документов.

Несколько позже, в 1883 г., в отдельно изданном приложении к «Памятникам» Б. Шинкеля некоторые документы о русско-шведских отношениях и шведской внешней политике в 1812 г. поместил шведский историк Б. Боэциус¹⁰⁸. Почти тогда же, в 1885 г., шведский историк П. Стрёмбек издал публикацию о внешней политике Швеции после войны 1808—1809 гг., где в шведском переводе помещены документы, выявленные в ан-

лийских, французских и австрийских архивах¹⁰⁹. Для нас особый интерес представляет английская дипломатическая переписка, в которой освещаются переговоры между Россией, Швецией и Англией весной и летом 1812 г.

Документы о русско-шведских отношениях, обнаруженные в архивах Петербурга и Стокгольма, в частности переписку Н. П. Румянцева с П. К. Сухтеленом и П. А. Николаем, а также К. Лёвенгельма со своим правительством, использовал в своей увлекательной, но довольно легковесной книге шведский писатель А. Анфельт, интересовавшийся историческими сюжетами¹¹⁰. Научное значение публикации невелико, она требует особо критического отношения. Документы даны в отрывках, подбор их часто бессистемен.

Интерес для нас представляет также шведская публикация датских дипломатических донесений из Стокгольма за исследуемый период¹¹¹.

Борьбу внутри шведских правящих кругов освещают изданные консервативным шведским историком О. Алином протоколы заседания Государственного совета Швеции 23—24 февраля 1812 г., на которых обсуждался новый внешнеполитический курс¹¹².

В данном исследовании использована полная, хотя и не всегда точная, публикация переписки Александра I с Карлом Юханом за 1812 г., изданная неким «икс» в Париже в 1909 г.¹¹³ В значительной степени документы Стрёмбека дублирует на языке оригинала помещенная в приложении к «Кембриджской истории британской внешней политики» переписка британского министра иностранных дел Каслри с Э. Торнтоном за 1811—1812 гг.¹¹⁴

¹⁰⁶ ВПР, серия первая, т. I—VIII. М., 1960—1972; см.: Рогинский В. В. Россия и скандинавские государства в 1801—1815 гг. (Обзор материалов серийной публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века»). — «Скандинавский сборник», вып. XXI. Таллин, 1976, с. 227—236.

¹⁰⁷ Schinkel B. von. Minnen ur Sveriges nyare historia, d. VI. Stockholm, 1855.

¹⁰⁸ Boëthius B. Bihang till minnen ur Sveriges nyare historia, d. III. Uppsala, 1883.

¹⁰⁹ Scaevola (Strömbeck P.). Utländska diplomaters minnen från svenska hofvet. Stockholm, 1885.

¹¹⁰ Ahnfelt A. Två krönte rivaler, bd I—II. Stockholm, 1887.

¹¹¹ Anker C. J., Wrangel F. U. Ur danska diplomaters meddelanden från Stockholm 1807—1813. Stockholm, 1897.

¹¹² Alin O. Svenska statsrådets protokoll i frågan om förbundet med Ryssland 1812. Uppsala, 1900.

¹¹³ Correspondance inédite de l'Empereur Alexandre et de Bernadotte pendant l'année 1812. Publié par X. Paris, 1909. В публикации в письмо Карла Юхана Александру от 11 августа (р. 25—26) включена приписка, в действительности относящаяся к письму от 13 июля (АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 6273, лл. 27—32).

¹¹⁴ CHBFP, 1922.

В качестве дополнительного источника была частично использована русская пресса тех времен: журналы «Сын отечества» за 1812 г. и «Исторический, статистический и географический журнал» за 1812—1813 гг., а также официоз, издававшийся на французском языке, «Le Conservateur impartial» за 1813 г., шведский журнал «Skandinaven» за 1812 г. Русско-шведские отношения, внешняя политика Швеции освещены в них крайне скупо, что объясняется секретным, в известной мере, характером этих отношений.

Глава первая

Две тенденции в русско-шведских отношениях нового времени.

Истоки русско-шведского союза и шведской «политики 1812 года»

Прежде чем рассматривать историю русско-шведских взаимоотношений в 1812 г., необходимо хотя бы кратко остановиться на состоянии отношений между Россией и Швецией в предшествующий (почти столетний) период. Исходной точкой этого периода является Ништадский мирный договор 1721 г., который подвел итог Великой Северной войне. Это было время перелома в исторических судьбах и России, и Швеции. В России окончательно оформился абсолютизм, в результате Северной войны коренным образом изменилось ее международное положение — Россия стала одной из великих европейских держав. Швеция же утратила это положение, в стране пал абсолютизм и установился режим сословного парламентаризма, так называемая «эра свобод». Даже беглое ознакомление с отношениями между Россией и Швецией в последующие 90 лет поможет уяснить, была ли «политика 1812 года» неожиданной импровизацией, или же в ней можно увидеть определенную преемственность в курсе на русско-шведское сближение. Иными словами, необходимо установить, существовали ли исторические корни сближения России и Швеции в новое время. Помимо этого, следует осветить подоплеку шведских притязаний на Норвегию, которые были важной составной частью «политики 1812 года».

Конечно, в рамках небольшой главы нельзя обстоятельно описать отношения между Россией и Швецией за указанный промежуток времени. Здесь можно лишь остановиться на наиболее важных событиях, попытаться выявить тенденции развития этих отношений.

Русско-шведские отношения 20—30-х годов XVIII в. изучены у нас в трудах советского историка Г. А. Некра-

сова¹. В обобщающих работах по истории СССР на первый план выступают противоречия и борьба между двумя государствами. Например, в третьем томе многотомной истории СССР раздел о внешней политике России 60—90-х годов XVIII в. озаглавлен «Борьба России с Турцией и Швецией...» Эта несколько искажающая действительность картина русско-шведских отношений и побудила нас включить в работу данную главу, задача которой состоит в выявлении исторических предпосылок русско-шведского сближения в 1812 г. Опираясь при этом приходится не столько на архивные материалы и обстоятельное изучение первоисточников, сколько на литературу, в большинстве случаев шведскую. Шведская историческая литература, посвященная внешней политике Швеции в XVIII — начале XIX в., чрезвычайно разнообразна², и отношения Швеции с Россией рассмотрены в ней довольно обстоятельно.

Эта малоизвестная советским историкам литература представляет определенную ценность прежде всего благодаря использованию в ней большого архивного материала. Конечно, с концепционной точки зрения эти работы, принадлежащие буржуазным, подчас консервативным и реакционным авторам, не могут нас удовлетворить. В них русско-шведские отношения часто подаются в тенденциозном выпячивании «русской угрозы», которая якобы нависла над Скандинавией после Северной войны. При этом заметим, что миф об этой угрозе разделялся и разделяется далеко не всеми шведскими историками. Кроме того, многие вопросы в этих трудах рассмотрены без привлечения русских первоисточников.

Переходя к непосредственному обзору русско-шведских отношений в новое время, необходимо отметить, что эти отношения отнюдь не представляют собой сплошной цепи войн и столкновений. Внешняя политика обоих государств, включая, конечно, и их отношение друг к другу, определялась экономическими интересами правящих классов в целом. В России это было феодально-

абсолютистское дворянство, в Швеции — дворянство и верхушка торгово-мануфактурной буржуазии. Шведские правящие круги не были едины в определении внешне-политического курса страны. На протяжении XVIII — XIX вв. можно наблюдать внутреннюю борьбу по внешне-политическим вопросам, и одно из первых мест в этой борьбе занимали отношения с Россией. На отношения между Россией и Швецией большое влияние оказывали и изменения на международной арене. Все это в целом и было причиной постоянных колебаний и скачков в русско-шведских отношениях, подчас внезапных переходов от мирных, добрососедских отношений к состоянию враждебности. После Ништадского мира 1721 г. во внешней политике Швеции прослеживаются две тенденции в отношениях с Россией. Стремление к реваншу у части дворянства и верхушки купечества, в силу экономических причин не смилившихся с потерей Швецией положения великой державы на Севере Европы и владений в Восточной Прибалтике, не раз приводило в XVIII в. к военным столкновениям. Однако уже после Северной войны «в правящих кругах и дворянско-буржуазном мнении стало укрепляться сознание бессмысленности и вредности вражды в отношении главного соседа Швеции — России»³. Эта тенденция к миру и добрососедским отношениям с Россией, даже к сближению и союзу с ней, нашла свое отражение и осуществление в русско-шведском трактате 1724 г. — первом для Швеции союзном договоре после окончания Северной войны⁴. В этот период носителем идеи сближения с Россией выступала консервативная знать, прежде всего так называемая «голштинская партия», которая пыталась с помощью России укрепить позиции голштинского герцога Карла Фридриха в его претензиях на шведское престолонаследие и в будущем путем династического брака породниться с царской семьей и вернуть утраченные в Восточной

¹ Некрасов Г. А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М., 1964; *Он же*. Роль России в европейской международной политике 1725—1739 гг. М., 1976.

² См. библиографию к шестому и седьмому томам многотомного шведского издания: *Den svenska historien*, 10 bd. Stockholm, 1967—1968.

³ Кан А. С. Царская дипломатия и борьба партий в Швеции на исходе «эры свобод» (60-е и начало 70-х годов XVIII в.). — «Скандинавский сборник», вып. VI. Таллин, 1963, с. 99.

⁴ Некрасов Г. А. Русско-шведские отношения...; *Он же*. Проблема русско-шведского союза во второй четверти XVIII века. — «Скандинавский сборник», вып. VIII. Таллин, 1964, с. 195—209; *Bagger H.* Ruslands alliancepolitik efter freden i Nystad. København, 1974 (см. рецензию А. Серегина. — «История СССР», 1977, N 1).

Прибалтике земли. При этом любопытно, что «голштинская партия» именно за свои миролюбивые настроения привлекла к себе большие симпатии податных сословий страны⁵.

Как нам представляется, именно с этого времени у широких трудящихся масс Швеции, на которых война с Россией всегда ложилась тяжким бременем, идея добрососедских отношений с восточным соседом связывалась с миром для страны, а реваншистские, антирусские настроения — с войной. И даже родившийся в те времена миф о «русской опасности», или «русской угрозе», который постоянно внедрялся в умы шведов, в конечном счете не смог победить этого представления. Об этом говорит непопулярность в стране войн с Россией, так что правящим кругам приходилось затрачивать большие усилия для разжигания антирусских настроений.

Важным стимулом к сближению России и Швеции служили торговые связи между двумя странами. Особенно важны они были для Швеции, которая ввозила из России хлеб вплоть до середины XIX в.⁶ Однако следует отметить, что русско-шведская торговля и определенно существовавшее с обеих сторон стремление развивать ее не играли определяющей роли в отношениях между государствами. Более того, политические отношения оказывали непосредственное воздействие на торговлю. Отметим также, что возникшая в XVIII в. конкуренция между русским и шведским железом на английском рынке также не оказывала существенного влияния на межгосударственные отношения⁷.

Договор 1724 г. не стал определяющим в истории русско-шведских отношений, а лишь наметил тенденцию к миролюбивым и добрососедским отношениям с Россией. Уже в марте 1727 г. Швеция заключила соглашение с враждебным России Ганноверским союзом Англии, Франции и Пруссии⁸. Этот акт, по мнению видного шведско-

го исследователя дипломатической истории XVIII в. У. Егершёльда, и стал «поворотным пунктом во внешней политике Швеции» того периода, поскольку именно из-за этого соглашения «далеко идущие планы голштинцев добиться подъема государства, опираясь на сотрудничество с Россией, потерпели решительное поражение...», «впредь активная шведская внешняя политика должна была искать свою цель на востоке»⁹. Иными словами, избранный Швецией путь неминуемо толкал ее к новой войне с Россией.

Во главе правительства Швеции стоял известный деятель начального периода «эры свобод» Арвид Горн (Хурн).

Горн и его сторонники опасались окончательного перехода на антирусские позиции, за что и были прозваны «колпаками» своими воинственными противниками, которые гордо именовали себя «шляпами». Эти названия прочно вошли в политический лексикон, и ими стали обозначать две группировки, сложившиеся в шведском сословном парламенте — риксдаге. Во внешнеполитическом плане «колпаки» все больше ориентировались на Россию, в то время как «шляпы» получали поддержку от Франции. В 1738—1739 гг. «шляпы» сумели отеснить «колпаков» от кормила власти. Результатом этого была новая русско-шведская война 1741—1743 гг., закончившаяся для Швеции также неудачно. «Колпаки» ненадолго вернулись к власти, и курс на сближение с Россией возобладал.

В 1745 г. был заключен новый русско-шведский союзный договор. Серьезной помехой к налаживанию добрососедских отношений между державой среднего порядка Швецией и великой державой XVIII в. Россией явилось в тот момент вмешательство царской дипломатии во внутренние дела Швеции, имевшее целью не допустить возрождения шведского абсолютизма как возможного носителя реваншистских планов. Подобное вмешательство, кстати практиковавшееся активно и другими великими державами, особенно Францией, подорвало позиции русофильской группировки в Швеции и создало партии «шляп» ореол патриотов¹⁰. В конце 40-х годов XVIII в.

⁵ Jägerskiöld O. Den svenska utrikespolitikens historia, d. 2:2. Stockholm, 1957, s. 76—80.

⁶ Лооке Л. А. О характере русско-шведских торговых отношений в XVIII и в первой половине XIX века. — «Скандинавский сборник», вып. I. Таллин, 1956, с. 132—165.

⁷ Heckscher E. Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa, d. I—II. Stockholm, 1936—1949; d. II: 2, s. 414—415.

⁸ См.: Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике..., с. 110—139.

⁹ Jägerskiöld O. Op. cit., s. 81.

¹⁰ История Швеции. М., 1974, с. 296—297.

«колпаки» из-за тесной связи с Россией вынуждены были надолго сойти с политической арены¹¹.

Положение изменилось в 60-е годы, когда партия «младших колпаков» возродилась теперь уже как партия демократической провинциальной буржуазии и податных сословий. Внешнеполитическая программа «младших колпаков» в сочетании с радикальной конституционной программой была изложена в трактате одного из лидеров партии, видного политического деятеля Швеции конца «эры свобод», Андерса Нурденкранца, «Мысли о войнах вообще и о войнах Швеции в частности». Этот труд был написан в 1760 г., но увидел свет только в 1767 г., когда к власти пришли «младшие колпаки». А. Нурденкранц резко критиковал агрессивную политику «шляп». Он полагал, что Швеция должна держаться своих границ и отказаться от всяких великодержавных устремлений¹².

В середине 60-х годов «младшие колпаки», отчасти с помощью России, пришли к власти. Хотя в Швеции во второй половине 60-х годов шла ожесточенная внутриполитическая борьба — «младшие колпаки» пытались провести фактически буржуазные реформы, — немаловажное значение имела и проблема внешнеполитической ориентации. Курс «младших колпаков» на сближение с Россией отражал определенные интересы шведской буржуазии и обуржуазившегося дворянства¹³.

Контрреволюционный переворот 19 августа 1772 г., совершенный молодым шведским королем Густавом III при активной финансовой поддержке французской дипло-

матии, не мог не ухудшить русско-шведских отношений. Антирусские круги в Швеции пропагандировали идею о том, что Швеция вскоре может быть поглощена Российской империей, в пользу чего говорил, казалось, недавний первый раздел Польши. Сам шведский король серьезно верил в «русскую угрозу» Швеции и считал, что союз между Россией и Данией угрожает самостоятельности страны.

Возникшая в отношениях между Россией и Швецией в результате переворота в Стокгольме напряженность тем не менее довольно быстро была снята, поскольку Густав III всячески старался избегать столкновений с могущественным соседом на востоке и уже в 1773 г. пытался улучшить отношения с Екатериной II.

В первый период правления Густава III, примерно до середины 80-х годов XVIII в., внешнеполитический курс Швеции во многом определялся стремлением шведского короля сблизиться с Россией¹⁴. Вызывалось это различными причинами и осуществлялось в разных формах. Лично у Густава III были сильны традиционные взгляды представителей голштинской династии. Одной из причин, заставивших Швецию в тот период искать дружбы с Россией, было стремление торгового капитала вновь овладеть посреднической торговлей между Россией и Западной Европой — теперь, в отличие от XVI—XVII вв., не путем военной экспансии и установления барьера, а посредством использования значительно выросшего к этому времени шведского торгового флота. Активно выступал за сближение с Россией и подписание торгового договора статс-секретарь коммерц- и финансов-экспедиции Юхан Лильекранц, который до середины 80-х годов был одним из влиятельных советников шведского короля¹⁵. Внешнеполитические позиции России и Швеции оказались сходными в защите нейтральной торговли во время войны североамериканских колоний за независимость и вызванного ею конфликта великих западноевропейских держав. В 1780 г. оба государства

¹¹ Remgård A. Carl Gustaf Tessin och 1746—1747 års riksdag. Lund, 1968.

¹² Jägerskiöld O. Op. cit., s. 36.

¹³ См.: Кан А. С. Царская дипломатия... — «Скандинавский сборник», вып. VI, с. 99—116. Вопрос об экономической подоплеке дружественной России политики «младших колпаков» еще не стал предметом обстоятельного исследования ни в нашей, ни в шведской историографии. Новейшая попытка осветить внешнеполитическую линию «младших колпаков», предпринятая шведским историком А. Эбергом в книге «Младшие колпаки и их иностранные союзники», была признана шведским же рецензентом недостаточно убедительной, так как автор, сославшись на незнание русского языка, постарался по возможности обойти отношения с Россией, что не могло не создать искаженной картины. См.: Öberg A. De yngre mössorna och deras utländska bundsförvanter 1765—1769. Uppsala, 1969 (см. рецензию на нее. — SHT, 1971, h. 3, s. 406—409).

¹⁴ О внешней политике Швеции при Густаве III см.: Jägerskiöld O. Op. cit.; Odhner C. T. Sveriges politiska historia under konung Gustaf III: s regering, bd I—III. Stockholm, 1895—1905.

¹⁵ Essen A. Johan Liljencrantz som handelspolitiker. Studier i Sveriges yttre handelspolitik 1773—1786. Lund, 1928.

были инициаторами так называемого вооруженного нейтралитета¹⁶.

К концу 70-х годов XVIII в. во внешней политике Швеции сначала мало заметно, а затем все явственнее начинается оживление экспансионистских устремлений. Шведская внешняя экспансия могла иметь три направления: возвращение утраченных в начале века земель на восточном берегу Балтики, расширение владений в северной Германии, присоединение принадлежащей Дании Норвегии. На востоке на пути Швеции встала Российская империя, на юге Балтики Швеция неминуемо столкнулась бы с милитаристской Пруссией. Оставалась Норвегия, которая и приковала к себе взгляд Густава III.

Земли западного соседа давно манили шведскую правящую верхушку. В XVII в. осуществить присоединение Норвегии стремился Карл X Густав. В результате очередной шведско-датской войны, по Роскильскому миру 1658 г., Дания уступила Швеции обширную норвежскую область Тронхейм, которую, правда, через два года пришлось вернуть. Карл XII пытался военным путем захватить Норвегию взамен утраченной Прибалтики, но погиб при осаде норвежской крепости Фредрикстен. С падением шведского абсолютизма, в «эру свобод», планы присоединения Норвегии, казалось, полностью были забыты. Лишь восстановление полуабсолютистской монархии в 1772 г., да и то не сразу, возродило эти устремления. Впервые о них было упомянуто в письме шведского посланника в Париже поэта и видного дипломата Густава Филиппа Крейца своему монарху от 24 ноября 1779 г., где Густав III призывался превратить Швецию в великую державу путем присоединения Норвегии¹⁷.

В течение всей первой половины 80-х годов XVIII в. в правящих кругах Швеции обсуждались различные проекты присоединения Норвегии. То Густав III вынашивал идею непосредственно военным путем аннексировать Норвегию, то думал о вторжении в Данию с юга, чтобы, повторив шведские походы XVII в., «получить Норвегию в Копенгагене», то рассчитывал, как путем дипломатических переговоров заставить датский двор

«добровольно» отказаться от Норвегии в обмен на шведские владения в северной Германии. Однако на пути осуществления агрессивных планов стоял русско-датский союз, и не случайно именно в этот период шведская дипломатия предприняла шаги, чтобы расколоть этот союз и привлечь на свою сторону Россию. В 1783 г. Густав III встретился во Фридрихсгаме с Екатериной II, надеясь уговорить ее отказаться от союза с Данией. Он полагал, что Россия находится на грани войны с Турцией из-за недавнего присоединения Крыма и вряд ли захочет осложнять отношения со Швецией. Расчеты шведского короля не оправдались, и с этого времени внешнеполитический курс Швеции начал приобретать все большую антирусскую направленность. Оживились реваншистские настроения. Сторонники сближения с Россией теряли влияние. В 1783 г. ушел со своего поста осторожный канцлер У. Шеффер, которого заменил Г. Ф. Крейц. В 1786 г. попал в немилость Юхан Лиллекранц. Реваншисты стали играть первую скрипку при дворе. К концу 80-х годов обострилась и внутриполитическая обстановка в Швеции. В 1786 г. Густав III столкнулся с сильной оппозицией в риксдаге, что укрепило в нем желание поправить дела внутри страны путем внешней экспансии.

Летом 1788 г., воспользовавшись новой русско-турецкой войной, Густав III спровоцировал войну с Россией. Не найдя подходящего предлога, он попросту передел группу шведских солдат в русскую военную форму и устроил нападение со стороны русской границы на шведские аванпосты. Это понадобилось шведскому королю для того, чтобы придать войне оборонительный характер, поскольку наступательную войну король Швеции, согласно конституции, мог вести только с одобрения риксдага. Кроме того, он получил заверения от Дании, что она не вмешается в войну, начатую Россией. Война не принесла Густаву III лавры победителя. Уже в первые месяцы рухнул план молниеносного овладения Петербургом, резко ухудшилось финансовое положение страны. Военные действия показали полную неподготовленность шведской армии. Более того, война оказалась крайне непопулярной. Часть шведского офицерства даже отказалась воевать с Россией. В так называемом Анъяльском движении (по названию местечка в Финляндии) объединились как фин-

¹⁶ Война за независимость и образование США в XVIII веке. М., 1976.

¹⁷ Hennings B. Gustaf III, 2 utg. Stockholm, 1967, s. 208.

ляндские сепаратисты, так и шведы — сторонники мира с Россией. В обращении руководителей этого движения к Екатерине II объявлялось «общее искреннее пожелание всей нации, в особенности финской, чтобы между обоими государствами сохранялись вечный мир и добрососедство, которые сейчас к нашей тревоге были нарушены из-за происков некоторых беспокойных голов в государстве, скрывающих под прикрытием общего блага односторонние замыслы»¹⁸. Густав III смог подавить это движение, только вызвав яростную националистическую антирусскую пропагандистскую кампанию в Швеции¹⁹.

Неудачи и явная бесперспективность войны заставили шведского короля искать примирения с Россией. Екатерина II тем охотнее пошла навстречу, что война с Турцией была еще далека от завершения и к тому же начали обостряться отношения с Англией и Пруссией. 3(14) августа 1790 г. был заключен на основе статус-кво Верельский мирный договор²⁰. Это соглашение в исторической литературе признается одним из наиболее благоприятных для Швеции мирных трактатов с Россией, поскольку в нем не было условия о возможности вмешательства России во внутреннюю жизнь Швеции в отличие от Ништадского и Абоского договоров, по которым Россия гарантировала действовавшую форму правления.

Последний год правления Густава III (16 марта 1792 г. его смертельно поразила пуля заговорщика) был временем еще более тесного сближения с Россией. 8(19) октября 1791 г. в Дротнинггольмском дворце, в пригороде Стокгольма, русский и шведский уполномоченные подписали договор об оборонительном союзе и взаимной гарантии владений обоих государств, которые обязывались оказывать друг другу помощь на суше и на море. Специально, правда, оговаривалось, что из сферы действия договора выпадает Турция, в войне с которой Швеция не обязана помогать России. Швеция получала от России значительные субсидии. В договор было включено и важное для укрепления русско-шведских эконо-

мических отношений условие о заключении в будущем торгового соглашения между двумя государствами²¹.

Дротнинггольмский договор был направлен против англо-прусской коалиции. Любопытно, что в ходе переговоров, которые начались в апреле 1791 г., Густав III как бы мимоходом высказал русскому посланнику О. Штакельбергу мысль о желательности присоединения к Швеции Норвегии²². Однако Екатерина II, стремясь объединить в рамках союза и Швецию, и Данию, оставила эту идею без внимания, и в дальнейшем в ходе этих переговоров Норвегия не встречалась в обсуждении.

В литературе встречается утверждение, что одновременно с Дротнинггольмским договором была подписана секретная русско-шведская конвенция «по поводу восстановления равновесия в Европе и французской монархии»²³, которая предусматривала якобы вооруженное вмешательство России и Швеции во внутренние дела Франции. Эта конвенция, часто утверждается, положила начало созданию общеевропейской коалиции против Французской революции. Однако здесь речь идет об исторической ошибке. Конвенция как таковая никогда не была подписана. В материалах Архива внешней политики России хранится составленный шведским королем проект этой конвенции²⁴. На этот проект ссылалась П. К. Алефиренко, в работах которой и появилось утверждение о подписанной конвенции. Русская дипло-

²¹ Текст несекретных статей договора см.: *Martens G. Recueil des principaux traités d'alliance, de paix etc...* t. V. Gottingue, 1795, p. 38—49. Две секретные статьи см.: *Cedersträhle E. C. J. Bidrag till kännedom om underhandlingarne efter freden i Werelä angående förbundet med Ryssland. Stockholm, 1866, Bilagor XII—XIII. Русский перевод см.: ВПР, серия первая, т. III. М., 1963, прим. 342.*

²² Штакельберг — Остерману, 9(20) мая 1791 г. — АВПР, ф. Сношения России со Швецией, оп. 96/6, 1791, д. 791, л. 9.

²³ Алефиренко П. К. Секретный договор Екатерины II с Густавом III против французской революции. — «Историк-марксист», 1941, № 6, с. 97—98; *Она же*. Правительство Екатерины II и французская буржуазная революция. — «Исторические записки», 1947, т. 22, с. 215; История СССР с древнейших времен до наших дней в 12 томах, первая серия, т. III. М., 1967, с. 544; *Джеджула К. Е.* Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII века. Киев, 1972, с. 298.

²⁴ Проект конвенции приложен к донесению О. Штакельберга от 15(26) мая 1791 г. — АВПР, ф. Сношения России со Швецией, оп. 96/6, 1791, д. 788, лл. 12—17.

¹⁸ Обращение к Екатерине II, 9 августа 1788 г. — АВПР, ф. Сношения России со Швецией, оп. 96/6, 1788 г., д. 1325, лл. 1—2; см. также: *Cederberg A. Anjalan Liiton historialliset lähteet. Helsinki, 1931, s. 247—248.*

¹⁹ *Boberg S. Kunglig krigspropaganda. Göteborg, 1967,*

²⁰ ПСЗРИ, т. XXIII, № 16893.

матия старалась использовать антиреволюционные настроения Густава III, чтобы привлечь его к союзу с Россией и помешать возможному сближению с Англией и Пруссией, однако дальше разговоров дело фактически не пошло. Конечно, и Екатерина II, и Густав III искренне ненавидели Французскую революцию, однако оба ограничились в основном моральной поддержкой контрреволюционеров. Русско-шведское сближение в 1791 г. имело под собой более реалистическую основу, чем ненависть к революции. Дротнинггольмский договор не следует считать одним из звеньев антифранцузской коалиции.

После убийства Густава III пришедшее к власти регентское правительство проводило политику лавирования между Францией и Россией, отказавшись от односторонней ориентации на Петербург. В разгоравшейся между европейскими монархами и Францией войне Швеция старалась сохранять нейтралитет, продолжала поддерживать дипломатические сношения с республиканской Францией и даже заключила с ней союзный договор с целью получить субсидии, которые, естественно, перестали поступать из России²⁵.

Но вряд ли можно говорить о твердом внешнеполитическом курсе Швеции в тот период. Отсутствие четкой внешней ориентации объяснялось и сложной международной обстановкой, и борьбой внутри самой Швеции. Со стороны Российской империи тем не менее было заметно постоянное стремление сблизиться с северным соседом. В 1795—1796 гг. Екатерина II пригласила в Петербург регента Швеции герцога Карла Сюдерманландского и несовершеннолетнего короля Густава IV Адольфа и начала с ними переговоры о новом союзном договоре, который должен был быть скреплен личными узами между правящими династиями — браком между шведским королем и внучкой царицы вел. княгиней Екатериной Павловной. Однако переговоры закончились неудачно²⁶.

К концу 1796 г. и в России, и в Швеции произошли перемены. В Петербурге на престоле Екатерину сменил

Павел. В Стокгольме Густав IV Адольф, которому исполнилось 18 лет, был провозглашен полновластным королем, что повлекло за собой отстранение регентов. Густав IV Адольф во многом унаследовал внешнеполитический курс отца. Профессор Е. Вейбулл утверждает, что именно в это время присоединение Норвегии становится главной линией в шведской внешней политике²⁷. Вопрос о западных землях неоднократно всплывал в различных дипломатических акциях Швеции. Планы присоединения Норвегии вновь появились во время переговоров с республиканской Францией в 1798 г. и с царской Россией в 1799—1800 г. В 1801 г., после очередного крутого поворота в европейских делах — дворцовый переворот в Петербурге, распад второго вооруженного нейтралитета, — Густав IV Адольф даже задумал, сблизившись с Францией Наполеона Бонапарта и Пруссией, заставить Данию обменять Норвегию на шведскую Померанию, последнее владение Швеции на южном берегу Балтики²⁸. Забегая вперед, можно указать, что во время войны Швеции с Россией и Данией в 1808 г. вместо того, чтобы прийти на помощь терпящей в Финляндии поражение шведской армии, Густав IV Адольф бросил основные силы на завоевание Норвегии²⁹.

После серьезных колебаний в выборе ориентации между Францией и Россией в 1797—1798 гг. Густав IV Адольф решил в 1799 г. восстановить дружественные отношения с Россией. 18(29) октября 1799 г. в Гатчине был подписан новый русско-шведский союзный договор, в основном повторявший положения Дротнинггольмского трактата. Основное отличие состояло в том, что теперь предусматривалась возможность активного участия шведских войск на стороне антифранцузской коалиции, однако формулировалось это условие следующим, довольно примечательным, образом: «Хотя нынешняя война против

²⁷ Weibull J. Carl Johan och Norge 1810—1814. Unionsplanerna och deras förverkligande. Lund, 1957, s. 5.

²⁸ Svensson S. Gattjina traktaten 1799. Stockholm, 1952, s. 116; Johnson S. Sverige och stormakterna 1800—1804. Lund, 1957, s. 17—18, 44—68; Ståde A. Gustaf IV Adolf och Norge 1798 och 1801.—SHT, 1955, h. 4, s. 353—383.

²⁹ О стратегических целях Густава IV Адольфа см. новейшую работу шведского историка С. Трульссона: Trulsson S. British and Swedish Policies and Strategies in the Baltic after the Peace of Tilsit in 1807. Lund, 1976.

²⁵ О внешней политике Швеции в 90-х годах XVIII в. см.: Carlsson S., Höjer T. T. Den svenska utrikespolitikens historia, d. III: 1—2. Stockholm, 1954.

²⁶ Carlsson E. Den ryska giftermalsfrågan under Gustaf IV Adolfs minderårighet och första regeringstid. Uppsala, 1925. Сватовство породило и русскую историческую литературу.

таю называемой Французской республики, в которой е.в-во император всероссийский принял активное участие, прилагая величайшие усилия к восстановлению законных правительств, не связана с определенными обязательствами по настоящему договору (курсив наш.— В. Р.), поскольку казус фёдерис распространяется лишь на будущее, однако король шведский, желая содействовать спасительному и славному делу восстановления спокойствия в Европе, обязуется уже сейчас предоставить е.в-во императору всероссийскому корпус в восемь тысяч человек для действия против Франции с помощью таких же субсидий и на таких же условиях, которые предусмотрены для русских императорских войск, действующих в Голландии. *Применение этого вспомогательного корпуса явится предметом последующего соглашения*» (курсив наш.— В. Р.)³⁰. Таким образом, в конечном счете и Гатчинский договор вряд ли можно считать одним из соглашений, скрепивших антифранцузскую коалицию. Этот договор лишь наметил путь Швеции в ее ряды.

Антифранцузская направленность трактата к тому же не успела проявиться. Уже в 1800 г. Павел I сделал решительный поворот во внешней политике, отказавшись воевать против Франции, где установилось консульство Наполеона Бонапарта. За Россией шла Швеция. Но положение Швеции осложнялось еще и ее отношениями с Англией, которые были и раньше довольно натянутыми из-за захвата в 1798 г. английским военно-морским флотом большого числа шведских торговых судов. Как и за 20 лет до этого, Россия и Швеция вновь выступили инициаторами нового вооруженного нейтралитета, который едва не привел к войне с Великобританией.

Важным шагом на пути укрепления русско-шведских экономических отношений стало подписание 1(13) марта 1801 г. первого в истории русско-шведского торгового договора³¹.

Здесь нет возможности описывать все сложные коллизии русско-шведских отношений в тот драматический,

³⁰ Текст несекретных статей договора см.: *Martens G. Op. cit.*, p. 365—372; русский перевод см.: ПСЗРИ, т. XXV, с. 824—830; три секретные статьи опубликованы С. Свенсоном в журнале: «Scandia», 1948—1949, bd XIX, h. 1, s. 158—160; русский перевод см.: ВПР, т. III, прим. 101.

³¹ ПСЗРИ, т. XXVI, с. 549—565.

полный неожиданностей период европейской истории. Развитие событий привело Россию и Швецию в третью, а затем четвертую антинаполеоновскую коалицию³². Тильзит положил конец русско-шведскому сближению, а зимой 1808 г. между Россией и Швецией началась последняя в истории двух государств война, которой было суждено изменить политическую карту Севера.

Следует заметить, что Александр I начал военные действия против шведов отнюдь не столько в целях захвата Финляндии, сколько для того, чтобы заставить Густава IV порвать с Англией и примкнуть к континентальной блокаде³³. Цель войны быстро изменилась, когда русским войскам удалось в течение весны 1808 г. оккупировать территорию почти всей Финляндии. Население Финляндии если не дружелюбно, то по крайней мере спокойно встретило русские войска. Русский царизм, проводя в тот период вне страны либеральную политику лавирования и приспособления к новым условиям, в Финляндии стремился опереться на местную национальную верхушку: помещиков, чиновничество, духовенство, торговую буржуазию. Финляндия вошла в состав Российской империи не как бесправная провинция, а в качестве автономного великого княжества, управлявшегося по прежним законам — конституционным актам Густава III 1772 и 1789 гг. Появление на политической карте Северной Европы автономного княжества, пусть в составе Российской империи, сыграло важную роль в развитии русско-шведских отношений.

³² Русско-шведским отношениям в 1801—1808 гг. посвящена изданная в 1868 г., но во многом не устаревшая работа К. К. Злобина, переведенная также на шведский язык: *Злобин К. К. Дипломатические сношения между Россией и Швецией в первые годы царствования императора Александра I.* — Сб. РИО, т. 2. СПб., 1868; см. также: *Кайеярйнен И. И. Международные отношения на Севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 г.* Петрозаводск, 1965. Многие важные материалы помещены в первых четырех томах первой серии публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века». М., 1960—1965; см. также: *Розинский В. В. Россия и скандинавские государства в 1801—1815 гг.* (Обзор материалов серийной публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века»). — «Скандинавский сборник», вып. XXI. Таллин, 1976, с. 229—231. Из шведских работ см.: *Johnson S. Op. cit.*; *Trulsson S. Op. cit.*

³³ *Tommila P. La Finlande dans la politique européenne en 1809—1815.* Helsinki, 1962, p. 16—19; *Trulsson S. Op. cit.*

Во многом благодаря этому после 1809 г. и создавалась обстановка, когда тенденция к сближению двух государств, которая, как мы видели, постоянно пробивалась во внешней политике Швеции в XVIII в., стала наконец прочно определять русско-шведские отношения.

5(17) сентября 1809 г. произошло событие, ставшее первостепенным в истории отношений между Россией и Швецией, — был заключен во Фридрихсгаме мирный договор³⁴, который подвел итог последней в истории русско-шведской войне и в международно-правовом плане закрепил сложившееся в результате перехода Финляндии под власть России положение.

Швеция и Россия в 1809—1811 гг. — начало поворота в отношениях

Что означал в конечном счете Фридрихсгамский мир для Швеции? Чтобы правильно оценить последствия военного поражения Швеции в 1808—1809 гг., следует прежде всего рассмотреть ее положение в начале XIX в. К этому времени в Швеции происходят значительные социально-экономические сдвиги, оказавшие серьезное влияние на поворот во внешней политике страны, в отношениях с Россией.

В первом десятилетии XIX в. Швеция представляла собой страну с многоукладной экономикой, где наряду с господствовавшим, но уже разлагающимся феодальным укладом существовал довольно зрелый, постоянно укрепляющийся капиталистический уклад. В стране тесно переплетались и сосуществовали феодальная и капиталистическая социальные структуры, шел процесс экономического укрепления буржуазии и одновременного обуржуазивания дворянства, причем именно в конце XVIII — начале XIX в. можно говорить об установлении определенного равновесия сил между дворянством и буржуазией в сфере социально-экономической. В политическом отношении к началу XIX в. Швеция проделала путь от сословного парламентаризма «эры свобод» с его буржуазно-демократическими тенденциями через контрреволюционный переворот 1772 г. к полуабсолютистской густавианской монархии. Балансируя между дворянством и податными сословиями, шведская корона сумела добиться некоторой независимости в сфере внешней политики. Эта независимость королевской власти сохранялась даже после буржуазной революции 1809—1810 гг. вплоть до второй половины XIX в., когда с окончательным утверждением капитализма в стране национальная буржуазия полностью взяла власть в свои руки. Тем не менее сказанное не означает, что в области

³⁴ Текст договора см.: ВПР, серия первая, т. V. М., 1967, док. 106. О предшествовавших переговорах см. ряд документов и примечаний этого тома; см. также: *Клэвьярйнен И. И.* Указ. соч.; *Hamnström E.* *Freden i Fredrikshamn.* Uppsala, 1902; *Grade A.* *Sverige och Tilsit-alliansen (1807—1810).* Lund, 1913; *Carlsson S.* *Op. cit.*

внешней политики шведские короли были абсолютно самостоятельны в своих решениях. В конечном итоге внешняя политика Швеции в этот период определялась экономическими интересами не только дворянства как класса, но и крупной торгово-мануфактурной буржуазии.

Несмотря на то что основой шведской экономики было сельское хозяйство, главной составной частью внешней торговли страны был экспорт именно промышленных товаров, прежде всего продукции металлургии. Известно, что вывоз шведского железа играл в XVIII в. общеевропейскую роль. Последние десятилетия XVIII в. рассматриваются в шведской историографии как классический и самый благоприятный период шведского «бруксхантеринга» — горно-металлургической мануфактурной промышленности. Это объяснялось высокими ценами и благоприятными внешними условиями для сбыта, приносившего значительные прибыли не только горнозаводчикам, «брукспатронам», но также оптовикам «стапельных», т. е. имеющих право внешней торговли, городов, прежде всего Стокгольма и Гётеборга. Однако к началу XIX в. технологическая революция в производстве железа в Англии, основной потребительнице шведского экспортного железа, поставила сложившуюся конъюнктуру под угрозу¹. Забота о внешнеторговых рынках накладывала существенный отпечаток на определение внешнеполитического курса страны уже с последних десятилетий XVIII в.

Интересы шведского торгового капитала, направленные преимущественно на запад, во многом совпадали со стремлением правящей верхушки страны присоединить Норвегию. В то же время по этим интересам больно ударили конфликты с Россией, дорого стоившие шведам. Как ни парадоксально — именно поражение в войне с Россией 1808—1809 гг. открыло новую историческую перспективу для Швеции, и для нее отделение Финляндии стало в конечном счете положительным явлением. В истории часто бывали случаи, когда государство, потерпев поражение в войне — событие, воспринимавшееся современниками как катастрофа, — через некоторое время вновь возрождалось.

¹ Johnson S. Sverige och stormakterna 1800—1804. Lund, 1957, s. 8. Подробнее см.: Höglberg S. Utrikeshandel och sjöfart på 1700 talet. Stapelvaror i svensk export och import 1738—1808 talet. Lund, 1969; Adamson R. Järnavsättning och bruksfinansiering 1800—1880. Göteborg, 1966.

Внешняя сила наносила сокрушительный удар по всему организму страны, этим она содействовала расшатыванию устарелых, консервативных форм, которые мешали поступательному движению вперед. Отсюда главным результатом оказывалось не временное ослабление страны, а разрушение уже отжившей надстройки. Она разрушалась, объективно способствуя прогрессу. Так, на наш взгляд, обстояло дело и со Швецией в 1808—1809 гг.

Исторические задачи, стоявшие перед Швецией в начале XIX в., — развитие, укрепление и победа капиталистических отношений — после войны 1808—1809 гг. могли быть решены только в условиях мира, а это в свою очередь настоятельно требовало сближения с Россией.

Результаты событий 1808—1809 гг., зафиксированные Фридрихсгамским миром, были закреплены верхушечной буржуазной революцией в Швеции в 1809—1810 гг., которая уничтожила полуабсолютистский густавианский строй с его великодержавными, антирусскими устремлениями. Власть перешла в руки обуржуазившегося крупного дворянства и связанного с ним верхнего слоя бюрократии, усилились и позиции торгово-промышленной буржуазии². Интересы этих социальных слоев требовали мирных отношений с Россией. В Стокгольме понимали, что новая русско-шведская война могла быть перенесена на территорию самой Швеции, что имело бы трагические последствия. В данном случае заинтересованность господствующих классов совпала с интересами нации в целом. Как государство Швеция стала слабее — она потеряла 26% населения и 40% территории. Теперь не существовало буфера между Россией и Швецией, каковым во время всех русско-шведских войн была Финляндия. После 1809 г. граница между двумя странами проходила по морю, вблизи центров Швеции. Кроме того, Швеция была лишена возможности выкачивать из Финляндии денежные средства в виде налогов.

Однако экономические интересы Швеции не были серьезно затронуты утратой Финляндии. Это признает один из крупных современных шведских историков-экономи-

² О шведской буржуазной революции 1809—1810 гг. см.: История Швеции. М., 1974, с. 337—344; Кан А. С. Швеция 1809—1810 годов. Государственный переворот или буржуазная революция? — ННИ, 1973. № 1, с. 63—81.

стов, К. Самюэльссон³. По Фридрихсгамскому миру важная для Швеции торговля с Финляндией могла продолжаться беспрепятственно на довоенных условиях. Большое значение для облегчения продовольственного положения Швеции имело условие о беспошлинной закупке в России ежегодно 50 тыс. четвертей хлеба. Снабжение шведского населения русским хлебом вплоть до середины XIX в. было необходимым⁴, это явилось одной из причин, побуждавших шведов стремиться к добрососедским отношениям с Россией. Фридрихсгамский мир способствовал закреплению тенденции к миру с Россией и явился той основой, на которой позднее началось сближение двух государств.

Этому в значительной степени способствовало и то обстоятельство, что на мирных переговорах со шведами во Фридрихсгаме русская дипломатия твердо настаивала лишь на признании Швецией утраты Финляндии, но соглашалась на предложенные шведами оговорки в отношении присоединения Швеции к континентальной блокаде. Согласно ст. III Фридрихсгамского мира король Швеции обязывался присоединиться к континентальной системе с «ограничениями, которые отдельно будут оговорены в переговорах, которые откроются между Швецией, Данией и Францией». Швеция по договору должна была закрыть свои порты военным и торговым судам Великобритании «за исключением импорта соли и колониальных продуктов, ставших предметом необходимости для жителей Швеции»⁵. Не случайно один из прозорливейших государственных деятелей того времени, Талейран, считал русско-шведский мир проявлением умеренности, расчета на дальнейшие дружеские отношения между победителями и побежденными⁶.

Стратегическим внешнеполитическим курсом России в отношении Швеции стало укрепление добрососедских отношений. В инструкции назначенному российским представителем в Стокгольм П. К. Сухтелену от 28 октября (9 ноября) 1809 г. Александр I писал, что Швеции «после

уступки Финляндии нечего бояться со стороны моей империи, ибо Россия не может извлечь никакой выгоды из ослабления Швеции... В моих интересах желать благоденствия этому королевству». Царь предписывал не вмешиваться во внутренние дела Шведского государства. Он подчеркивал: «Мне было бы неприятно нарушение его внутреннего спокойствия, а еще более — если кто-нибудь из тех беспокойных умов, которые могут там объявиться, счел, что сможет найти во мне покровителя и пособника. ...Ничто не могло бы быть для меня более неприятным, чем если бы Вы своим поведением или речами хоть в малейшей степени дали повод считать, что я вместо того, чтобы защищать интересы моей империи в рамках нормальных политических отношений между двумя государствами, нарочито выказываю пристрастие к той или иной могущих возникнуть там партий. Каждая нация только сама по себе может решать, что ей больше подходит, и никакой государь не вправе вмешиваться во внутренние дела другого народа». Сухтелену предписывалось: «...Посвятите свои усилия стоящей перед Вами почетной задаче, направьте их целиком на укрепление дружбы; заверьте короля в моем искреннем желании видеть его счастливым, а Швецию — вновь обретшей то благоденствие, которое может дать ей только мир; обещайте ему, что я со своей стороны буду заботиться о том, чтобы только что заключенный между нами мир никогда не был нарушен»⁷.

Конечно, в истории дипломатии можно найти немало красивых слов, подобно приведенным выше, и далеко не всегда они имели реальное значение. Часто дипломатия классово антагонистического общества скрывала за подобными словами свои экспансионистские устремления. Однако в данном случае Александр I излагал общую стратегическую цель внешней политики России в отношении Швеции — установление добрососедских и дружеских отношений между двумя государствами на основе закрепления политической реальности, созданной в результате войны 1808—1809 гг., Фридрихсгамского мира, при невмешательстве со стороны России во внутренние дела Швеции⁸.

³ Samuelsson K. Från stormakt till välfärdsstat. Stockholm, 1968, s. 159.

⁴ Лооне Л. А. О характере русско-шведских торговых отношений в XVIII и в первой половине XIX века. — «Скандинавский сборник», вып. I. Таллин, 1956, с. 132—155.

⁵ ВПР, серия первая, т. V. М., 1967, док. 106.

⁶ Тарле Е. В. Талейран. — Соч., т. XI. М., 1961, с. 91.

⁷ ВПР, т. V, док. 134.

⁸ Эта установка была подтверждена и при выборе престолонаследника в 1810 г.: Румянцев — Сухтелену, 24 июня (6 июля) и 18 (30) июля 1810 г. — ВПР, т. V, прим. 300 и док. 224.

Говоря о положительном значении Фридрихсгама для Швеции, нельзя упускать из виду, что потеря территории, населенной представителями иной национальности, избавляла в будущем Швецию от национального конфликта с финнами, который уже явственно стал назреть в конце XVIII в. Именно в 1809 г. Швеция оформилась как однородное национальное государство в границах, существующих и поныне.

В сложных коллизиях по вопросам внешнеполитической ориентации Швеции тенденция к примирению и далее к сближению с Россией далеко не сразу пробила себе дорогу.

После мартовского переворота 1809 г. новые правители Швеции видели два направления внешнеполитической активности: либо реванш и возвращение Финляндии, либо аннексия Норвегии. Первоначально на первый план вышла Норвегия, тем более что именно в 1809 г. участие Дании в континентальной блокаде привело к разрыву жизненно важных для Норвегии торговых связей с Великобританией, резко ухудшило ее экономическое положение и способствовало даже складыванию в Норвегии революционной ситуации.

В отношении методов аннексии Норвегии среди представителей шведской правящей верхушки также возникли разногласия. Один из вождей переворота, Г. Адлерспарре, и член Государственного совета Б. фон Платен стремились объединить Норвегию со Швецией в борьбе с Данией, опираясь на антидатскую оппозицию в самой Норвегии. Другая группировка во главе с гофканцлером, затем членом Государственного совета, а позже посланником в Париже Г. Лагербельке, министром иностранных дел Л. фон Энгестрёмом и новым гофканцлером Г. Веттерстедтом рассчитывала дипломатическим путем с помощью Наполеона обменять Норвегию у Дании на шведскую Померанию⁹. Эта группировка, настроенная более агрессивно, в конечном счете рассматривала присоединение Норвегии как средство укрепления Швеции для последующего отвоевания Финляндии, и не случайно она оказалась в дальнейшем во главе реваншистской «профранцузской» партии.

⁹ Weibull J. Carl Johan och Norge 1810—1814. Unionsplanerna och deras förverkligande. Lund, 1957, s. 7—17.

Летом 1809 г. группа Адлерспарре действовала активнее, тем более что расчеты ее противников получить помощь Франции натолкнулись на холодное отношение Наполеона, не собиравшегося в тот момент портить отношения с Россией. По инициативе Адлерспарре престолонаследником бездетного и престарелого короля Карла XIII риксдаг избрал датского принца Кристиана Августа (шведское имя — Карл Август). Он был главнокомандующим датско-норвежскими войсками и председателем норвежской правительственной комиссии, пользовался значительной популярностью в Норвегии. Шведы, прежде всего Адлерспарре, рассчитывали, что в качестве «приданого» новый принц принесет им Норвегию, но Карл Август отказался поддержать эти расчеты. К тому же антидатские настроения в Норвегии оказались значительно слабее, чем полагали шведы¹⁰. Акции Адлерспарре сильно упали, в начале 1810 г. он фактически был отстранен от государственного управления, укрепились позиции группировки Лагербельке — Энгестрёма — Веттерстедта.

Именно в конце 1809 — начале 1810 г. резко усилились реваншистские настроения в стране — стало ясно, что Норвегию присоединить не удалось, а утрата Финляндии закреплена Фридрихсгамским миром¹¹. Новые надежды реваншистской «партии» придало заключение в январе 1810 г. Парижского мира с Францией, тем более что шансы в отношении Норвегии уменьшились заключением на основе статус-кво анте беллум Йёнчёпингского мира Швеции с Данией. Шведские реваншисты, которых возглавили Энгестрём, Лагербельке и Веттерстедт, связывали свои надежды с предстоящим конфликтом между Россией и Францией. Это высказал Г. Веттерстедт еще в августе 1809 г. на заседании Государственного совета: «В день, когда победоносная французская армия... вторгнется в Россию, поднимутся шведские армии»¹². Один из ведущих шведских деятелей, Г. К. Лёвенгелль, осенью 1809 г. предлагал начать подготовку к наступательной войне против России¹³.

¹⁰ Ibid., s. 8—13.

¹¹ Tommila P. La Finlande dans la politique européenne en 1809—1815. Helsinki, 1962, p. 62—71; Jansson A. Försvarsfrågan i svensk politik från 1809 till Krimkriget. Uppsala, 1935, s. 3—5.

¹² Tommila P. Op. cit., s. 62.

¹³ Jansson A. Op. cit., s. 4.

Весной 1810 г. из-за неожиданной гибели Карла Августа вновь встал вопрос о престолонаследии. Адлерспарре, теперь губернатор Скараборга, попытался повторить вариант прошлого года, на этот раз с помощью другого датского принца — Фредерика Кристиана. Однако довольно неожиданно в качестве кандидата всплыло имя французского маршала Жана Батиста Бернадота князя Понте-Корво.

В восхождении выходца из третьего сословия, сына адвоката из беарнского города По Бернадота не было ничего необычного для эпохи Великой французской революции. 17 лет прослужил Бернадот в королевской армии сначала простым солдатом, затем сержантом. Старый режим закрывал ему все пути. Революция сделала его генералом. Во времена Директории в 1799 г. на несколько месяцев он стал военным министром, причем считалось, что Бернадот тяготеет к демократическим течениям. Хотя он не принял участия в брюмерянском перевороте, его карьера продолжала успешно развиваться. Как известно, Наполеон иногда подчинял политику клановым чувствам, а Бернадот оказался в числе его родственников. Он был женат на той самой Дезире Клари, которая когда-то была невестой самого Наполеона, а сестра ее стала женой Жозефа Бонапарта, с 1808 г. короля Испании. В числе первых Бернадот стал маршалом, затем владетельным князем Понте-Корво. И все это несмотря на то что его имя постоянно всплывало в связи с антинаполеоновскими заговорами. К тому же трения между ним и Наполеоном продолжались.

В 1810 г. в июне, фактически отстраненный от дел, Бернадот попал в поле зрения молодого шведского офицера К. Мёрнера, посланного в Париж с письмом Карла XIII Наполеону. Идея избрания какого-либо французского полководца престолонаследником была очень популярна в Швеции в тот момент¹⁴, особенно среди реваншистки настроенного молодого офицерства. Не случайно поэтому появление кандидатуры Бернадота было встречено в Швеции с энтузиазмом. Надеждам реваншистской «партии» льстила перспектива увидеть во главе швед-

ских армий прославленного полководца Наполеона. Торгово-промышленные круги надеялись, что француз Наполеон пойдет на уступки в отношении строгостей континентальной блокады, навязываемой Швеции. Крестьянское селение, представленное в риксдаге, было довольно недворянским происхождением кандидата. Естественно, двор, высшая аристократия были вначале несколько шокированы, но они были напуганы народными волнениями в Стокгольме в июне 1810 г.¹⁵ и не без оснований увидели в Бернадоте «твердую руку», которая сможет остановить революционное движение. Некоторую роль сыграла и известная оппозиционность Бернадота Наполеону — в Швеции надеялись, что такой престолонаследник не будет слепо повиноваться указаниям из Франции.

Исход решила пропагандистская кампания, предпринятая самим Бернадотом. Агенты французского маршала заверяли правительство и риксдаг, что новый кронпринц, встав у руля, не только удовлетворит чаяния всех группировок, но и своим личным состоянием поможет оздоровлению шведских финансов. Они говорили, что Бернадот — тот самый кандидат, который угоден Наполеону, о чем французский император не может открыто заявить из опасения вызвать недовольство и противодействие России¹⁶.

21 августа 1810 г. риксдаг избрал Бернадота шведским престолонаследником.

Как же отнеслись к этому необычайному событию в Петербурге? Высший свет в русской столице был чрезвычайно обеспокоен, поскольку считалось, что за избранием Бернадота стоит сам французский император¹⁷. Однако Александр I оставался спокоен. От своего доверенного

¹⁵ Hedman R. Massan vid det s. k. fersenska upploppet.— SHT, 1969, h. 1; Розинский В. В. Историко-социологическое исследование выступления народных масс Стокгольма в 1810 году.— ВИ, 1971, № 2, с. 191—192.

¹⁶ О борьбе вокруг шведского престолонаследия см. подробнее: Højer T. T. Carl XIV Johan. Kronprinstiden. Stockholm, 1943; Weibull J. Op. cit., s. 14—42; Tommila P. Op. cit., p. 87—114; Girod de l'Ain G. Bernadotte. Chef de guerre et chef d'Etat. Paris, 1968, p. 297—319.

¹⁷ Французский посол в Петербурге А. де Коленкур — министру иностранных дел Франции Шампаньи, 17 августа 1810 г.— Николай Михайлович, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов Александра и Наполеона. 1808—1812 гг., в семи томах, т. V. СПб., 1907, с. 97.

¹⁴ Знаменитый шведский поэт Э. Тегнер в письме 17 июня 1810 г. высказывал предположение, что кандидатом в престолонаследники Швеции будет выдвинут маршал Массеца (Tegnér E. Brev, bd I. Malmö, 1953, s. 187).

лица в Париже, ловкого русского разведчика полковника А. И. Чернышева царь успел получить заверения, что Бернадот у руля Швеции не будет опасен России. Чернышев довольно часто встречался с Бернадотом, считал, что тот хорошо расположен к России. Вскоре после известия о смерти шведского кронпринца Бернадот, возможно уже получивший предложения Мёрнера, сделал Чернышеву весьма интересное заявление: «Я буду говорить с Вами не как французский генерал, а как друг России и Ваш друг. Ваше правительство должно всеми возможными способами постараться воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы поставить на шведский трон того, на кого оно может рассчитывать; эта политика тем более важна и необходима, что Россия, предполагая, что ей придется вести войну либо против Франции, либо против Австрии, и будучи уверенной в Швеции и не опасаясь диверсии с ее стороны в пользу державы, с которой придется воевать, извлечет неисчислимые выгоды тем, что сможет сосредоточить свои силы в одном месте»¹⁸. Это было сказано почти за два года до Отечественной войны 1812 г.

Получив эту информацию и зная об оппозиционных Наполеону настроениях Бернадота, Александр предпочел не вмешиваться в выборы в Швеции, оказав таким образом существенную поддержку претенденту¹⁹. Он, видимо, считал, что русское выступление в пользу Бернадота скомпрометирует последнего и перед шведами, и перед Наполеоном. Именно пассивная позиция русского царя в столь важном для России деле позволила А. Вандалю еще до опубликования донесений А. И. Чернышева высказать догадку, что Бернадот был кандидатурой Александра²⁰. Полное спокойствие русского царя отражала инструкция генерал-губернатору Финляндии Ф. Ф. Штейнгейлю от 26 сентября (8 октября) 1810 г.²¹: «Настоящее

положение в Швеции с политической точки зрения не дает повода к какому-либо чрезвычайному беспокойству...» Она была написана в тот момент, когда петербургские верхи были крайне встревожены избранием французского маршала шведским престолонаследником, усматривая в этом победу Наполеона²².

Расчеты Александра оправдались. Карл Юхан встал именно на тот путь, который вел к сближению с Россией. В качестве главной цели шведской внешней политики было намечено присоединение Норвегии. Этому в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что новый кронпринц был сторонником теории «естественных границ», распространившейся в XVIII в. и ставшей чуть ли не официальной внешнеполитической доктриной Франции во времена революции и наполеоновских войн. Образование вследствие присоединения Норвегии к Швеции сильного полуостровного скандинавского государства, не имевшего практически уязвимых сухопутных границ, как нельзя лучше вписывалось в эту теорию.

Важным моментом в формировании нового внешнеполитического курса являлась заинтересованность Швеции в торговых связях с Англией, которые были настолько важны для страны, что даже франкофилы, мечтавшие о сближении с Наполеоном, были неприятно поражены его грубыми требованиями о разрыве торговли с Англией. В январе 1810 г. по Парижскому миру с Францией Швеция присоединялась к континентальной блокаде, но, как показывают фундаментальные исследования Ф. Крузе, присоединение во многом осталось на бумаге²³. Англо-шведская торговля в тайне продолжалась, хотя и в меньших объемах. Ей не очень повредило и то, что в конце 1810 г. Швеция была вынуждена ультиматумом Наполеона объявить войну Англии. Наполеон также рассчитывал привлечь Швецию к антирусскому походу, однако он действовал настолько грубо и недипломатично, что облегчил становление нового внешнеполитического курса Швеции. Он обращался со Швецией как с одним из вассальных государств типа Вестфальского королевства или Баварии, заставив шведов принять континентальную блокаду и

¹⁸ Чернышев — Румянцеву, 13(25) июля 1810 г. — Сб. РИО, т. 121. СПб., 1906, с. 77—78.

¹⁹ Сам Карл Юхан в письме Александру от 12 января 1811 г. признавал: «В. в-во дали мне яркое доказательство своего уважения, Вы не помешали моему избранию в Швеции». — АВР, ф. Канцелярия, 1811 г., д. 6218, л. 3.

²⁰ Vandal A. Napoléon et Alexandre. L'alliance russe sous le premier empire, v. II. Paris, 1811, p. 471.

²¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в-ва канцелярии. Под ред. Н. Дубровина, т. III. СПб., 1890, с. 298—302.

²² Tommila P. Op. cit., p. 108—109.

²³ Crouzet F. L'économie britannique et le blocus continental, t. 2. Paris, 1958, p. 431—434, 597—600.

объявить Англии войну. Когда в начале 1811 г. речь зашла о франко-шведском союзе и Карл Юхан высказал претензии Швеции на Норвегию, французы наотрез отказались нанести ущерб датскому королю, союзнику Наполеона. Наполеоновские дипломаты сулили Финляндию, если шведы в случае новой войны выступят против России.

Карл Юхан прекрасно понимал бесперспективность попыток возвратить Финляндию. Он писал в 1812 г. жене: «Возвращение Финляндии... окажет на меня и на Швецию то же действие, что и сорочка Несса». Имелась в виду древнегреческая легенда о гибели героя Геракла, который надел одежду, пропитанную отравленной кровью кентавра Несса. «Десять лет нужно будет вести кровавую борьбу для сохранения этой заморской провинции, и в конце концов Швеция неминуемо потеряет ее»²⁴.

Политика Наполеона в отношении Швеции не могла не потерпеть неудачу, поскольку она не учитывала экономические интересы шведских правящих кругов и перемены, происшедшие в Швеции после революции 1809—1810 гг. Наполеон переоценил антирусские настроения в Швеции, вызванные недавним поражением. Действительно, эти настроения были довольно сильными и оставались существенным фактором, сдерживающим Карла Юхана, но уже в 1810 г. они начали ослабевать после грубого наполеоновского нажима на Швецию²⁵.

Последние месяцы 1810 г. отмечены стремлением и России, и Швеции завязать новые контакты. В Петербурге Александр не переставал заверять шведского посла Стединга в миролюбивых настроениях и тайком старался довести до сведения шведского правительства свое неодобрение грубого ультиматума Наполеона о разрыве англо-шведской торговли и объявлении Швецией войны Англии²⁶. Российскому посланнику П. К. Сухтелену

было предписано засвидетельствовать новому шведскому наследному принцу уважение Александра и его желание жить «в полном согласии» со Швецией²⁷. Для установления более доверительных отношений между русским царем и шведским кронпринцем через Стокгольм в Париж был отправлен А. И. Чернышев — формально он ехал как курьер с письмом Александра Наполеону, чтобы не вызвать подозрений последнего. На самом деле полковнику было поручено показать Карлу Юхану уважение царя и его стремление укреплять дружбу между Россией и Швецией. В инструкции Чернышеву подчеркивалось, что «после Фридрихсгамского мира все изменилось в отношениях между двумя государствами и что часто разделявшая их долгая вражда нашла в этом мире свой конец»²⁸.

Со своей стороны и шведский наследный принц всячески старался подчеркнуть миролюбивые намерения в отношении России: «Счастье Швеции неотделимо от мира с Россией...» Эти слова Карла Юхана передает в своем донесении П. К. Сухтелен. Недвусмысленно шведский наследный принц подчеркивал отказ от каких-либо территориальных претензий к России, от попыток возвращения Финляндии²⁹. Этими же мыслями проникнуто и письмо Карла Юхана Александру I, написанное вскоре после его первой встречи с Сухтеленом³⁰. В еще большей степени эти заверения в стремлении Швеции к дружеским отношениям с Россией были сделаны в беседах с Чернышевым, которому Карл Юхан намекнул на желательность присоединения Норвегии к Швеции в качестве компенсации за Финляндию³¹.

Для того чтобы закрепить создавшиеся благоприятные взаимоотношения с Карлом Юханом, Александр сделал шаг, который не совсем вписывался в протокольные рамки тогдашней дипломатии. Он ответил на письмо Карла

²⁴ Карл Юхан — Дезире Клари, 18 мая 1812 г. — SHT, 1942, h. 4, s. 377.

²⁵ О франко-шведских отношениях в 1810—1811 гг. см. подробнее: Рогинский В. В. Наполеоновская Франция и Швеция накануне Отечественной войны 1812 г. — В кн.: Французский ежегодник. 1975. М., 1977; Coquelle L. La mission d'Alquier à Stockholm. 1810—1811. — «Revue d'histoire diplomatique», 1909, N 2, p. 196—239.

²⁶ Стединг — Карлу XIII, 20 ноября (2 декабря) 1810 г. — Stedingk C. von. Memoires posthumes, t. III. Paris, 1847, p. 160—167.

²⁷ Румянцев — Сухтелену, 21 октября (2 ноября) 1810 г. — ВПР, т. V, док. 255.

²⁸ Румянцев — Чернышеву, 19 ноября (1 декабря) 1810 г. — Сб. РИО, т. 121, с. 109—110.

²⁹ Сухтелен — Румянцеву, 12(24) ноября 1810 г. — ВПР, т. V, док. 264.

³⁰ Карл Юхан — Александру I, 28 ноября 1810 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1810 г., д. 6214, л. 2 и об.

³¹ Чернышев — Александру I, 7(19) декабря 1810 г. — Сб. РИО, т. 21, с. 22—48.

Юхана весьма лестным для того посланием³². Интересно, что Наполеон, к которому его бывший маршал неоднократно обращался по различным поводам в конце 1810 — начале 1811 г., довольно резко повелел по обычным дипломатическим каналам сообщить шведскому наследному принцу, что император Франции переписывался лишь с коронованными особами³³.

Чем же примечателен этот документ, который вместе с письмом Карла Юхана положил начало переписке между двумя крупными деятелями Европы того времени? Во-первых, сам факт переписки — всемогущий самодержец Российской империи обращается с письмом не к царствующей особе, а всего лишь к наследному принцу, который еще не успел крепко стать на ноги в Швеции. Во-вторых, тон письма — Александр заискивает перед Карлом Юханом.

Письмо делится на две части: первая официальная. В ней Александр заверяет Карла Юхана в стремлении «укрепить союз, который существует между Россией и Швецией», что принц «всегда найдет в нем верного союзника». В неофициальной части, предназначенной только для Карла Юхана, Александр пишет, что хотел бы искренней с ним дружбы. Воспитанный республиканцем, пишет Александр, «я рано научился ценить больше человека, чем титулы, и поэтому мне больше льстят узы, которые установятся между нами как людьми, а не как государями». В этом письме виден большой политический расчет. В том, что война с Францией рано или поздно произойдет, в конце 1810 г. сомнений уже не было, и поэтому всеми средствами нужно было оторвать от Наполеона его возможных союзников, прежде всего Швецию.

В ответ Карл Юхан 12 января 1811 г. отправил русскому царю два по-своему примечательных послания: отдельные ответы на письмо и приписку. В первом послании он писал: «Я искренне разделяю выраженное Вами

желание укреплять все больше союз, существующий между Россией и Швецией. У короля нет иной цели кроме мира, иного желания, кроме внутреннего счастья его королевства, и все мои усилия направлены на то, чтобы поддержать эти виды. Я нахожу в мирном и благоклонном расположении в. в-ва новую гарантию мира, которого мы все желаем...» Во втором послании Карл Юхан выражал свою признательность Александру, напоминал, что уже в Тильзите царь лестно говорил о нем, благодарил за позицию при избрании и клялся в своей привязанности Александру. Далее, упоминая о приезде Чернышева и своих встречах с ним, он писал: «С этого момента я рассчитываю на Вашу дружбу, и Вы можете безраздельно рассчитывать на мою. Длительные и кровавые ссоры происходили между Россией и Швецией: может быть, прежде имелось основание решать их оружием; сегодня эти времена прошли, и мир должен стать общей целью обеих наций»³⁴.

Таким образом, уже в конце 1810 — начале 1811 г. был заложен первый камень в русско-шведский союз. Карл Юхан недвусмысленно дал понять Александру, что Швеция не будет стремиться к реваншу, а хочет получить возмещение за утрату Финляндии, присоединив Норвегию. Со стороны России эта позиция встретила одобрение. Однако международная обстановка в начале 1811 г. еще не располагала к практическому закреплению и оформлению союза между двумя государствами, углублению русско-шведского сближения. Основным фактором было существование, пусть в значительной степени формального, русско-французского союза.

В этой обстановке Карл Юхан сделал попытку побудить и Наполеона согласиться на передачу Норвегии Швеции. В начале февраля 1811 г. шведский наследный принц сообщил французскому посланнику Алькье свои предложения: Швеция предоставляет в распоряжение Франции 60-тысячную армию с условием не использовать ее за Рейном, т. е. в Испании, а Наполеон поддержит шведские домогательства Норвегии перед Данией, которой в качестве возмещения можно было бы передать Мекленбург и шведскую Померанию³⁵.

³² Александр I — Карлу Юхану, 19(31) декабря 1810 г. — *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование, т. 3. СПб., 1905, с. 483—484; АВПР, ф. Канцелярия, 1810 г., д. 6214, лл. 5—6 об., черновик, карандашный автограф Александра I.

³³ Шампаньи — Алькье, 22 декабря 1810 г. — *Napoléon. Correspondance*, t. XXI, p. 328—329.

³⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1811 г., д. 6218, лл. 2—4.
³⁵ Алькье — Шампаньи, 7 февраля 1811 г. Оpubл. в пер. на швед. яз.: *Scaevola (Strömbeck P.). Utländska diplomaters minnen från*

Вокруг этих предложений в историографии разгорелся спор: что же считать отвечающим истинным планам Карла Юхана — его заверения Александру или предложение о союзе Наполеону, имевшее якобы антирусскую направленность. Традиционная точка зрения, т. е. содержащаяся в работах XIX — начала XX в., сводилась к следующему: серьезными были обращения Карла Юхана к Александру, предложение о союзе с Францией было лишь направлено на то, чтобы ввести французского императора в заблуждение³⁶.

Шведский историк Э. Карлссон пытался доказать противоположное. По его мнению, в конце 1810 г. инициативу в русско-шведском сближении проявил Александр, а Карл Юхан ограничился ничем не значащими словами и отнюдь не был склонен идти на сближение с Россией. Гораздо большее значение, по мнению Э. Карлссона, имели для шведского наследного принца отношения с Францией. Опираясь на выдержки из документов, этот историк пытался доказать, что предложение, сделанное Карлом Юханом Алькье, заключало в себе далеко идущие антирусские планы, так как шведская армия, предлагаемая Наполеону, могла быть использована против России. Э. Карлссон сконструировал, так сказать, внешнеполитическую программу шведского наследного принца, которой тот якобы придерживался в 1811 г. По его мнению, Карл Юхан с французской помощью хотел создать сильное северное государство из Швеции, Норвегии и Финляндии³⁷.

Первый критик Э. Карлссона Т. Хейер уличил его в довольно свободном обращении с документами и показал ошибочность новой концепции в целом³⁸. Однако сам Хейер в своих исследованиях не вернулся к традиционной точке зрения. Он усмотрел во внешнеполитических акциях Карла Юхана в конце 1810 — начале 1811 г. стремление поддерживать хорошие отношения одновременно и с Россией, и с Францией, чтобы иметь возможность выбора в

svenska hofvet. Stockholm, 1885, p. 539—545, см. также: Coquel-le P. La mission d'Alquier...— «Revue d'histoire diplomatique», 1909, N 2, p. 216.

³⁶ См. работы Тушар-Лафосса, Сарранса, Лаллерстедта, а также общие работы по истории Швеции, вышедшие в конце XIX — начале XX в.

³⁷ Carlsson E. 1812 års politik.— «Nordisk tidskrift», 1941, h. 6, s. 430—433.

³⁸ Höjer T. T. En ny teori om 1812 års politik.— SHT, 1942, h. 4.

решающий момент. В 1811 г., по мнению Хейера, шведский наследный принц еще взвешивал альтернативу — Россия и Франция — и не отказывался окончательно от Финляндии³⁹.

Точка зрения Хейера была критически развита Е. Вейбуллем и П. Томмилой, которые подтвердили, что предложения, сделанные Карлом Юханом Франции в начале февраля, мыслились серьезно, однако они не носили антирусской направленности. По их мнению, отказ от Финляндии был окончательным. Карл Юхан, как показали эти историки, сделав первый шаг к сближению с Россией и выяснив ее благожелательное отношение к идее присоединения Норвегии к Швеции, решил попытаться осуществить этот замысел уже в 1811 г. с помощью Наполеона, поскольку Россия и Франция формально оставались союзниками. На наш взгляд, общая направленность политики Швеции стала определяться уже в конце 1810 г. Ее основой стали признание сложившегося в результате войны 1808—1809 гг. статус-кво на севере Балтики, отказ от Финляндии, поддержание дружеских отношений с Россией. В качестве внешнеполитической цели шведская дипломатия окончательно остановилась на Норвегии, присоединить которую мыслилось различными способами.

Однако проведение этой внешнеполитической линии в жизнь во многом осложнялось запутанной международной обстановкой 1810—1811 гг., необходимостью лавировать. Формально Швеция — союзник Франции, у власти — бывший наполеоновский маршал, под давлением Наполеона Швеция объявила войну Англии. В то же время эта война осталась на бумаге, в тайне продолжалась англо-шведская торговля.

Не менее сложно положение Швеции между Францией и Россией, союзниками с 1807 г. Ловкий и дальновидный политик, Карл Юхан постарался сразу же после своего приезда в Швецию наладить отношения с Александром, не обостряя в то же время отношений с французским императором. Когда же весной 1811 г. возникла угроза франко-русской войны и Наполеон фактически сделал Швеции предложение вступить с ним в союз против Рос-

³⁹ Höjer T. T. Carl XIV Johan; Carlsson S., Höjer T. T. Den svenska utrikespolitikens historia, d. III: 1—2. Stockholm, 1954.

сии, за что Швеция получила бы Финляндию, Карл Юхан ответил отказом.

Рассматривая шведскую политику в 1811 г., необходимо учитывать, что определение ее целей и проведение их в жизнь осуществлялось в обстановке все еще довольно сильного реваншистского угара, который не мог не усиливать недоверие между Россией и Швецией. Тем не менее в русских правящих кругах все более укреплялась мысль о привлечении Швеции на свою сторону в случае конфликта с Наполеоном. Весной 1811 г. Чернышев в нескольких записках царю и канцлеру настоятельно подчеркивал необходимость союза со Швецией⁴⁰. Аналогичное мнение высказывал и хорошо информированный советник русского посольства в Париже в 1810—1811 гг., будущий министр иностранных дел К. В. Нессельроде⁴¹. В январе 1811 г. французский эмигрант граф А. Д'Аллонвиль, возвращавшийся в высших сферах Петербурга, через адмирала Н. С. Мордвинова представил Александру I обстоятельную записку, в которой излагалась программа создания широкого антинаполеоновского фронта. Важное место Д'Аллонвиль отводил союзу со Швецией. Однако, не доверяя Карлу Юхану, он предлагал «в случае революции возложить корону на голову голштинских наследников королевского дома...»⁴²

Одним из активных поборников сближения со Швецией выступил Георг Мориц Армфельт, видный деятель автономной Финляндии. До 1810 г. Армфельт жил в Швеции и занимал довольно высокие посты. После буржуазной революции 1809—1810 гг., будучи противником свержения Густава IV Адольфа, Армфельт переселился в Финляндию, уроженцем которой он был и где находились его поместья. В 1810 г. он принял русское подданство и быстро завоевал полное доверие царя, которого он со своей стороны стал агитировать за тесное сближение со Швецией. Армфельт считал русско-шведский союз твердой гарантией автономного положения Финляндии в со-

ставе Российской империи⁴³. 6 июня 1811 г. он представил обстоятельный мемуар с доводами в пользу создания новой антинаполеоновской коалиции с обязательным привлечением Швеции⁴⁴.

Медленно происходило сближение России и Швеции. Обе стороны старались не форсировать события. Обстановка в Европе в 1811 г. напоминала затишье перед бурей, несомненное приближение которой чувствовалось всеми. Это показала военная угроза весны 1811 г., когда новая русско-французская война вот-вот готова была разразиться, но не началась лишь потому, что обе стороны еще не чувствовали себя вполне готовыми к новому решающему столкновению. Именно в 1811 г. русская дипломатия стала тайно закладывать основы будущей антинаполеоновской коалиции. Активизировались поиски мира с Турцией. Министр иностранных дел, Александр I через сенатора Р. А. Кошелева начал секретные переговоры с представителями антинаполеоновского Кадисского регентства Испании. Через них предпринимались попытки завязать косвенные связи с Англией, в состоянии войны с которой Россия находилась с 1807 г.⁴⁵ Активно старалась русская дипломатия побудить к выступлению

⁴³ Большую роль Армфельта в деле сближения со Швецией справедливо отмечал Е. В. Тарле: *Тарле Е. В.* 1812 год. М., 1959, с. 443; см. также биографию Армфельта: *Tegnér E. Gustaf Mauritz Armfelt*, bd I—III. Stockholm, 1887; переводы из книги Тегнера «Император Александр I и граф Армфельт (1811—1812)». — «Русская старина», 1896, № 7—10; *Bonsdorff C. von. Gustaf Mauritz Armfelt. Levnadsskildring*, d. 1—4. Helsingfors. 1930—1934. Об обстоятельствах переезда Армфельта в Россию и его деятельности в 1811 г. подробнее см.: *Tommila P.* Op. cit., p. 201—237.

⁴⁴ См. в переводе на финский язык: *Danielson-Kalmari J. R. Aleksanderi I: n aika*. II. Porvoo, 1922, s. 108—109. Любопытно, что Армфельт прочел текст мемуара шведскому поверенному в делах в Петербурге Шенбуму, который постарался по памяти изложить его в своей депеше Карлу Юхану. В Стокгольме Алькье, по-видимому, через своих шпионов удалось заполучить этот документ, который он и переслал в Париж, и, как предполагают историки, именно этот документ и стал причиной той знаменитой гневной тирады Наполеона, с которой французский император обратился к ошеломленному послу России А. Б. Куракину 15 августа 1811 г. См.: *Tommila P.* Op. cit., p. 226—228; *Girod de l'Ain G.* Op. cit., p. 392—394.

⁴⁵ ВПР, серия первая, т. VI, док. 25, 49, 108, прим. 76, 144, 217; *Николай Михайлович*, вел. кн. Император Александр I. СПб., 1912; *Завяич И. С.* Испания в дипломатических отношениях России в 1812 г. — «Исторический журнал», 1943, № 3-4, с. 45—49.

⁴⁰ Сб. РИО, т. 21, с. 62—63, 170—171.

⁴¹ Нессельроде — Сперанскому, 5(17) сентября 1810 г. и 4(16) февраля 1811 г. — *Nesselrode K. Lettres et papiers*, t. III (1805—1811). Paris, 1909, p. 289—323.

⁴² Записку Д'Аллонвиля см.: *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам, т. 1. СПб., 1859, с. 466—473. Ошибочно отнесено к 1812 г. см.: *Tommila P.* Op. cit., p. 226.

против Наполеона и робкого короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III и по меньшей мере нейтрализовать Австрию⁴⁶.

Русское правительство уже летом 1811 г. пыталось выяснить подлинные намерения Карла Юхана и шведского правительства. Чувствуя это и в свою очередь также стремясь к сближению с Россией, Карл Юхан начал осторожную подготовку общественного мнения страны к смене внешнеполитического курса. Именно к концу 1811 г. ряды сторонников реванша против России значительно поредели. На позицию Карла Юхана перешли Л. фон Энгстрём и Г. Веттерстедт, прежде активные деятели про-французской «партии».

В исторической литературе иногда встречается утверждение, что в 1811 г. русско-шведские отношения несколько охладели, и в качестве довода приводится тот факт, что из Петербурга и Стокгольма были отозваны посланники обоих государств⁴⁷. Действительно, барон К. фон Стедингк, бывший в Петербурге послом с 1792 по 1808 г. и вернувшийся в российскую столицу после заключения Фридрихсгамского мира в качестве специального представителя, был весьма преклонного возраста. Шведский король Карл XIII в письме к Александру I объяснял отзыв этого видного шведского дипломата состоянием его здоровья, подчеркивая «взаимную дружбу и отношения доверия и взаимного согласия» между Россией и Швецией⁴⁸. Отзыв Стедингка был с пониманием воспринят в Петербурге и не вызвал какого-либо ухудшения в отношениях со Швецией⁴⁹. В августе из шведской столицы был отозван П. К. Сухтелен, находившийся там с 1809 г., как и Стедингк не аккредитованный, но фактически выполнявший функции посланника. По этому поводу царь писал шведскому королю: «Генерал Сухтелен вы-

нужден просить разрешения вернуться в Россию для урегулирования своих домашних дел», и при отъезде ему поручено «заверить шведского короля в постоянном и искреннем желании все более и более при всех обстоятельствах укреплять доброе согласие, объединяющее наши государства»⁵⁰.

Совершенно иначе обстояло дело в отношениях Швеции с Францией. Внешние события развивались аналогично. Из Парижа был отозван шведский посланник Лагербельке, Алькье был переведен в Копенгаген. После бесплодных переговоров весной 1811 г. о возможном союзе Швеции и Франции в будущей войне с Россией франко-шведские отношения стали резко ухудшаться. С 1810 г. камнем преткновения для сближения между Францией и Швецией была континентальная блокада. Швеция, как уже отмечалось, формально присоединилась к ней, но фактически всячески ее срывала. Это не могло не вызвать раздражения Наполеона. Еще в марте 1811 г. французский император предписал министру иностранных дел Шампаньи заявить Лагербельке, что французы незамедлительно оккупируют шведскую Померанию, если там появятся английские или колониальные товары⁵¹. В начале июля 1811 г. Наполеон отдал маршалу Даву, командующему французскими войсками в северной Германии, приказ начать подготовку к захвату шведской Померании⁵². Серьезно ухудшили отношения между Францией и Швецией инциденты, происшедшие в административном центре шведской Померании Штральзунде между местными властями и французскими каперами⁵³. В августе последовало столкновение между Карлом Юханом и Алькье, который потребовал отставки шведского министра иностранных дел, и следствием этого был перевод французского посланника в Копенгаген. Ухудшение отношений между Швецией и Францией не было ни для кого секре-

⁴⁶ ВПР, т. VI, док. 20, 21, 26, 67—69, 76; *Завиш И. С.* Вероломство Пруссии в отношении России в 1812 году. — «Исторический журнал», 1944, № 1, с. 81—87; *Он же.* Меттерних и Отечественная война 1812 года. — «Исторические записки», 1945, т. 16, с. 100—125; *Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801—1812 гг. М., 1966, с. 182—188.

⁴⁷ *Carlsson E.* 1812 års politik. — «Nordisk tidskrift», 1941, h. 6, s. 434.

⁴⁸ Карл XIII — Александру I, 21 июня 1811 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1811 г., д. 6216, л. 2 и об.

⁴⁹ Александр I — Карлу XIII, 20 июня (2 июля) 1811 г. — Там же, ц. 6217, л. 2 и об.

⁵⁰ Александр I — Карлу XIII, 1(13) августа 1811 г. — Там же, л. 3 и об.

⁵¹ Наполеон — Шампаньи, 25 марта 1811 г. — *Napoléon. Correspondance*, t. XXI, p. 512.

⁵² Наполеон — Даву, 3 и 5 июля 1811 г. — *Ibid.*, t. XXII, p. 296; *Lecestre L.* Lettres inédites de Napoléon, t. II. Paris, 1897, p. 142—143.

⁵³ Наполеон — новому министру иностранных дел Франции Маре, 15 июля и 8 августа 1811 г.: *Napoléon. Correspondance*, t. XXII, p. 326—327; *Lecestre L.* Op. cit., p. 155.

том⁵⁴. Отзыв из Парижа Лагербельке, одного из ведущих деятелей профранцузской «партии» в шведских правящих кругах, был вызван его настроениями в пользу укрепления связей с Наполеоном.

Осенью 1811 г. сближение между Россией и Швецией становилось все явственней. Вернувшийся в Петербург Сухтелен активно выступал за укрепление русско-шведских отношений. Назначенный в Стокгольм поверенным в делах России П. А. Николаи видел свою основную задачу в поддержании установившихся дружественных связей со Швецией. В донесениях, которые он направлял из Стокгольма, все чаще приводились факты, говорившие о вполне лояльном отношении Швеции к России, о том, что шведам чужды теперь стремления к реваншу. Более того, уже с первых встреч с российским поверенным в делах Карл Юхан стал говорить о необходимости русско-шведского союза перед лицом наполеоновской агрессии. Николаи характеризовал эти высказывания как вполне искренние и отражающие подлинные намерения шведского правительства⁵⁵. К концу 1811 г. укрепились отношения доверия между правительствами обоих государств. Этому в значительной мере способствовало пресечение шведским правительством антирусской, профранцузской и реваншистской пропаганды. Осенью 1811 г. литератор А. Регнер был приговорен к трем годам тюрьмы за то, что поместил в своей газете статью, призывавшую вернуть Финляндию с помощью Франции⁵⁶.

Александр I отправил 10(22) ноября 1811 г. послание шведскому наследному принцу, в котором вновь призывал его полагаться на свою дружбу и на «действительное желание быть полезным интересам Швеции». Явно стремясь еще больше расположить к себе Карла Юхана, царь в качестве подарка послал русские меха теплолюбивому южанину, неуютно чувствовавшему себя в северных краях⁵⁷. В ответ на это послание Карл Юхан поспешил снова заверить Александра в своем дружеском располо-

жении. Он писал: «Призванный в эту страну, чтобы помочь королю восстановить в ней порядок и спокойствие, я счел своим долгом совершенно не вынашивать каких-либо проектов мести, которые, казалось, господствовали у большинства наций». Не без гордости он сообщал, что ему удалось с большими усилиями объяснить шведам их подлинное положение. «Ненависть чувствительно уменьшилась», — писал Карл Юхан, заверяя русского царя, что будет защищать независимость Швеции и права ее народа, явно намекая на то, что не собирается подчиняться французскому диктату⁵⁸.

В конце 1811 г. в правящих кругах России и Швеции стали задумываться о восстановлении отношений с Англией, поскольку оба государства формально не только участвовали в континентальной блокаде, но и были в состоянии войны с Англией. Осенью 1811 г. в Швеции состоялись секретные переговоры между шведскими и английскими дипломатами с целью выработать условия прекращения формальной войны между двумя государствами. Русское правительство понимало важность установления связей с Англией, причем путем к этому должен был стать союз России со Швецией, направленный против Франции и Дании. В конце декабря 1811 г. русский министр иностранных дел Н. П. Румянцев предписал П. А. Николаи дать понять Карлу Юхану, что Россия ничего не имеет против союза Швеции с Англией. Что касается сближения с Россией, то, как говорилось в инструкции, это зависит от выбора Швеции между Францией и Англией⁵⁹. Помимо этого Николаи должен был внушить шведскому наследному принцу мысль о необходимости участия Швеции в будущем освободительном походе в Европу; правда, пока русский дипломат должен был говорить от себя лично. Россия также соглашалась возобновить переговоры о продлении срока действия торгового договора, о чем напоминали шведы⁶⁰. Несколько позже Николаи было предписано передать, что Александр не прочь лично встретиться с Карлом Юханом⁶¹.

⁵⁸ Карл Юхан — Александру I, 12 декабря 1811 г. — Там же, д. 6218, лл. 5—6.

⁵⁹ Румянцев — Николаи, 16(28) декабря 1811 г. — ВПР, т. VI, док. 97.

⁶⁰ Румянцев — Николаи, 17(29) декабря 1812 г. — ВПР, т. VI, док. 98.

⁶¹ Румянцев — Николаи, 31 декабря 1811 г. (12 января 1812 г.) — ВПР, т. VI, док. 102.

⁵⁴ Чернышев — Румянцеву, 7(19) сентября 1811 г. — Сб. РИО, т. 21, с. 247—249.

⁵⁵ Николаи — Румянцеву, 19(31) октября 1811 г. — ВПР, т. VI, док. 83; Николаи — Воронцову, 13(25) сентября 1811 г. — В кн.: Архив кн. Воронцова, кн. 22. М., 1881, с. 427—429.

⁵⁶ *Tottila P.* Op. cit., p. 242—243.

⁵⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1811 г., д. 6219, л. 5 и об.

К началу 1812 г. почва для русско-шведского сближения, на наш взгляд, была готова.

Таким образом, новый внешнеполитический курс Швеции на дружеские отношения с Россией, становление которого началось медленно и трудно после 1809 г., отнюдь не являлся случайным. В этом были заинтересованы и господствующие классы Швеции, причем их интересы совпали с интересами национальными, интересами страны в целом. Именно в 1810—1811 гг. происходит постепенное слияние тенденции к миру и дружбе с Россией и экспансионистских устремлений на Норвегию. Континентальная блокада и война с Англией, навязанные Наполеоном, стали важным дополнительным стимулом в становлении нового внешнеполитического курса. Следует заметить, что личные взаимоотношения Карла Юхана (Бернадота) и Наполеона (их предыстория уходит во времена итальянского похода) не играли во внешней политике Швеции того периода какой-либо решающей роли, хотя, конечно, полностью списывать их со счетов не следует.

Заключение союзного договора между Россией и Швецией в марте — апреле 1812 г.

В конце января 1812 г. произошло событие, прозвучавшее первым раскатом грома надвигающейся бури. 27 января без предварительного оповещения французские войска маршала Даву по приказу Наполеона заняли шведскую Померанию — последнее владение Швеции на южном берегу Балтики, оставшееся от завоеваний Тридцатилетней войны и Вестфальского мира 1648 г.¹ Шведские государственные кассы были опечатаны, немногочисленные шведские войска в качестве военнопленных отправлены во Францию, шведские чиновники арестованы.

Что же побудило Наполеона сделать этот новый агрессивный шаг против страны, которую он в конце концов рассчитывал привлечь к походу против России? У историков этот шаг получил разное объяснение. Высказывалась точка зрения, что Наполеону нужно было занять шведскую Померанию для более удобного продвижения своих войск к границам Российской империи². Этот шаг объяснялся также стремлением оказать давление на Пруссию и заодно ликвидировать возможный плацдарм для высадки англо-русских войск в северной Германии в случае новой войны с Россией³. Доверенное лицо Наполеона на о-ве Святой Елены генерал Гурго попросту приписал померанскую акцию избытку рвения Даву. Французский маршал, основываясь на ложных донесениях о

¹ О захвате шведской Померании подробнее см.: *Рогинский В. В.* Наполеоновская Франция и Швеция накануне Отечественной войны 1812 г. — В кн.: *Французский ежегодник. 1975. М., 1977.*

² *Завяич И. С.* Союз между Россией и Швецией в 1812 году. — *«Известия АН СССР. Серия истории и философия»*, 1944, т. I, № 1, с. 32.

³ *Pingaud L.* Bernadotte, Napoléon et les Bourbons (1797—1844). Paris, 1901, p. 145.

наличии в Штральзунде английских и колониальных товаров, захватил эту провинцию, а Наполеону ничего не оставалось, как «простить этот избыток рвения»⁴.

В действительности приказ о захвате шведской Померании исходил от самого Наполеона. Эта акция была следствием политики французского императора по укреплению континентальной блокады, последовательно проводившейся с 1810 г. Присоединение к империи Голландского королевства, ганзейских городов и создание вокруг Гамбурга 32-го военного округа, захват Ольденбурга, постоянный нажим на Пруссию — эти меры предшествовали захвату шведской Померании.

Официальным поводом для вступления в шведскую Померанию стал захват шведским военно-морским кораблем в ноябре 1811 г. французского капера «Меркурий», охотившегося за торговыми судами на Балтике. Однако идея оккупации шведской Померании возникла у Наполеона уже в 1810 г. Летом 1811 г. был отдан приказ о подготовке этой акции. Попытки французской дипломатии путем жесткого давления на Карла Юхана заставить его повиноваться Наполеону не принесли успеха, и тогда Наполеон решился на столь суровое средство.

Определенную роль в померанских событиях сыграли и профранцузски настроенные шведы, проживавшие в Париже. Они заверили министра иностранных дел Франции Маре в том, что шведский народ беспредельно предан Наполеону, горит желанием отомстить за поражение в войне с Россией и что такая акция, как захват Померании, подтолкнет колеблющегося наследного принца к сближению с Наполеоном. Э. Карлссон придавал шведским оппозиционерам решающую роль, подчеркивая при этом, что Наполеон не хотел окончательно порвать со Швецией и отбросить ее в лагерь противников⁵. Французский император продолжал верить, что политика Бернадота — всего лишь каприз, что Швеция неминуемо должна выступить против наследственного врага⁶.

⁴ *Gourgaud G. Napoléon et la grande armée en Russie ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Séguire. Paris, 1825, p. 27—28.*

⁵ *Carlsson E. Napoléon och svenska Pommern år 1812 — SHT, 1954, h. 2, s. 146—170.*

⁶ *Tommila P. La Finlande dans la politique européenne en 1809—1815. Helsinki, 1962, p. 170—180.*

Однако этот шаг французского императора оказался своеобразным толчком к шведско-русскому сближению. Оккупация французами шведской Померании смела преграды на пути русско-шведского союза. Этому способствовала и активная пропагандистская кампания, развернутая Карлом Юханом⁷. Шведское правительство почувствовало, что теперь руки у него свободны.

Сразу же после получения в Стокгольме известия о вступлении французов в Померанию Карл Юхан объявил Николаю, что пришло время заключить союз между Россией и Швецией, положив начало антинаполеоновской коалиции, куда, помимо России и Швеции, вошли бы также Турция, Австрия, Пруссия, Англия и Испания (Карл Юхан имел в виду не французского ставленника — короля Жозефа, своего родственника, а Кадисское регентство, возглавлявшее антинаполеоновские, патриотические силы)⁸.

Тогда же, в начале февраля, шведское правительство решило перейти к активным дипломатическим действиям. В Петербург был послан один из ведущих дипломатов Швеции, ближайший сотрудник Карла Юхана граф Карл Лёвенгельм. Он должен был отвезти Александру письма короля и наследного принца с призывами ответить на акт наполеоновской агрессии более тесным сближением России и Швеции⁹. Наибольший интерес представляют выданные Лёвенгельму инструкции, являющиеся важнейшим основополагающим документом шведской «политики 1812 года»¹⁰.

Швеция пострадала, говорилось в инструкции, и должна получить «увеличение территории и населения», а этой территорией могла быть только Норвегия, причем Россия должна быть заинтересована в присоединении Норвегии к Швеции. Напоминалось, что шведы отвергли предложе-

⁷ Николай — Румянцеву, № 79, 29 января (10 февраля) 1812 г.; № 87, 12(24) февраля 1812 г. с прил. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10822, лл. 66 и об., 100—121.

⁸ Николай — Румянцеву, № 71, 20 января (1 февраля) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10822, лл. 42—48.

⁹ Карл XIII — Александру I, 6 февраля 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 6271, лл. 2—3 об.; Карл Юхан — Александру I, 6 февраля 1812 г. — *Correspondance inédite de l'Empereur Alexandre et de Bernadotte pendant l'année 1812. Paris, 1909 (далее — Correspondance, 1909), p. 1—2.*

¹⁰ Инструкции К. Лёвенгельму, 4 февраля 1812 г. — SRA BPA.

ния Наполеона выступить против России даже за обещание вернуть Швеции не только Финляндию, но и все шведские владения, потерянные после смерти Карла XII. «Для Швеции, — гласила инструкция, — речь сейчас идет не об удовлетворении жажды эфемерной славы, а о будущем. Не нужно, следовательно, искать семян новой войны, нужно навсегда избежать этой возможности». Залогом может стать только присоединение Норвегии к Швеции.

Сейчас, подчеркивалось в инструкции, у Швеции альтернатива — либо пойти на поводу у Франции, нападая на Россию, либо защищать дело России. Интересы Швеции диктуют принятие последнего. Карл Юхан предвидел, что русско-шведский союз приведет к созданию большой антинаполеоновской коалиции. В инструкции намечались основы русско-шведского союзного договора, причем Лёвенгельм должен был предложить Александру послать в Стокгольм специального уполномоченного для подписания такого договора.

Русско-шведский союзный договор должен был базироваться на условиях Гатчинского договора, заключенного в 1799 г., с рядом добавлений: 1) Александр гарантирует Швеции присоединение Норвегии; 2) Россия предоставляет Швеции корпус численностью 15, 20 или 25 тыс. человек для этой цели; 3) к моменту прибытия русских войск в Швецию для объединения с ними шведы подготовят армию в 35—40 тыс. (цель объединенного русско-шведского корпуса — высадка на датском о-ве Зеландия, чтобы принудить короля Дании Фредерика VI уступить Норвегию Швеции); 4) если датский король на это не согласится, союзники будут считать его своим врагом; 5) если Дания присоединится к Швеции, России и Англии, ей будет обещано, что эти державы будут вести переговоры с Францией лишь при условии, что Дания получит полную компенсацию на берегах Эльбы.

Далее следовал план совместного вторжения в северную Германию: «Если датский король согласится вступить в эту систему (имелась в виду антинаполеоновская коалиция. — В. Р.), его армия присоединится к шведам и русским и к корпусу в 4—5 тыс. человек, который смогут предоставить англичане. В целом это образует армию более чем в 80 тыс. человек, которую легко будет довести до 120 тыс. наборами в северной Германии, главным образом в ганзейских городах и Ганновере». Под-

черкивалось, что после осуществления шведско-норвежской унии, которая будет следствием военного вторжения в Зеландию, «объединенная армия в случае необходимости может быть переброшена в окрестности Гамбурга и затем на Одер, где она будет в состоянии осадить Штеттин, беспокоить тылы французской армии, повлиять на прусский двор, пробудить смелость немцев и совершить полезную для русской армии диверсию».

Кроме того, Лёвенгельму поручалось сообщить Александру о предстоящем приезде в Швецию английского представителя и подчеркнуть, что «восстановление шведско-английского согласия станет, без сомнения, предвестником подобного союза между этой державой (Англией. — В. Р.) и Россией». Шведское правительство предлагало также свое посредничество в переговорах России с Турцией.

Лёвенгельму предписывалось действовать в Петербурге осторожно. Предварительно он должен был проконсультироваться со шведским поверенным в делах Шенбумом, и если выяснится, что Россия склонна примириться с Наполеоном, то шведский дипломат не должен делать предложения о союзе, а лишь в самой общей форме ограничиться пожеланиями установления с Россией «интимного доверительного концерта».

Основная цель миссии К. Лёвенгельма — заключение русско-шведского союза — оставалась в секрете даже для многих членов Государственного совета. Хотя антирусские настроения в Швеции и ослабли, но неприязнь к сближению с Россией оставалась. Это проявилось на заседаниях Государственного совета 21 и 24 февраля, когда обсуждался внешнеполитический курс страны после захвата французами Померании. Карлу Юхану удалось добиться лишь принятия решения о нейтралитете Швеции в англо-французской войне¹¹. Однако эта позиция Государственного совета не препятствовала дальнейшему русско-шведскому сближению, поскольку по шведским законам внешнеполитические дела в значительной степени оставались в компетенции короны. Инструкции Лёвенгельму не были отменены. Более того, после этих

¹¹ См.: *Alin O. Svenska statsrådets protokoll i frågan om förbundet med Ryssland 1812*. Uppsala, 1900; *Tommila P.* Op. cit., p. 278—279.

заседаний Карл Юхан сообщил Николаи окончательную цель миссии К. Лёвенгельма — заключение союза с Россией¹².

Что касается позиции русского правительства в отношении тех перспектив сближения со Швецией, которые открылись после январского захвата Померании, то русско-шведское сближение становилось объективной необходимостью с точки зрения русских государственных интересов, и это прекрасно понимали правящие круги России, прежде всего сам Александр I.

Перед русским правительством в 1812 г. встала задача — создать наиболее благоприятные условия, в которых России придется вести тяжелую борьбу с Наполеоном. Сблизиться с Англией, попытаться нейтрализовать Пруссию и Австрию, добиться мира с Турцией, даже привлечь ее к активным действиям против Франции и заключить союз со Швецией — вот проблемы, которые стояли перед русской дипломатией¹³. При этом сближение со Швецией стояло на первом плане. Помимо чисто конъюнктурных моментов, немаловажную роль играло стремление России навсегда закрепить за собой Финляндию и обезопасить весь район столицы империи. Для этого необходимо было поддержать в Швеции то внешнеполитическое направление, которое не ставило бы перед собой задачу реванша за недавнее поражение, возвращения Финляндии, а направило бы свои устремления на запад. Поэтому курс на присоединение Норвегии, взятый Карлом Юханом, — «политика 1812 года», — не мог не найти поддержки у русского правительства. Таким образом, в совпадении интересов правящих классов России и Швеции нужно искать причину русско-шведского сближения в 1812 г.

В начале февраля 1812 г. в Петербурге узнали о вступлении наполеоновских войск в шведскую Померию. Для русского правительства это событие не было неожиданным. Первый агрессивный шаг Наполеона в 1812 г. давал России союзника или, по крайней мере, выводил Швецию из игры как возможного противника.

¹² Николаи — Румянцеву, № 90, 14(26) февраля 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10822, лл. 126 об. — 128.

¹³ Казаков Н. И. Внешняя политика России перед войной 1812 г. — В кн.: 1812 год. К столетию Отечественной войны. М., 1962; Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801—1812 гг. М., 1966, с. 163—198.

Уже 27 января (8 февраля), т. е. до получения предложений Карла Юхана, у Александра I состоялось тайное совещание наиболее приближенных к царю сановников, в том числе Н. П. Румянцева, военного министра М. Б. Барклая-де-Толли, морского министра И. И. Траверсе¹⁴.

На этом совещании присутствовал Армфельт, который изложил свой меморандум по вопросам внешнеполитического курса России с доводами в пользу русско-шведского союза¹⁵. О принятых решениях можно судить по инструкции Румянцева Николаи, составленной через день¹⁶. Русскому поверенному в делах предписывалось выяснить подлинные намерения шведского правительства. Со своей стороны Россия была готова заключить союз со Швецией и дать согласие на присоединение Норвегии. Перспектива сближения Швеции с Англией очень бы устраивала русское правительство, а в случае, если обе эти страны решат осуществить высадку в северной Германии, Россия могла бы предоставить для участия в экспедиции две дивизии под командованием генерала П. К. Сухтелена.

Однако ход событий обгонял примитивные средства сообщения, ухудшенные зимней непогодой. Стоял февраль, и льды на Балтике мешали и задерживали своевременную доставку корреспонденции из Стокгольма в Петербург и обратно. Пока инструкция Н. П. Румянцева шла в Швецию, 6(18) февраля в русскую столицу прибыл Карл Лёвенгельм. В ходе начавшихся переговоров с Александром и Н. П. Румянцевым выяснилось, что обе стороны едины в главных вопросах: союз России и Швеции, направленный против Франции; присоединение Норвегии к Швеции; совместная русско-шведская экспедиция; сближение обеих стран с Англией. Но здесь же выяснились и разногласия. Александр возражал против присоединения Норвегии к Швеции в качестве предварительного условия вступления ее в войну против Франции. Он стоял за мирное разрешение норвежского вопроса и

¹⁴ Об этом совещании известно из донесения шведского поверенного в делах в Петербурге Шенбума Энгстрёму от 30 января (11 февраля) 1812 г. — SRA Muscovitica SBP.

¹⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 5241, лл. 6 об. — 7.

¹⁶ ВПР, т. VI, док. 111.

был склонен привлечь Копенгаген в антифранцузскую коалицию¹⁷.

Позицию России отражали основы договора о союзе, выработанные по поручению Александра Армфельтом, а также инструкция П. К. Сухтелену, посланному в начале марта в Стокгольм для заключения союза со Швецией.

Русское правительство, соглашаясь на шведско-норвежскую унию и обязуясь помочь ее осуществлению, предлагало сделать попытку убедить Данию добровольно уступить Норвегию в обмен на компенсацию в Германии и присоединиться к русско-шведскому союзу. В случае отказа Дания должна была рассматриваться как враг. Россия обязывалась предоставить 24 батальона (2 дивизии) из числа войск, расквартированных в Финляндии, чтобы Швеция использовала их против Дании, под командованием Карла Юхана — либо в Норвегии, либо в Зеландии.

Александр должен был отдать приказ о сосредоточении войск в Финляндии. После присоединения Норвегии к Швеции русско-шведские войска должны были начать операцию в северной Германии, в тылу наполеоновских войск. Россия принимала шведское посредничество для заключения мира с Турцией, и, более того, Александр хотел, чтобы Швеция предложила Порте присоединиться к русско-шведскому союзу¹⁸.

11(23) февраля русские предложения были переданы К. Лёвенгельму, тут же отправившему их в Стокгольм. Но непогода все затягивала, и эти сообщения пришли туда лишь через три недели.

В шведской столице уже начинали беспокоиться, тем более что туда шли неприятные сообщения — французы готовятся послать на Балтику сильную эскадру якобы для прикрытия южных берегов и своего тыла; Пруссия только что заключила союз с Францией¹⁹. Поэтому из-

¹⁷ Александр I — Карлу XIII, 13(25) февраля 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 6272, л. 2 и об.; Александр I — Карлу Юхану, 13(25) февраля 1812 г. — *Correspondance*, 1909, р. 2; К. Лёвенгельм — Карлу XIII, 7(21) февраля 1812 г. — *SRA Muscovitica SBP*.

¹⁸ 12 статей основ проекта русско-шведского договора. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 11019, лл. 19—20; Лёвенгельм — Карлу XIII, 12(24) февраля 1812 г. — *SRA Muscovitica SBP*.

¹⁹ Николай — Румянцеву, № 97, 20 февраля (3 марта) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10822, лл. 150—151; Энгестрём — Лёвенгельму, 3 марта 1812 г., постскриптум, 6 марта 1812 г. — *SRA BPA*.

вестия об успешном ходе русско-шведских переговоров обрадовали шведское правительство²⁰.

В целом русские основы проекта договора были одобрены, но в частности, хотя и важных, шведы настаивали на своем. Лёвенгельм должен был постоянно подчеркивать, что «присоединение Норвегии к Швеции является предварительной мерой, а не вознаграждением, вытекающим из сотрудничества Швеции в континентальной войне». Шведское правительство скептически оценивало возможность мирного разрешения норвежского вопроса в пользу Швеции и, не отклоняя русского предложения о демарше перед Данией, предложило поставить датского короля перед выбором — либо добровольная уступка, либо война. Кампанию против Дании предполагалось открыть тогда, когда «русские и шведские войска будут готовы высадиться в Зеландии и английский флот окружит этот остров». Шведы определили общую численность русского вспомогательного корпуса в 15—20 тыс. солдат, включая артиллерию и кавалерию. Карл Юхан даже просил прислать полк казаков. Предлагалось оговорить, что к 15 или 25 июня русские войска будут доставлены в Сконе и что к этому же времени шведы сосредоточат у своих южных берегов армию в 30—35 тыс. для действий против Дании. Кроме того, шведы предлагали включить в договор статьи, предусматривающие приглашение Англии к русско-шведскому союзу и обязательство не вести сепаратных переговоров с врагом. В остальном шведские добавления касались содержания и снабжения русских войск в Швеции и во время кампании, командования смешанными соединениями и прочих организационных вопросов. Лёвенгельму разрешалось подписать договор в Петербурге и высылаться необходимые полномочия²¹.

К. Лёвенгельм получил новые инструкции 8(20) марта и 19(31) марта сообщил Н. П. Румянцеву о шведских предложениях²². Пять дней ушло на доработку и редактирование статей²³, и наконец 24 марта (5 апреля) рус-

²⁰ Николай — Румянцеву, № 100, 29 февраля (12 марта) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10822, л. 158.

²¹ Энгестрём — К. Лёвенгельму, 12 марта 1812 г., постскриптум, 13 марта 1812 г. Проект статей русско-шведского договора. — *SRA Muscovitica SBP*; см. также: ВПР, т. VI, с. 739.

²² АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 11019, лл. 17—18.

²³ Лёвенгельм — Карлу XIII, № 14, 15, 24 марта (5 апреля) 1812 г. с прил. — *SRA Muscovitica SBP*.

ско-шведский союзный договор был подписан Н. П. Румянцевым и К. Лёвенгельмом²⁴.

Он состоял из 20 основных и 4 отдельных статей. Преамбула гласила, что договор заключен «в целях обеспечения владений (обоих государств.— В. Р.) и безопасности Севера, которым в равной степени угрожают честолюбие и захватнические планы Франции». Россия и Швеция гарантировали друг другу «все их земли, владения и провинции в Европе в том виде, как они ими владеют сейчас или будут владеть в силу постановлений, содержащихся в настоящем договоре». Конечно, имелись в виду Финляндия, отказ от которой Швеция подтверждала еще раз, и Норвегия, которую шведы предполагали присоединить. Обе стороны обязались считать свои интересы общими, оказывать во всем друг другу помощь. «Новые враги,— говорилось далее,— которые могут появиться у одной из них вследствие заключения данного союзного договора, уже только в силу этого будут рассматриваться другой стороной как ее враги». Здесь явно подразумевались Франция и ее союзники, а также Дания, если норвежский вопрос не удастся решить мирным путем. Договор предусматривал самый широкий обмен информацией «об ущербе, вреде и опасностях или внешних беспорядках, которые могут угрожать владениям» обоих государств. Обе стороны обязались принимать «самые действенные меры, чтобы предупредить и воспрепятствовать им или исправить их последствия». Обе стороны обязались «не разделять своих интересов в каких бы то ни было переговорах с их общими врагами... после начала военных действий не складывать оружия, не вести мирных переговоров иначе как с общего согласия». Договор должен был храниться в секрете и вступить в силу после того, как одна из сторон объявит войну Франции или «с той или другой стороны будут начаты военные действия».

Договор освобождал Швецию от обязательного участия в континентальной блокаде, ранее обусловленного ст. III Фридрихсгамского мирного договора. Швеция обязалась выступить посредником в русско-турецких перего-

ворах с целью ускорить заключение мира. Договор предусматривал приглашение Англии «присоединиться в качестве полноправного участника к этому договору... и гарантировать его постановления».

Главным в договоре, конечно, было согласие России на присоединение Норвегии к Швеции. Русское правительство обязалось помочь в осуществлении этого «либо путем переговоров, либо путем оказания военной помощи», гарантировать Швеции «спокойное владение этой страной и не прекращать войны до тех пор, пока это присоединение не будет осуществлено». Предусматривалась совместная военная экспедиция против Франции в составе 25—30 тыс. шведов и 15—20 тыс. русских. Объединенный корпус должен был высадиться в какой-либо точке на побережье северной Германии (ст. IV). Россия соглашалась на присоединение Норвегии к Швеции раньше высадки в Германии, и Александр должен был предоставить русские войска «в полное распоряжение Швеции и под непосредственное командование... наследного шведского принца для использования в операциях, имеющих целью присоединение Норвегии к Швеции». Союзники договорились, что до реализации этого условия они обратятся к Фредерику VI с предложением отказаться от Норвегии и вступить в союз с Россией и Швецией. В случае согласия Дании они со своей стороны обязались не прекращать войны до тех пор, пока Дании не будет гарантировано возмещение за Норвегию. Этот демарш предполагалось сделать лишь после завершения подготовки намеченных операций. В случае отказа Дания рассматривалась как враг обоих государств, и тогда предусматривалась возможность высадки союзных войск на о-в Зеландия или каких-либо других мероприятий по согласованию обеих сторон.

Русские войска к 1(13) мая 1812 г. должны были быть готовы к отправке в Швецию сразу же после того, как Карл Юхан сочтет это целесообразным. Россия обязалась выплачивать жалованье своим экспедиционным войскам, а шведское правительство обязалось со дня их высадки в Швеции обеспечивать «довольствием, фуражом и квартирами». К тому же шведы должны были предоставить России определенное число судов для перевозки русских войск. Для содействия объединенной экспедиции Россия обещала отправить в Швецию несколько военных

²⁴ В нашей стране этот договор впервые был опубликован лишь в 1962 г.— ВПР, т. VI, док. 130. До этого историки пользовались малодоступным изданием: British and Foreign State Papers. Vol. I (1812—1814), Pt I. London, 1841, p. 306—313.

судов, снабженных всем необходимым на четыре месяца. Если по истечении срока эти суда будут еще нужны, то в дальнейшем их станут снабжать шведы. Командовать объединенным корпусом должен был Карл Юхан. Он имел право отказаться от отправки шведских войск в северную Германию лишь в том случае, если русские войска будут выведены из-под его командования или отозваны.

Петербургский договор не ограничивался политическими и военными вопросами, он регулировал также русско-шведские торговые отношения. Во-первых, продлевался до 1815 г. срок действия русско-шведского торгового договора, заключенного 1 (13) марта 1801 г. Во-вторых, и это было очень важно для Швеции, страдавшей от нехватки хлеба, ей давалось право закупать ежегодно «во всех российских портах Финского залива и Балтийского моря 50 тыс. четвертей зерна и свободно перевозить в Швецию без уплаты каких бы то ни было налогов и пошлин».

*

Одновременно с переговорами в Петербурге проходили переговоры в Стокгольме. Шведы первоначально предполагали заключить договор в Стокгольме, и поэтому Лёвенгельм предложил Александру послать в шведскую столицу русского уполномоченного. Естественно, выбор пал на П. К. Сухтелена. Выходец из Голландии, генерал, участник русско-шведской войны 1808—1809 гг., он в декабре 1809 — сентябре 1810 г. находился в Стокгольме, выполняя фактически функции посланника. Сухтелен довольно хорошо знал положение дел в Швеции, рекомендовал себя ловким дипломатом. К тому же он был военным, а это было крайне важно, так как предполагалось, что он «по совместительству» будет командовать русским корпусом в совместной русско-шведской экспедиции.

Сухтелену было поручено доставить Карлу XIII и Карлу Юхану письма русского царя. Шведскому королю Александр I писал: «Царствованию в в-ва выпало заложить основы прочного и постоянного союза между Швецией и Россией, который погасил навсегда семена раздоров, разделявших эти две страны». Русско-шведский союз должен стать противовесом Франции, готовой погло-

тить оставшуюся часть Европы²⁵. В письме шведскому наследному принцу царь подчеркивал, что союз между Россией и Швецией должен подать пример другим державам Европы. Александр льстил Карлу Юхану, призывая его пойти по стопам Густава II Адольфа. Основную цель будущей войны он видел в «возрождении либеральных идей в Европе» и призывал Карла Юхана содействовать этому своими советами и знаниями²⁶.

Конкретные задачи П. К. Сухтелену были изложены в инструкции Александра от 25 февраля (8 марта). Ему поручалось «без промедления» подготовить со шведами проект соглашения. Основные принципы были те же, что и в предложенных Армфельтом основах договора: согласие России на немедленное присоединение Норвегии к Швеции; военный союз между Россией и Швецией, направленный против Наполеона; участие России в совместной экспедиции либо в Норвегию, либо в Данию с последующей высадкой в северной Германии. И здесь русское правительство подчеркивало, что оно не склонно доводить дело до вооруженного конфликта с Данией. Надеясь оторвать Копенгаген от Наполеона, Александр предлагал шведскому правительству начать переговоры с Данией, послав в датскую столицу П. А. Николая²⁷.

8(20) марта П. К. Сухтелен приехал в Стокгольм. Его поразила общая атмосфера в Швеции, коренным образом изменившаяся после 1809—1810 гг. Русский дипломат был приятно удивлен дружеским приемом, который был ему оказан²⁸.

Это, конечно, не могло не сказаться на ходе переговоров Сухтелена с Карлом Юханом и Энгестрёмом. 17(29) марта шведский министр иностранных дел вручил представителю Александра проект русско-шведского договора о союзе, в основном содержащий те же условия, что и 12 пунктов русского проекта, с изменениями, о которых Энгестрём писал Лёвенгельму. Русский дипломат сделал к шведскому проекту дополнения, замеча-

²⁵ Александр I — Карлу XIII, 26 февраля (9 марта) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 6272, л. 5—6.

²⁶ Александр I — Карлу Юхану, 26 февраля (9 марта) 1812 г. — *Correspondance*, 1909, р. 3—4. (неправильно датировано 10 марта).

²⁷ ВПР, т. VI, док. 119.

²⁸ Сухтелен — Румянцеву, 8(20) марта, 9(21) марта 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, лл. 50 и об., 55 и об.

ния и исправления²⁹. Кроме того, об этом проекте Сухтелен беседовал с Карлом Юханом, после чего шведы представили второй проект³⁰. Характеризуя его, Сухтелен писал Румянцеву, что теперь между ним и Энгестрёмом остались лишь незначительные разногласия, главный предмет которых состоял в покрытии расходов на транспортировку русских войск в Швецию. Сухтелен считал, что Россия может уступить шведам и согласиться на шведские условия, но так, чтобы пришлось расплачиваться за транспортировку войск не деньгами, а зерном³¹. Со своей стороны Энгестрём тоже считал, что переговоры «почти закончены»³².

Сухтелен должен был послать договор на одобрение Александру, но обстоятельства сложились так, что на это уже не было времени. Подписание договора пришлось ускорить, поскольку Карл XIII, Карл Юхан и Энгестрём должны были через несколько дней отправиться в Эребру, где открывался чрезвычайный риксдаг³³. К тому же, на результаты переговоров повлияли два неприятных факта. Во-первых, в Стокгольме узнали о заключении франко-австрийского и франко-прусского союзов³⁴. Во-вторых, и это было главным, Наполеон сделал Швеции неофициальное предложение вступить в союз с Францией против России. В награду Швеция должна была получить Финляндию³⁵. Карл Юхан не собирался идти навстречу Франции, но он ловко использовал эти предложения для давления на Сухтелена. В беседе с русским дипломатом он даже преувеличил обещания Наполеона Швеции, сказав, что французский император, кроме того, обещает часть Норвегии и значительные субсидии, хотя об этом

²⁹ Текст первого шведского проекта с замечаниями П. К. Сухтелена.— Там же, лл. 61—66; см. также: ВПР, т. VI, с. 733, прим. 339.

³⁰ Второй шведский проект.— АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, лл. 70—74.

³¹ Сухтелен — Румянцеву, № 6, 18(30) марта 1812 г.— Там же, л. 61.

³² Энгестрём — Лёвенгельму, 30 марта 1812 г.— SRA BPA.

³³ Сухтелен — Румянцеву, № 8, 19(31) марта 1812 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, л. 76.

³⁴ Сухтелен — Румянцеву, № 7, 8, 19(31) марта 1812 г.— Там же, лл. 75—76.

³⁵ Рогинский В. В. Наполеоновская Франция и Швеция...— В кн.: Французский ежегодник. 1975; *Tommila P.* Op. cit., p. 290—292; *Girard de l'Ain G.* Bernadotte. Chef de guerre et chef d'État. Paris, 1968, p. 398—399.

в неофициальных наполеоновских предложениях речи не было³⁶. Поэтому П. К. Сухтелен решил уступить шведам и согласиться на то, чтобы Россия оплатила часть расходов на экспедицию³⁷. 27 марта (8 апреля) Сухтелен отправил в Петербург окончательный проект договора³⁸, а на следующий день соглашение было подписано³⁹. Без предварительного одобрения Александра договор подписывался на условии *sub spe rati*.

Преамбула договора, содержащаяся лишь в окончательно подписанном тексте, во многом совпадала с преамбулой Петербургского договора. Ст. I конвенции предусматривала лишь ведение личной переписки между Александром I и Карлом XIII для обсуждения «убытков, ущерба, опасностей или внешних волнений», которые могли бы угрожать России и Швеции, и для «своевременного принятия мер, чтобы помешать им или исправлять их последствия»⁴⁰.

Ст. II содержала условие о согласии Александра I на присоединение Норвегии к Швеции и указывала, что «это присоединение будет рассматриваться как предварительное условие сотрудничества Швеции в войне на континенте».

При составлении ст. III, касавшейся положения русского вспомогательного корпуса, выявились разногласия. Так, согласно первому шведскому проекту, Александр I обязался предоставить 24 батальона пехоты (корпус в 20 тыс. человек, включая артиллерию и кавалерию). Сухтелен исправил эту цифру на 15 тыс. и добавил, что войска «будут содержаться в полном составе, насколько позволят удаленность, средства транспортировки, легкость сообщения и погода». Во втором шведском проекте речь шла также о 15 тыс., но указывалось, что в эту цифру не включается артиллерия и кавалерия. В таком виде статья вошла в окончательный текст конвенции. Ст. IV подверглась значительным исправлениям. В пер-

³⁶ Сухтелен — Александру I, 18(30) марта 1812 г.— Сб. РИО, т. 21, с. 432—434.

³⁷ Сухтелен — Румянцеву, № 8, 19(31) марта 1812 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, л. 76 и об.

³⁸ Там же, лл. 96—102 об.

³⁹ Подписанный текст договора.— Там же, лл. 112—124.

⁴⁰ Эта статья заимствована из Гатчинского договора от 18(29) октября 1799 г.

вом шведском проекте предлагалось, чтобы русские войска целиком находились в распоряжении Швеции для использования либо прямо в Норвегии, чтобы осуществить унию, либо для высадки на о-в Зеландия и поставлены под командование Карла Юхана. Сухтелен основательно переработал статью. Он исключил упоминание о конкретных местах операций и добавил, что управляться русский корпус будет по русским военным уставам в вопросах дисциплины, несения службы и внутреннего хозяйства. В этой редакции статья вошла в окончательный текст.

Условия транспортировки войск, как уже отмечалось, стали предметом дискуссии между Сухтеленом и шведами. Сначала шведы предлагали, чтобы «Александр I незамедлительно отдал приказ генерал-губернатору Финляндии сосредоточить войска, находящиеся в его распоряжении, в различных пунктах, где может происходить посадка на суда, как только позволит погода» (ст. V). Сухтелен со своей стороны выдвинул предложение, чтобы Россия предоставила суда лишь для 10 батальонов, а Швеция перевезла оставшуюся часть войск. Шведы с этой оговоркой согласились, но тут же внесли добавление, что расходы на перевозку должна взять на себя Россия. Окончательный текст предусматривал, что Россия может возместить Швеции эти расходы либо деньгами, либо зерном. Последнее было внесено по настоянию Сухтелена.

Ст. VI устанавливала сроки сосредоточения войск: русские войска перебрасывались в Сконе к 15 или 25 июня, шведы собирали к тому же времени на своих южных берегах армию в 30—35 тыс. человек, которая «в первых числах июля сможет действовать совместно с русскими войсками либо против Зеландии, либо против Норвегии» (в первом шведском проекте говорилось только о Зеландии). Ст. VII предусматривала, что русские войска, находящиеся под командованием Карла Юхана, будут поставлены в равные условия со шведами. Ст. VIII определяла порядок командования смешанными соединениями: командование поручалось тому, у кого будет больше воинских сил в данном соединении. Ст. IX устанавливала порядок содержания русских войск — они оплачивались и снабжались фуражом и продовольствием из России; в случае необходимости провиант поставлялся Швецией с последующим возмещением.

Вопросы русско-шведской политики в отношении Дании рассматривались в ст. X. Первоначально для мирного решения вопроса шведы предлагали послать в Копенгаген доверенное лицо, которое убедило бы Фредерика VI «добровольно уступить Норвегию и присоединиться к Северному союзу, предложив ему компенсации на берегах Эльбы, взятые от герцогства Ольденбургского и на побережье между Эльбой и океаном в направлении Голландии». Сухтелен предложил вместо указания на конкретные компенсации включить более общее условие, что Россия и Швеция не закончат войну против Франции, не обеспечив увеличения датской территории «на берегах океана, которая по своим доходам, населению и легкости в управлении и сохранении этого приобретения с лихвой возместит то, что она (Дания.— В. Р.) уступит королю Швеции». Далее Сухтелен, учитывая шведские настроения, согласился с тем, что «предложения принять активное участие в системе, принятой двумя другими державами, были бы сделаны лишь тогда, когда все будет готово для настоящих действий против Зеландии», т. е. русско-шведские войска будут готовы высадиться на о-ве Зеландия, английский флот окружит этот остров и датский король будет поставлен перед выбором — либо война, либо добровольная уступка Норвегии шведам. Во втором шведском проекте последняя формулировка Сухтелена была лишь значительно сокращена и в таком виде вошла в текст конвенции. Ст. XI предусматривала, что в случае отказа Фредерик VI будет рассматриваться как «общий враг» обоих государств.

Согласно ст. XII Швеция давала обязательство после присоединения Норвегии «содействовать всеми возможными способами успеху войны, которая разразится против России», «высадкой в том пункте, который будет подходить по обстоятельствам», причем шведская армия должна быть усилена двумя дивизиями русских войск. В первоначальный проект шведы хотели вставить условие, что «Швеция будет действовать наступательно ввне совместно с русскими войсками лишь после того, как присоединение Норвегии к Швеции будет реально осуществлено». Однако во втором шведском проекте это условие было опущено.

По ст. XIII Швеция обязалась после присоединения Норвегии «немедленно перебросить свою армию в Герма-

нию согласно плану кампании, который будет для этого составлен». Шведы выговаривали себе право прекратить сотрудничество, как только русские войска будут отозваны или выведены из-под командования Карла Юхана, разве что, как было добавлено Сухтеленом, «это не будет сделано по взаимному соглашению обеих сторон». Как видно из первого шведского проекта, шведы хотели в случае необходимости для ускорения операций против Норвегии получить некоторую часть вспомогательных русских войск, расположенных в северной Финляндии, включив их в число указанных 24 батальонов. Сухтелен возразил против этого, поскольку единственный батальон, находившийся в Торнео (северная Финляндия), только что был переброшен на побережье и, кроме того, это условие нужно было предварительно оговорить с Александром.

О шведском посредничестве в переговорах между Россией и Турцией говорилось в ст. XIV: шведское правительство должно было послать своему поверенному в делах в Константинополе соответствующие указания. «Обе стороны, — говорилось в статье, — будут работать совместно над тем, чтобы Порта, заключив мир с Россией, присоединилась к оборонительному и наступательному союзу между Швецией и Россией».

Ст. XV предусматривала приглашение Англии к русско-шведскому союзу, причем подчеркивалось, что английские военно-морские силы могут содействовать главным образом успешному завершению операции как на о-ве Зеландия, так и на берегах Германии.

По ст. XVI после начала военных действий Россия и Швеция обязались не складывать оружия и не вступать в соглашение с французским правительством «иначе как по взаимному согласию». Кроме того, в первоначальном проекте предлагалось, что основой заключенного союза должен служить Гатчинский договор 1799 г., но уже во втором шведском проекте это было снято.

К договору была приложена дополнительная и секретная статья, согласно которой Александр обязался не складывать оружия до тех пор, пока не будет завершено присоединение Норвегии к Швеции. Кроме того, обе стороны условились придать заключенному договору характер семейного пакта и, «в случае если какая-нибудь держава захочет нарушить безопасность и спокойствие России и

Швеции, обязались взаимно оказать друг другу помощь для предупреждения или пресечения враждебных проектов, которая будет необходима и которая не превысит 12—14 тыс. человек». Относительно заключения этой статьи известно следующее. 27 марта (8 апреля) Карл Юхан и Энгестрём предложили проект этой статьи Сухтелену. Русский дипломат колебался, но согласился, чтобы эта статья «была дополнительной, потому что, во всяком случае, таким образом она не помешала бы ратификации самой конвенции». Вечером в тот же день, на приеме у королевы, Карл Юхан спросил Сухтелена его мнение относительно этой статьи. Генерал ответил, что подпишет статью в надежде, что Александр утвердит ее⁴¹.

*

Таким образом, в начале апреля 1812 г. в Петербурге и Стокгольме оказались подписанными два варианта русско-шведского союзного договора, которые в основных положениях совпадали (согласие России на присоединение Норвегии к Швеции и военная помощь в этом; организация совместной русско-шведской экспедиции в северную Германию, в тыл наполеоновских войск; привлечение Англии к русско-шведскому союзу и др.). Однако в целом по своему содержанию Петербургский договор был более широким. Кроме того, он был более выгодным для России⁴², так как Лёвенгельм под давлением русского правительства был вынужден пойти на уступки в некоторых вопросах. Он сам сообщал в Стокгольм о менее выгодных для Швеции, с его точки зрения, положениях договора: во-первых, Швеция брала на себя содержание русских корпусов во время их пребывания в Швеции; во-вторых, шведы должны были предоставить недостающие суда для перевозки этих войск в Швецию;

⁴¹ Сухтелен — Александру I, 29 марта (10 апреля) 1812 г. — Сб. РИО, т. 21, с. 441—443. Поскольку стокгольмское соглашение целиком осталось не ратифицированным, то и отдельная статья не вошла в силу. Впоследствии эта статья частично вошла в русско-шведскую конвенцию, заключенную 18(30) августа 1812 г. в Або. — ВПР, т. VI, док. 230; см. гл. V.

⁴² Утверждение дореволюционного русского историка С. А. Корфа (Отечественная война 1812 года и русское общество, т. II. М., 1911, с. 86) об обратном основано, видимо, на неточном знании текстов договоров.

в-третьих, не был уточнен срок объединения русских войск со шведскими; в-четвертых, самым существенным К. Лёвенгельм считал, что он «не сумел добиться четкой формулировки относительно помощи русских войск *непосредственно*» (курсив К. Лёвенгельма.— В. Р.) против Норвегии»⁴³. Не случайно Александр I предложил ратифицировать именно Петербургский договор, по его словам, как «более соответствующий современному положению дел»⁴⁴.

Русско-шведский договор был важен для обоих государств. Для России сближение со Швецией имело значение в нескольких аспектах. Прежде всего, с точки зрения ожидавшегося наполеоновского вторжения, так как сильная антирусская коалиция уже была сколочена. 24 февраля 1812 г. были заключены франко-пруссский союзный договор и военная конвенция. 14 марта в Париже был подписан союзный договор между Францией и Австрией, согласно которому оба государства должны были принять участие в походе на Россию⁴⁵. В марте 1812 г. Дания заключила военную конвенцию с Францией, по которой она, хотя и не принимала участие в антирусском нашествии, обязывалась защищать от возможной высадки побережье Северного и Балтийского морей от Одера до Зюйдер-зее⁴⁶, т. е. как раз в том районе, где могла произойти высадка русско-шведских войск.

На этом фоне договор со Швецией был важной победой русской дипломатии. Договор не только выводил Швецию из состава возможных противников России, но и устанавливал союзнические отношения между обеими странами. Русско-шведский союз явился первым камнем в фундаменте новой антинаполеоновской коалиции, к которой лишь впоследствии присоединилась Англия, а после поражения Наполеона в России — Пруссия и Австрия. Сколь важен для России был этот союз, показывает тот факт, что одним из условий мирного урегулирования надвигавшегося конфликта с Францией русское правитель-

ство выдвинуло эвакуацию французских войск из шведской Померании и заключение приемлемого для Швеции франко-шведского соглашения⁴⁷. Фактически это означало бы освобождение Швеции от бремени континентальной блокады.

Для Швеции союз с Россией, несомненно, был также важен и выгоден. Интересна в этом плане характеристика Петербургского договора, которую дал шведский поверенный в делах Шенбум, написав, что «после Оливского и Роскильского договоров 1660 г. (давших Швеции максимум территориальных приобретений.— В. Р.) договор с Россией явился первым, предоставившим Швеции наибольшие выгоды даже до того, как компенсация, которую он предоставляет, осуществится... В анналах шведской истории договор составит блестящую эпоху»⁴⁸.

Ратифицировав Петербургский договор, шведское правительство все же не было вполне удовлетворено его условиями. В обеих странах началась практическая подготовка к планируемой экспедиции, которая требовала значительных материальных затрат. Финансовые возможности Швеции были скудными, Россия напряженно готовилась к войне и не была расположена оказать в тот момент Швеции материальную помощь. Попытка шведов получить у России заем потерпела неудачу. Русское правительство соглашалось лишь продать Швеции зерно в кредит при условии, что Англия оплатит эту покупку⁴⁹. Таким образом, все более настоятельной становилась необходимость в финансовой поддержке со стороны традиционного банкира всех антифранцузских коалиций. Именно эти вопросы встали в первую очередь на начавшихся в апреле 1812 г. англо-шведско-русских переговорах, проходивших в Стокгольме и Эребру (см. гл. IV настоящей работы).

Однако, когда речь была не о прямых финансовых затратах, русское правительство охотно шло навстречу

⁴³ Лёвенгельм — Энгестрёму, № 14, 24 марта (5 апреля) 1812 г.— SRA Muscovitica SBP.

⁴⁴ Александр I — Карлу Юхану, 9(21) апреля 1812 г.— Correspondance, 1909, p. 6.

⁴⁵ Сироткин В. Г. Указ. соч., с. 183—188.

⁴⁶ Danske Traktater efter 1800. Første Samling. Politiske Traktater, b. I. 1800—1863. København, 1877, s. 47—49.

⁴⁷ Румянцев — послу в Париже А. Б. Куракину, 27 марта (8 апреля) 1812 г.— ВПР, т. VI, док. 135; нота Куракина министру иностранных дел Франции Маре, 18(30) апреля 1812 г.— ВПР, т. VI, док. 155.

⁴⁸ Шенбум — Энгестрёму, 30 марта (11 апреля) 1812 г.— SRA Muscovitica SBP.

⁴⁹ Сухтелен — Румянцеву, № 15, 29 марта (10 апреля) 1812 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, л. 109 и об.; Румянцев — Сухтелену, 12(24) апреля 1812 г.— ВПР, т. VI, док. 148.

Швеции. 15(27) мая К. Лёвенгельм из Петербурга обратился с письмом прямо к Александру, ссылаясь на то, что не знает, где находился в тот момент Румянцев (ставка Александра переместилась тогда в Вильно). Это был, видимо, лишь предлог, поскольку шведский дипломат считал русского канцлера сторонником примирения с Францией и боялся, что он может помешать дальнейшему русско-шведскому сближению. Лёвенгельм предложил пересмотреть статьи союзного договора, в частности условия содержания русских войск в Швеции⁵⁰. Одновременно Лёвенгельм направил русскому правительству несколько нот с просьбой разрешить вывезти из России 2800 мешков зерна, закупленного шведским торговым домом Кремера для шведского правительства, и о разрешении закупить в России зерно (10 тыс. мешков), поскольку вывоз хлеба из России был тогда запрещен. Он просил также разрешения закупить в России 200 лошадей для королевской гвардии. В одной из нот содержалось предложение установить после начала военных действий между Россией и Швецией пакетботное сообщение через Либаву и Ригу для более быстрой связи между Александром и Карлом Юханом⁵¹. Русское правительство сочло нужным пойти навстречу шведам. Нападение Франции представлялось все более вероятным. Подтвердилось известие о франко-прусском союзе. Отношения с Турцией были не урегулированы. Но прежде всего на Александра действовали, без сомнения, сообщения П. К. Сухтелена о еще более соблазнительных предложениях Наполеона шведам⁵². Здесь следует вкратце остановиться на развитии шведско-французских отношений в этот период.

Как известно, французская дипломатия дважды в течение первой половины 1812 г. пыталась привлечь Швецию на свою сторону. Первая попытка была сделана в марте, когда из Парижа в Стокгольм был отправлен бывший консул Швеции Э. Синьоль, который вез неофициальную ноту с предложением союза. Швеции гарантирова-

лось возвращение Финляндии при условии, если шведы выступят против России силами в 30 тыс. человек. Никаких субсидий Швеции не предлагалось, Наполеон соглашался купить у шведского правительства на 20 млн. франков принадлежавшие тому колониальные товары в портах Данциг и Любек. Однако решительно отвергалась всякая мысль о присоединении Норвегии⁵³. Конечно, эти предложения не были приняты. В мае Синьоль вновь приехал в Швецию. На этот раз у него были лишь устные предложения, несравненно более выгодные⁵⁴. Швеции предлагалось: во-первых, возвращение Финляндии; во-вторых, передача Мекленбурга и шведской Померании, к которой присоединялся Штеттин с окружающей территорией и г. Вольгаст; в-третьих, единовременная субсидия в 6 млн. франков перед началом кампании и затем по одному миллиону в месяц. Помимо этого Карлу Юхану в личное пользование возвращались его прежние земельные владения на континенте, «причем не только пожизненно, но в полное обладание с правом продажи целиком или по частям»⁵⁵. И эта инициатива не встретила благожелательной реакции в Швеции — Карл Юхан тут же сообщил французские условия России и Англии⁵⁶.

Русское правительство согласилось удовлетворить просьбы Лёвенгельма, пригласив его прибыть в Вильно для заключения новой конвенции. Александр, писал канцлер, согласен предусмотреть в новой конвенции, что «в случае необходимости его войска могут быть полностью или частично использованы для действий непосредственно против Норвегии», но считает, что все-таки «начать следовало бы на Зеландии»⁵⁷.

Остальные шведские просьбы были также удовлетворены⁵⁸. В начале июня К. Лёвенгельм снова обратился

⁵⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 11019, лл. 45—49а; ВПР, т. VI, прим. 444; Лёвенгельм — Карлу XIII, № 30 и прил., Лёвенгельм — Карлу Юхану, 22 мая (3 июня) 1812 г. — SRA Muscovitica SBP.

⁵¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 11019, лл. 57—62.

⁵² Сухтелен — Румянцеву, № 40, 29 апреля (11 мая) 1812 г. — ВПР, т. VI, док. 159.

⁵³ *Höjer T. T. Carl XIV Johan. Kronprinstiden. Stockholm, 1943, s. 114—115.*

⁵⁴ Синьоль — Энгестрёму, 10 мая 1812 г. — KB. Brev till Lars von Engeström, 1812, N 219.

⁵⁵ Энгестрём — Лёвенгельму, 11 мая 1812 г. — SRA BPA; см. также: *Morén F. W. Kring 1812 års politik. Stockholm, 1927, s. 36—37.*

⁵⁶ Сухтелен — Румянцеву, 29 апреля (11 мая) 1812 г. — ВПР, т. VI, док. 159; Торнтон — Каслри, 15 мая 1812 г. — CHBFP, 1922, p. 595—596.

⁵⁷ Румянцев — Лёвенгельму, 15(27) мая 1812 г. — ВПР, т. VI, док. 163.

⁵⁸ Ноты Румянцева Лёвенгельму, 15(27) мая 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 11020, лл. 21—26 об.

к Н. П. Румянцеву за разрешением закупить и вывезти из России 18 тыс. мешков ячменя, 18 тыс. мешков овса, 10 тыс. мешков ржи, а также закупить в Петербурге 10 тыс. кулей ржаной муки для облегчения тяжелого продовольственного положения Швеции⁵⁹. Русское правительство согласилось удовлетворить и это. Более того, выяснив, что на казенных складах Петербурга имеется достаточное количество ржаной муки, Александр разрешил продать просимые 10 тыс. мешков ржи в рассрочку на год⁶⁰.

Дополнительная конвенция была подписана уже 3(15) июня. Ее ст. I в дополнение ст. VIII Петербургского договора предусматривала выступление части объединенной русско-шведской армии непосредственно против Норвегии в случае, если датский король, «чтобы избежать десанта на о-в Зеландия, согласится уступить Норвегию, но это королевство все же откажется подчиниться». В ст. II речь шла о новых условиях содержания русских войск. Александр был вынужден отказаться от условия, чтобы шведы обеспечивали довольством русские войска со дня высадки их в Швеции, как то было первоначально оговорено ст. X Петербургского трактата. Россия брала на себя снабжение этих войск в течение двух месяцев «после просьбы о помощи, если только эти войска не будут находиться на территории противника (в этом случае они будут снабжаться на месте)». Шведы должны были предоставить необходимые суда для перевозки русских войск, как то было обусловлено ст. X апрельского договора, но теперь Россия брала на себя связанные с этим расходы. Шведы должны были позаботиться лишь о том, чтобы они были «умеренными и соответствовали обычным ценам». России предоставлялся выбор — либо «оплачивать эти расходы деньгами, имеющими хождение в Швеции, или же зерном по ценам, которые будут существовать в это время в Стокгольме». Высказывалась также надежда, что если Россия получит эти суда от Англии, то ей не придется просить их у Швеции.

⁵⁹ Лёвенгельм — Румянцеву, 1(13) июня 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 11019, лл. 80—81.

⁶⁰ Румянцев — Лёвенгельму, 1(13) июня 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 11020, лл. 27—28. Эти акции русского правительства, естественно, вызвали благожелательную реакцию в Стокгольме. См.: Сухтелен — Румянцеву, № 60, 62, 13(25) июня 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, лл. 276, 280.

По ст. III Виленской конвенции продлевался до конца 1815 г. срок действия постановлений, регламентировавших русско-шведскую торговлю (договора 1801 г. и соответствующих статей Фридрихсгамского трактата)⁶¹.

Таким образом, союз России со Швецией, установленный Петербургским договором, получил дальнейшее развитие в июньской конвенции — как раз накануне наполеоновского нашествия. Однако, несмотря на то что практическая подготовка к планируемой экспедиции была начата, реализация ее все время откладывалась. У обоих государств, как оказалось, не хватало для этого сил, и отчасти поэтому русско-шведская дипломатия настойчиво стремилась привлечь к союзу Англию.

⁶¹ ВПР, т. VI, док. 171.

Англо-руско-шведские переговоры весной и летом 1812 г.

Вопрос о заключении мира и установлении союзнических отношений с Великобританией практически встал перед Россией и Швецией, когда в первые месяцы 1812 г. ясно обозначилась перспектива предстоящего столкновения с Наполеоном. Ведь оба государства, первое с 1808 г., второе с 1810 г., не только примыкали к континентальной системе Наполеона, но и формально находились в состоянии войны с Англией. Восстановление столь важных для экономики этих стран торговых отношений с Великобританией, примирение и союз с заклятым врагом Франции, наконец, получение традиционной британской финансовой и военно-морской помощи в новой войне с Наполеоном — такой представляется в общих чертах русско-шведская программа в отношении Великобритании.

Сюда добавились шведские требования в отношении Норвегии. Эти вопросы и стали предметом переговоров между представителями России, Швеции и Англии, начавшихся в апреле 1812 г. в Швеции.

Прежде чем подробно рассматривать ход этих переговоров, остановимся на состоянии русско-английских и шведско-английских отношений к началу 1812 г. Советский историк В. Г. Сироткин справедливо отмечал, что «история англо-русских отношений 1808—1812 гг. — отдельная малоизученная глава международных отношений»¹.

Недостаточное освещение столь важной темы в первую очередь объясняется тем, что до 1812 г. контакты между Петербургом и Лондоном были тайными и кос-

¹ Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801—1812 гг. М., 1966, с. 191.

венными². Сведения о них не так легко выявить в источниках. Сейчас с определенностью можно сказать, что каналов, по которым шло англо-руское сближение в 1810—1811 гг., было несколько. Прежде всего через испанских дипломатов, представителей антинаполеоновского Кадисского регентства, — Зеа Бермудеса и Коломби. Переговоры с ними от имени Александра I вел, минуя министра иностранных дел Н. П. Румянцева, сенатор Р. А. Косшелов, особо доверенное лицо русского императора³. Важную роль сыграл в установлении тайных контактов между Россией и Англией бывший неаполитанский посланник в Петербурге герцог Серра-Каприола. О его посреднической деятельности нам известно из приложения к донесению К. Лёвенгельма в Стокгольм⁴. Неофициальные связи поддерживались также через проживавших в Лондоне бывшего русского посла С. Р. Воронцова и знаменитого корсиканца Поццо-ди-Борго⁵.

В результате косвенных контактов уже в 1811 г. английскому правительству стали известны некоторые русские требования: содействие в разрешении конфликта с Турцией и финансовая помощь. Однако каких-либо прямых контактов установлено не было.

Отношения между Англией и Швецией к началу 1812 г. зашли гораздо дальше. Несмотря на официальное присоединение Швеции к континентальной блокаде и англо-шведскую войну, торговля с англичанами с негласного

² Из дореволюционных работ об англо-русских связях перед Отечественной войной 1812 г. отдельные сведения содержатся только в официальном издании Ф. Мартенса «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами», т. XI (СПб., 1895). В советской историографии эти сюжеты затрагивались в следующих работах: Гуткина И. Г. Дипломатические отношения между Англией и Россией в 1810—1812 гг. — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 87. Серия гуманитарных наук, Саратов, 1943; Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962, с. 142—145 (раздел «Отношения России с Англией»); Сироткин В. Г. Указ. соч., с. 191—195; см. также работы Уэбстера, Шервига, Мурена, Хейера, П. Томмилы.

³ ВПР, т. V, док. 258, с. 537, 551, 646, прим. 332; т. VI, док. 63, 74, прим. 187, 217.

⁴ Приложение к донесению К. Лёвенгельма Карлу XIII, № 9 от 11(13) марта 1812 г. — «Résumé de la conduite tenue par le duc de Serra Capriola depuis l'année 1808 jusqu'à ce jour». — SRA Muscovitica SBP.

⁵ Сироткин В. Г. Указ. соч., с. 194—195.

одобрения правительств обоих государств продолжалась, а война фактически велась на бумаге. В Англии на правах частного лица оставался бывший шведский посланник Рехаусен, который выступал посредником между Лондоном и Стокгольмом. Конечно, избрание Бернадота престолонаследником Швеции не способствовало улучшению англо-шведских отношений, тем более что через несколько дней после его приезда в Стокгольм под нажимом Наполеона Швеция была вынуждена объявить Англии войну. Однако осторожная и гибкая политика нового кронпринца привела к тому, что подозрения англичан в отношении бывшего наполеоновского маршала несколько уменьшились. Уже осенью 1811 г. в Швецию тайно прибыл английский дипломат Торнтон для переговоров об англо-шведском мире и сближении. Неясность общего положения, нежелание Карла Юхана идти на риск явного разрыва с Францией до открытого конфликта между ней и Россией привели к прекращению переговоров⁶.

После вступления французов в шведскую Померанию, в конце января 1812 г., министр иностранных дел Швеции Л. Энгестрём отправил Рехаусену в Лондон инструкции, в которых говорилось о готовности шведов подписать мир и восстановить отношения с Англией. Одновременно выдвигалось требование, чтобы английское правительство согласилось на присоединение Норвегии к Швеции, а также предоставило субсидии и отправило на Балтику флот для защиты Швеции от возможного французского вторжения. Кроме того, шведы потребовали один из островов в Вест-Индии в качестве компенсации за потерю шведской Померании⁷. Последнее лишнее раз говорит о направленности интересов шведского торгового капитала, которые защищало правительство, пришедшее к власти в результате революции 1809—1810 гг.

⁶ Об англо-шведских переговорах осенью 1811 г. см.: *Scaevola (Strömbeck P.)*. Utländska diplomaters minnen från svenska hofvet. Stockholm, 1885, s. 161—218; CHBFP, 1922, p. 382—383, 589—590; *Tommila P.* La Finlande dans la politique européenne en 1809—1815. Helsinki, 1962, p. 241—242.

⁷ Энгестрём — Рехаусену, 1 и 9 февраля, 21 марта 1812 г. — *Scaevola (Strömbeck P.)*. Op. cit., s. 222—223, 230—243; см. также: Николай — Румянцеву, № 124, 21 апреля (3 мая) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10822, л. 224 и об.

Следующим, уже открытым шагом к сближению с Англией было провозглашение в конце февраля 1812 г. нейтралитета Швеции в англо-французской войне. Возможность привлечения Англии к проектируемому русско-шведскому союзу обсуждалась неоднократно на двусторонних русско-шведских переговорах. В начале февраля Н. П. Румянцев предписал П. А. Николаю сообщить Карлу Юхану, что Александр не будет возражать «против союза (Швеции.—В. Р.) с Англией» и участия английских войск в совместной русско-шведской экспедиции на континент⁸. О необходимости привлечения Англии говорил и Карл Юхан, высказывавший надежду получить от англичан помощь если не войсками, то какую-либо другую⁹. В каждом из параллельно подготовленных в Петербурге и Стокгольме русско-шведских соглашений имела специальная статья, предусматривавшая приглашение Англии к русско-шведскому союзу в качестве полноправного участника и гаранта¹⁰.

Успешный ход русско-шведских переговоров придал шведской дипломатии смелость и в отношениях с Англией. Когда в апреле начались новые переговоры с Торнтоном, шведские условия были расширены требованием, чтобы англичане приняли постановления русско-шведского союза, т. е. согласились на присоединение Норвегии к Швеции до ее участия в войне против Франции. Более того, шведы теперь настаивали, чтобы английский флот оказал помощь в завоевании Норвегии и нападении на датский о-в Зеландию. Английское правительство должно было обязаться не складывать оружия до присоединения Норвегии. Шведы осмелели настолько, что даже предложили в качестве компенсации Дании ни больше ни меньше как наследственное владение английской короны в Германии — Ганновер, занятый Наполеоном еще в 1804 г. Предлагалось передать принадлежавший Британии вест-индский о-в Сент-Люсия в личную собственность швед-

⁸ Румянцев — Николай, 29 января (10 февраля) 1812 г. — ВПР, т. VI, док. 111.

⁹ Николай — Румянцеву, № 90, 14(26) февраля; № 111, 19(31) марта 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10822, лл. 135, 193—194.

¹⁰ Отдельная секретная ст. I договора от 24 марта (5 апреля) 1812 г. — ВПР, т. VI, док. 130; ст. XV Стокгольмского соглашения от 27 марта (8 апреля) 1812 г. (см. гл. III настоящей работы).

ской королевской фамилии, а также вернуть шведскому государству принадлежавший ему другой вест-индский о-в Сеп-Бартельми. Однако главным образом выдвигалось требование субсидии в 1200 тыс. ф. ст.¹¹

Правительство Великобритании сразу же откликнулось на предложение возобновить переговоры. В инструкциях Торнтону в марте 1812 г. новый министр иностранных дел Каслри указал, что Англия готова заключить мир со Швецией и даже защищать ее своим флотом в случае нападения Наполеона. От обсуждения шведского условия о вест-индских островах английское правительство предпочитало пока воздержаться, в принципе не выдвигая никаких возражений. Однако в отношении главных шведских требований — гарантии присоединения Норвегии и финансовой и военной помощи англичан — Каслри пока не склонен был идти шведам навстречу. В субсидиях было прямо отказано со ссылкой на военные действия в Испании и Португалии. Англичане соглашались лишь прислать военное снаряжение. Торнтону предписывалось дать понять Швеции, что, пока она не находится в состоянии войны с Францией и Данией, Англия не может дать каких-либо обязательств насчет Норвегии¹².

Британское правительство решило также воспользоваться миссией Торнтон, чтобы установить прямые контакты с Россией. Торнтону поручалось познакомиться с Николаи и заявить, что английскому посланнику в Константинополе дано указание способствовать заключению русско-турецкого мира, т. е. англичане готовы выполнить одно из предложений Александра. Но этим все и ограничивалось. Английский дипломат должен был принять к сведению и сообщить в Лондон русские предложения¹³.

¹¹ Торнтон — Каслри, 9 и 16 апреля 1812 г. — CHBFP, 1922, p. 385, 595; *Morén F. W. Kring 1812 års politik*. Stockholm, 1927, s. 29—30; *Sherwig J. M. Guineas and Gunpowder. British Foreign Aid in the Wars with France 1793—1815*. New York, 1969, p. 275.

¹² Каслри — Торнтону, 13 марта 1812 г. — *Scaevola (Strömbeck P.)*. Op. cit., s. 265; CHBFP, 1922, p. 383—384, 590—591; *Morén F. W.* Op. cit., s. 26; *Weibull J. Carl Johan och Norge 1810—1814. Unionsplanerna och deras förverkligande*. Lund, 1957, s. 62; *Tommila P.* Op. cit., p. 289—290; см. также: Николаи — Румянцеву, № 124, 21 апреля (3 мая) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10822, л. 225 и об.

¹³ Каслри — Торнтону, 13 марта 1812 г. — ВПР, т. VI, прим. 388 (пер. с англ.); CHBFP, 1922, p. 591.

7 апреля 1812 г., через два дня после подписания Петербургского договора и за два дня до подписания Стокгольмского, Торнтон под фамилией Томсон приехал в шведскую столицу. На следующий день он встретился с Энгестрёмом, затем с Николаи, а 10 апреля в доме испанского дипломата Морено произошла его встреча с Сухтеленом¹⁴. Шведский министр иностранных дел сразу же информировал англичанина об изменениях в русско-шведских отношениях, о подготовленном соглашении, прочтя тексты двух статей о гарантии Россией присоединения Норвегии к Швеции, а также о приглашении Англии к союзу. Русским дипломатам, пока не имевшим каких-либо определенных указаний¹⁵, Торнтон лишь передал текст своей инструкции от 13 марта касательно английского содействия в русско-турецких переговорах.

В беседе Торнтон с Сухтеленом речь шла в основном о позиции Швеции и Карла Юхана, также о возможности восстановления русско-английских торговых отношений. Так начались англо-русско-шведские переговоры. Для Торнтон был полной неожиданностью русско-шведский союз, усиливший позиции обоих государств. Союз позволил Швеции предъявить претензии к Англии.

После этого встречи между русскими дипломатами и Торнтоном продолжались уже в Эребру, где открылся шведский риксдаг и куда переехал шведский двор. С Торнтоном вел переговоры П. А. Николаи, получивший инструкции, в которых, видимо, речь шла о русском государственном долге голландским банкирам¹⁶. Именно это ус-

¹⁴ О первых встречах Торнтон с представителями России и Швеции см.: Николаи — Румянцеву, № 112, 27 марта (8 апреля) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812, д. 10822, л. 195; Сухтелен — Румянцеву, № 12, 28 марта (9 апреля) 1812 г. — Там же, д. 10825, лл. 94, 104 и об.; 29 марта (10 апреля) 1812 г. — ВПР, т. VI, док. 138; Торнтон — Каслри, 16 апреля 1812 г. — CHBFP, 1922, p. 595.

¹⁵ В донесении Румянцеву № 11 от 20 марта (1 апреля) 1812 г. Сухтелен сообщал о скором приезде Торнтон, о предложении Энгестрёма устроить тайную встречу с англичанином и запрашивал инструкции на этот счет: АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, л. 89 и об.

¹⁶ Тексты этих инструкций — от 25 марта (6 апреля) и 31 марта (12 апреля) — в Архиве нами не обнаружены, но о их существовании известно из ответа Николаи № 120 от 11(23) апреля 1812 г.: АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10822, л. 217.

ловие, а также требование возвращения русских судов эскадры Д. Н. Сенявина, захваченных англичанами в 1808 г., были выдвинуты перед Торнтоном¹⁷, который заявил, что по поводу голландского долга не уполномочен вести переговоры¹⁸. Кстат, полномочий и инструкций было недостаточно ни у той, ни у другой стороны, и поэтому Торнтон и русские дипломаты снова обратились к своим правительствам с просьбой прислать таковые. Пока же Торнтон, не теряя времени, занялся подготовкой заключения мира с Россией и Швецией.

10 мая он представил П. К. Сухтелену английский проект англо-шведского мирного договора¹⁹ и шведский контрпроект²⁰. Английский проект предусматривал восстановление прежних дружественных связей между Швецией и Англией, заключение мира и союза (ст. I), восстановление торговли в том виде, в каком она была до 1791 г., и всех договоров и конвенций, заключенных до этого времени (ст. II). Предлагалось взаимно возместить потери за все суда, секвестрованные во время войны (ст. III). Если бы Франция или какая-либо другая держава объявила войну Швеции, то Англия должна была предпринять совместно с королем Швеции «меры для безопасности и независимости его владений» (ст. IV). Шведский контрпроект почти полностью повторял английский, была исключена лишь ст. III о возмещении потерь.

Одновременно Торнтон вместе с Сухтеленом составили проект русско-английского мирного договора²¹. Он предусматривал мир и союз между Россией и Англией (ст. I и III), восстановление торговли на довоенных условиях (ст. II), заключение в будущем соглашения по политическим и торговым вопросам (ст. IV). Сообщая об этом в Россию, П. К. Сухтелен высказывал мысль, что подписание мирного договора между Швецией и Англией не встретит каких-либо трудностей. Он также сообщал о

начале переговоров относительно другого договора, предусматривавшего согласие Англии на присоединение Норвегии к Швеции и английские субсидии. Последние шведы хотели даже вставить в мирный договор, но Торнтон на это не согласился²².

Таким образом, выработка проектов договоров подвела итог первому этапу англо-русско-шведских переговоров, особенностью которого было то, что ни у английского, ни у русских представителей не было ни полномочий, ни инструкций для далеко идущих соглашений²³.

Депеши П. К. Сухтелена и П. А. Николаи о первых встречах с Торнтоном были получены в Петербурге в ночь с 1(13) на 2(14) апреля. Давно перед русским правительством встала задача выработки политической линии в отношении Англии — будущего союзника в случае наполеоновской агрессии. Еще в январе 1812 г. Г. М. Армфельт в записке о внешнеполитическом курсе России подчеркивал необходимость восстановления торговых связей с Англией. Кроме того, Армфельт предлагал добиться от англичан материальной помощи антинаполеоновским движениям в Европе и договориться с ними о совместных операциях²⁴. Председатель департамента государственной экономии Государственного совета Н. С. Мордвинов предлагал Александру в связи с предстоящей войной добиться у англичан займа²⁵.

В марте — апреле 1812 г. царское правительство предприняло меры, которые должны были способствовать улучшению русско-английских отношений. 14(28) марта 1812 г. Александр вернул на службу адмиралов и офицеров английского происхождения, отстраненных и со-

¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10822, лл. 217—218; см. также: № 122, 123 от 21 апреля (3 мая) 1812 г. — Там же, лл. 220—223.

¹⁸ Торнтон — Николаи, 3 мая 1812 г. — Там же, л. 248 и об. (копия англ. текста), л. 249 (фр. пер.).

¹⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, лл. 190—192 об.; см. также: ВПР, т. VI, прим. 426.

²⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, лл. 193—194 об.

²¹ Там же, л. 196 и об.

²² Сухтелен — Румянцеву, № 34, 28 апреля (10 мая) 1812 г. — ВПР, т. VI, док. 157.

²³ Торнтон жаловался русским дипломатам на ограниченность своих инструкций, хотя и высказывал сомнение в том, что его правительство пойдет на удовлетворение шведских и русских претензий: Сухтелен — Румянцеву, № 6, 18(30) апреля 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, л. 151 и об.

²⁴ Мемуар Г. М. Армфельта, 19(31) января 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 5241, лл. 6 об.—7.

²⁵ Мордвинов — Александру I, 15(27) марта 1812 г. — Архив графов Мордвиновых, т. IV. СПб., 1902, с. 135—139. О напряженном финансовом положении России см.: Блюх И. С. Финансы России XIX столетия, т. I. СПб., 1882; Бескровный Л. Г. Указ. соч., с. 248—251.

сланных в 1808 г.²⁶ 6(18) апреля морской министр Траверсе направил командирам портов указания не нападать на английские суда и не препятствовать их заходу в русские гавани²⁷. Позже, 1(13) мая, Траверсе предписал вице-адмиралу Д. Н. Сенявину, главному командиру Ревельского порта, принимать английские суда «наравне с купеческими судами прочих дружественных наций, пользующихся свободною торговлею»²⁸.

Однако, с другой стороны, восстановление англо-русской торговли и мир означали открытый разрыв Тильзитского союза с Францией, конец формального участия России в континентальной блокаде. Правда, союз этот в значительной степени уже стал фикцией, но первой Россия рвать его открыто не рисковала. В отношениях с Францией шла дипломатическая игра, имевшая, как нам кажется, целью оттянуть нападение Наполеона и подготовить наиболее благоприятные военные, политические и идеологические условия для будущей войны. В это время в правящих кругах России складываются три точки зрения на внешнеполитический курс страны. Канцлер Н. П. Румянцев считал, что нужно всеми средствами отсрочить войну с Наполеоном; в противоположность ему некоторые высокопоставленные лица (Ф. В. Ростопчин, сестра Александра I Екатерина Павловна и др.) полагали, что необходимо немедленно вступить в союз с Англией и начинать наступательную войну. Александр занимал «центристскую» позицию. Он не был чужд мысли об оттягивании войны, но, видимо, не верил в эту возможность и полагал, что столкновения с Наполеоном в ближайшем будущем избежать им не удастся. Он был против наступательной войны и, пока возможно, предпочитал выжидать первого удара Наполеона. На внешнеполитический курс России влияли в какой-то степени все эти три точки зрения²⁹.

Русское правительство понимало необходимость переговоров с Торнтоном. С 5(17) по 12(24) апреля 1812 г. Александр I, который уехал 9(21) апреля в Вильно, и Н. П. Румянцев были заняты составлением инструк-

ций русским дипломатам в Швеции. Прежде всего было одобрено установление контактов с Торнтоном и поручалось продолжать их и далее³⁰. Из инструкций за подписью Н. П. Румянцева, датированных 12(24) апреля, привлекает наибольшее внимание та, где изложены русские предложения к Англии, составленные на основе собственноручной записки Александра I. Англии следовало предложить содействовать антинаполеоновским движениям на Балканах, на Пиренейском полуострове, в Италии, блокировать о-в Корфу в Адриатике, устье Шельды и пролив Тексел, а также, что для нас представляет особый интерес, «поддержать Швецию в экспедиции на Зеландию и в датские владения»³¹. Кроме того, русское правительство предлагало англичанам оплатить зерно, которое шведы предполагали закупить в России³². Сухтелен должен был также передать Торнтону просьбу увеличить английские военно-морские силы на Балтике³³. Для непосредственных переговоров русское правительство просило прислать в Петербург видного английского государственного деятеля, сторонника сближения с Россией маркиза Уэлсли³⁴.

³⁰ Румянцев — Николай, 12(24) апреля 1812 г. — ВПР, т. VI, док. 152; Румянцев — Сухтелену, 12(24) апреля 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10827, л. 43 (ВПР, т. VI, прим. 417).

³¹ Румянцев — Сухтелену, 12(24) апреля 1812 г. — ВПР, т. VI, док. 150; (Александр I) «Note sur la communication à faire à l'Angleterre». См.: Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование, т. 3, изд. 2. СПб., 1905, с. 497—498. В письме к Карлу Юхану от 9(21) апреля Александр сообщил о своих балканских планах организации широкого антинаполеоновского движения и добавлял: «...Имеется настоятельная необходимость в том, чтобы Англия поддержала нас на Балтике своей военно-морской мощью и взяла на обеспечение германские батальоны, которые смогут образоваться...»: *Correspondance inédite de l'Empereur Alexandre et de Bernadotte pendant l'année 1812* (далее — *Correspondance*, 1909). Paris, 1909, p. 7. Подробнее о балканских планах Александра см.: Попов А. Н. Славянская заря в 1812 году. — «Русская старина», 1892, декабрь; Казаков Н. И. Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 году. — В кн.: 1812 год. К столетию Отечественной войны. М., 1962, с. 47—63; Достян И. И. Россия и балканский вопрос. М., 1972, с. 75—79.

³² ВПР, т. VI, док. 148. Инструкция П. К. Сухтелену.

³³ Румянцев — Сухтелену, 12(24) апреля 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10827, лл. 37—38.

³⁴ Румянцев — Николай, 12(24) апреля 1812 г. — ВПР, т. VI, док. 151.

²⁶ Каллистов Н. Д. Русский флот и Двенадцатый год. СПб., 1912, с. 36—39.

²⁷ Там же, с. 50—51.

²⁸ Там же, с. 51.

²⁹ См.: ВПР, т. VI, прим. 438.

При более внимательном изучении этих инструкций можно заметить, что в них обходились главные вопросы: как, в какой форме должно произойти русско-английское сближение. Ничего не говорилось о заключении мира между Россией и Англией и о финансовой помощи Англии России и Швеции, в частности об уже упоминавшемся голландском долге, а также о посредничестве английской дипломатии в русско-турецких переговорах. Поскольку окончательная цель начавшихся в Швеции переговоров с Англией была не ясна русскому правительству, видимо, оно рассматривало их в качестве предварительных³⁵.

Как же реагировало английское правительство на сообщения Торнтона о заключении русско-шведского союза и о шведских и русских предложениях? Каслри одобрил русско-шведский договор и высказал удовлетворение позицией Александра I, однако он возражал против одновременного подписания мира и союза с Россией. Было отклонено и шведское требование субсидий. Не хотела Англия связывать себя также согласием на присоединение Норвегии к Швеции. Отвергалось возмещение Англией голландского долга. Каслри подчеркивал необходимость заключения прежде всего мирных договоров с Россией и Швецией, а затем уже переговоров о совместном «концерте» между ними и Англией³⁶. Позднее Каслри одобрил проекты договоров, присланные Торнтоном, и в Швецию были отправлены соответствующие полномочия³⁷.

Таким образом, русское правительство стремилось при помощи союза с Англией улучшить свое финансовое положение и получить поддержку для реализации широкой антинаполеоновской программы, прежде всего для организации совместной русско-шведской экспедиции в северную Германию и осуществления балканских планов. Англий-

³⁵ В одной из инструкций Н. П. Румянцева П. К. Сухтелену от 12(24) апреля 1812 г. напоминалось, что перед отъездом с ним обсуждалось состояние русско-английских отношений (АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10827, л. 36 и об.). Видимо, Сухтелен был посвящен в тайные контакты с Англией.

³⁶ Каслри — Торнтону, 7 и 8 мая 1812 г. — СНВФР, 1922, р. 592—593; Webster C. K. The Foreign Policy of Castlereagh 1812—1815. London, 1931, p. 95; Sherwig J. Op. cit., p. 276.

³⁷ Каслри — Торнтону, 22 мая 1812 г. — СНВФР, 1922, р. 593; АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, л. 247 и об. (копия).

ское правительство в то же время очень осторожно относилось к идее союза, стараясь в первую очередь восстановить мир и торговые отношения с Россией и Швецией.

Напряжение, господствовавшее в Европе в 1812 г., достигло в мае — июне апогея. Наблюдалась нервозность и в отношениях между Россией и Швецией, которые уже заключили тайный антинаполеоновский союз, но не выполняли его условий. С одной стороны, конвенция, подписанная в Вильно 3(15) июня, служила укреплению этого союза, поскольку русское правительство пошло в ней на уступки шведам. С другой стороны, все же сохранялось определенное недоверие между союзниками, что мешало выработке общей линии в отношениях с Англией. В Швеции были обеспокоены состоянием русско-французских отношений: будет или не будет война с Наполеоном, не пойдет ли Александр в последний момент на компромисс с Францией, и тогда рухнут норвежские планы Швеции и, возможно, на карту будет поставлено ее существование³⁸. Миссия адъютанта Наполеона Л. Нарбона в ставку русского императора и одновременное затягивание переговоров с Англией не могли не питать подобных опасений. Вдобавок серьезный недостаток средств привел к тому, что совместная экспедиция, а следовательно, и присоединение Норвегии к Швеции, т. е. осуществление главной цели шведской внешней политики в тот период, откладывались. Уже с начала мая шведское правительство начало соразмерно со своими возможностями давить на Александра, чтобы ускорить урегулирование русско-английских и шведско-английских отношений. Это раскрыло бы карты и прояснило положение, поскольку русско-английский мир автоматически означал войну России с Наполеоном. Через К. Лёвенгельма Энгстрём довел до сведения Александра жалобы Торнтонна на то, что у русских представителей в Швеции нет к Англии никаких позитивных предложений за исключением голландского долга, взять который на себя Англия вряд ли согласится³⁹. Затем и в письме самого Карла Юхана к Александру, и через П. К. Сухтелена русскому прави-

³⁸ Эти опасения высказал Торнтону Карл Юхан; см: Торнтон — Каслри, 6 июня 1812 г. — СНВФР, 1922, р. 598.

³⁹ Энгстрём — Лёвенгельму, 1 мая 1812 г. — SRA BPA; Лёвенгельм — Александру I, 5(17) мая 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 11019, л. 49.

тельству давалось понять, что без финансовой помощи Англии о совместной экспедиции нечего и думать, а получить эту помощь можно будет только после заключения русско-английского и шведско-английского мирных договоров⁴⁰.

Положение русских представителей в Швеции, находившихся под объединенным натиском шведов и Торнтонна и не имевших ясных указаний, как им действовать, еще более осложнилось, когда 3 июня английский дипломат сообщил, что им получены полномочия для подписания мирного договора, и официально передал инструкции Каслри на этот счет⁴¹. Не имевший подобных указаний Сухтелен просил подождать⁴². К тому же за несколько дней до этого, 1 июня, он получил официальное приглашение вновь приехать в Эребру для участия в совместных тройственных переговорах⁴³.

Однако прошло еще две недели, прежде чем Сухтелен появился в Эребру. Это произошло 2(14) июня, а на следующий день он получил новые инструкции из Вильно, где находились Александр I и Н. П. Румянцев. 16(28) мая туда были доставлены проекты русско-английского и шведско-английского мирных договоров, о которых говорилось выше⁴⁴.

⁴⁰ Карл Юхан — Александру I, 26 мая 1812 г. — Correspondance, 1909, р. 14; Юлленшёльд — Сухтелену, 23 мая 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, лл. 231—232 (К. Юлленшёльд, один из ближайших сотрудников Карла Юхана, его адъютант, в мае — июне 1812 г. вел переговоры с Сухтеленом об организации экспедиции); Сухтелен — Румянцеву, 14(26) мая 1812 г. — Там же, л. 229.

⁴¹ Торнтон — Сухтелену, 3 июня 1812 г. — ОР ГПБ, ф. П. К. Сухтелена (993). Собрание; АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, л. 246; см. также: Мартенс Ф. Указ. соч., т. XI, с. 161; Торнтон — Николаю, 3 июня 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10822, л. 277 и об.

⁴² Сухтелен — Торнтону, 4 июня 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, л. 248; Сухтелен — Румянцеву, 25 мая (6 июня) 1812 г. — Там же, л. 249 и об. Сообщая К. Лёвенгельму о том, что Торнтон получил полномочия заключить мир с Россией и Швецией, Энгестрём подчеркивал, что «этот мир зависит единственно от российского двора, который медлительностью, проявленной в этих переговорах, задерживает альянс, который должен объединить державы севера». — SRA BPA.

⁴³ Юлленшёльд — Сухтелену, 1 июня 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, л. 256.

⁴⁴ Румянцев — Сухтелену, 24 мая (5 июня) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., л. 10827, л. 74.

Нельзя сказать, что это вызвало большую радость при царском дворе. Опасаясь, как бы Сухтелен не повторил апрельский опыт с подписанием русско-шведского соглашения без предварительного согласования с Петербургом, Н. П. Румянцев направил ему послание, запрещающее «когда бы то ни было составлять, а тем более подписывать, хотя бы и с оговоркой *sub spe rati*, какие бы то ни было акты, с которыми он (Александр I. — В. Р.) не был предварительно ознакомлен»⁴⁵. Это ясно говорит о том, что русское правительство было недовольно позицией англичан, прежде всего их стремлением сначала заключить мир, а затем вести речь об условиях союза. Этим ставилась под угрозу срыва вся внешнеполитическая доктрина войны против Франции с использованием широкого антинаполеоновского движения. Сухтелену было поручено также сообщить шведскому правительству, что царь поддерживает шведов в их стремлении подписать мирный договор с Англией только одновременно с другим соглашением, «обеспечивающим Швеции со стороны Великобритании все выгоды, которые она ждет от него». Более того, русский дипломат должен был заявить, что Александр I ставит ход англо-русских переговоров в зависимость от англо-шведского соглашения и «лишь тогда, когда Англия удовлетворит желания стокгольмского двора, подписав оба эти договора, Россия без промедления завершит свои собственные переговоры с Англией». Сухтелену предписывалось поддерживать с Торнтоном наилучшие отношения⁴⁶.

В еще более определенной и настоятельной форме русские условия были изложены в новой инструкции Н. П. Румянцева от 30 мая (11 июня)⁴⁷, составленной, видимо, после получения дополнительных известий из Швеции, подтверждавших сдержанную позицию англичан и их настойчивое желание заключить лишь мир. В инструкции было ясно подчеркнуто, что России нужен не только мир, но и нечто большее. Ведь сам факт заклю-

⁴⁵ Румянцев — Сухтелену, 20 мая (1 июня) 1812 г. — ВПР, т. VI, док. 167.

⁴⁶ Румянцев — Сухтелену, 20 мая (1 июня) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10827, л. 65 и об. Обе депеши от 20 мая (1 июня) были отправлены в Швецию 25 мая (6 июня) с курьером Пизани, прибывшим в Эребру 3(15) июня 1812 г.

⁴⁷ ВПР, т. VI, док. 169.

чения мирного договора с Англией мог стать предлогом для нападения Наполеона, а поэтому необходимы были союз с Англией, ее военная и финансовая помощь. Вновь подтверждались требования, чтобы Англия согласилась на присоединение Норвегии к Швеции и предоставила последней субсидии. В инструкции говорилось: Александр «подпишет мирный договор в тот день, когда Швеция подпишет свой, но при том, однако, обязательном условии, что мирный договор, который Англия заключит со Швецией, будет сопровождаться подписанием в тот же день договора, обеспечивающего е. шведскому в-ву средства для осуществления великого плана, послужившего основой для союза двух северных дворов», т. е. англичанам прямо предлагалось помочь в осуществлении совместной русско-шведской экспедиции, обговоренной Петербургским договором. Для себя Россия потребует лишь, чтобы Англия выплатила голландский долг.

Уже после подписания в Вильно русско-шведской конвенции, которая учитывала возможность оплаты англичанами фрахта транспортных судов для перевозки русских войск в Швецию, Н. П. Румянцев составил новую инструкцию Сухтелену. Она включала наконец полномочия заключить мирный договор с Англией на основе выработанного ранее проекта с некоторыми изменениями касательно условий восстановления англо-русской торговли, а также с обязательным добавлением статьи о голландском долге⁴⁸. 3(15) июня Александр сообщал Карлу Юхану, что выдвигает лишь одно условие: «Одновременно с русско-английским миром должен быть подписан акт, согласно которому Англия предоставляет субсидии Швеции»⁴⁹.

Некоторое изменение позиции русского правительства, по нашему мнению, было отчасти вызвано шведскими неофициальными демаршами, которые сделал приехавший в Вильно К. Лёвенгельм. В беседах с Александром и

⁴⁸ Румянцев — Сухтелену, 3(15) июня 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10827, лл. 91—92. Инструкция была отправлена за два дня до начала военных действий — 10(22) июня: ВПР, т. VI, док. 175. В проекте, присланном Сухтелену, предусматривалось восстановление торговли между Россией и Англией, «так как это было до войны», что повлекло бы за собой изменение тарифа 1811 г. Румянцев предлагал ограничиться указанием на восстановление торговли без каких-либо условий.

⁴⁹ Correspondance, 1909, p. 15.

Н. П. Румянцевым шведский дипломат настойчиво повторял, что необходимо заключить мир с Англией, что Швеция уже ясно высказалась по этому поводу, вероятно, имея в виду провозглашение шведского нейтралитета в феврале 1812 г.⁵⁰

Таким образом, в сложном положении, создавшемся в отношениях между Россией, Швецией и Англией, когда ни Россия, ни Англия не хотели сходить со своих позиций и уступить в главном, чтобы прийти к компромиссу, Швеция попыталась взять на себя посредническую роль, что справедливо было подмечено еще Карлом Марксом⁵¹. Нажим на русское правительство продолжался не только через К. Лёвенгельма. Так, во время беседы с русским курьером П. А. Пизани Карл Юхан настаивал на том, чтобы русским дипломатам поскорее были присланы полномочия для заключения мира с Англией⁵². Аналогичное требование прозвучало в его беседе с другим русским курьером А. А. Кенигсфельсом. Шведский наследный принц подчеркнул, что без заключения мира между Россией и Англией Швеция не сможет «действенно выступить в пользу общего дела»⁵³.

Неоднократно встречался Карл Юхан и с Торнтоном, который прямо просил его оказать давление на Россию, что Карл Юхан не преминул выполнить. Одновременно он пытался добиться от Англии желаемых субсидий, снизив, правда, их с 1,2 млн. до 1 млн. ф. ст. Шведы соглашались теперь подписать мирный договор с Англией без дополнительных условий. Карл Юхан заявил, что Швеция не будет вооружаться, если в дальнейшем, после заключения мира, ее требования не будут удовлетворены, однако налицо был отказ Швеции от общей линии в переговорах с Англией⁵⁴. Это поставило русских дипломатов в Швеции в довольно затруднительное положение, так как русская сторона постоянно настаивала на одно-

⁵⁰ Лёвенгельм — Карлу Юхану, 22 мая (3 июня); Лёвенгельм — Карлу XIII, № 31, 31 мая (12 июня); № 32, 2(14) июня 1812 г. — SRA Muscovitica SPA.

⁵¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 168.

⁵² Отчет П. А. Пизани. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10828, лл. 2—3.

⁵³ Отчет А. А. Кенигсфельса, июль 1812 г. — Там же, д. 10829, лл. 2—3.

⁵⁴ Торнтон — Каслри, 24 июня 1812 г. — СНВФР, 1922, p. 598—599; см. также: Sherwig J. Op. cit., p. 276.

временном подписании мирных договоров и соглашений об условиях военного союза.

Поэтому инструкции, направленные П. К. Сухтелену с 3(15) по 15(27) июня, ничего не могли изменить в переговорах с Англией и послужили дополнительным толчком к новым шведским демаршам. Получив изложенную выше инструкцию Румянцева от 30 мая (11 июня), Сухтелен вместе с Николаи возобновили переговоры с Торнтоном, но англичане вновь категорически отказались взять на себя голландский долг⁵⁵. Однако во время переговоров был согласован текст проекта русско-английского мирного договора, совпадавший в основном с майским проектом⁵⁶. Но главные вопросы — подписание мирного договора, т. е. юридическое прекращение состояния войны между Россией и Англией, а также судьба будущей антифранцузской тройственной коалиции между Англией, Россией и Швецией — оставались неясными, так как Россия продолжала настаивать на одновременном подписании мирных договоров и соглашений об условиях военного союза. Казалось, переговоры вновь зашли в тупик. Не случайно 24 июня Торнтон жаловался Каслри, что из-за позиции русского правительства подписание мира откладывается по меньшей мере на три недели. Опасения английского дипломата передались и Карлу Юхану, который как раз в эти дни обратился к Александру, прося дать прямые указания русским представителям в Швеции подписать мирный договор⁵⁷. В довольно резких выражениях была составлена и инструкция Энгестрёма К. Лёвенгельму от 27 июня. Шведский министр иностранных дел обвинял Н. П. Румянцева в задержке подписания соглашения⁵⁸.

Таким образом, мир между Англией, с одной стороны, и Россией и Швецией — с другой, перед наполеоновским

⁵⁵ Сухтелен и Николаи — Румянцеву, 15(27) июня 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, лл. 290—293; Торнтон — Каслри, 24 июня 1812 г. — СНВФР, 1922, р. 598; *Tomtila P.* Op. cit., p. 319.

⁵⁶ Текст нового проекта. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, лл. 294—295. Изменилась ст. II, по которой теперь предусматривалось восстановление дружеских и торговых отношений «на таком основании, как оные бывают между народами, наиболее друг другу благоприятствующими».

⁵⁷ Карл Юхан — Александру I, 27 июня, 6 июля 1812 г. — *Correspondance*, 1909, p. 17—18, 22.

⁵⁸ SRA BPA.

вторжением в Россию заключен не был и формально состояние войны продолжалось. Однако главной неудачей переговоров было то, что Россия и Швеция не смогли добиться согласия Англии на поставленные ими требования, прежде всего в финансовых вопросах. Шведской дипломатии не удалось привлечь англичан на свою сторону в норвежском вопросе. Это было не выгодно и России, так как существенно сдерживало активность Швеции. Датский поверенный в делах в Стокгольме Ф. В. Баудиссин, с тревогой воспринимавший доходящие до него сведения о тайных переговорах с Англией и шведских приготовлениях против Норвегии и Дании, уже 2 июля с некоторым облегчением сообщал в Копенгаген об уменьшении вероятности нападения на датские владения, не преуменьшая в целом опасность. Баудиссин был убежден, что, как только Англия пойдет навстречу всем требованиям Швеции, та объявит Дании войну. Но, добавлял он, «к счастью Дании инструкции Торнтон, видимо, не уполномочивают его заходить так далеко»⁵⁹.

Из-за нежелания Англии удовлетворить требования союзников к началу новой войны с Наполеоном антинаполеоновская коалиция оказалась фактически не оформленной. Почему же это произошло? Почему Англия, традиционный и непримиримый враг наполеоновской Франции, отказалась фактически принять участие в создании новой коалиции? Нам представляется, что уже в 1812 г. для английской дипломатии вырисовывалась вероятность разгрома Наполеона Россией и замены французской гегемонии в Европе русской, что никак не было выгодно английским правящим кругам. Помощь русско-шведскому союзу могла привести к организации антифранцузского восстания в северной Германии, где русское влияние значительно выросло бы, а этого Англия никак не хотела. Еще меньше на поддержку Англии мог рассчитывать Александр в своих балканских планах, так как именно здесь, на Востоке, англо-русские противоречия не только не затихали, но и обострялись.

Неудача весенне-летних переговоров в Швеции серьезно повлияла на дальнейший ход событий и отсрочила создание сильной антинаполеоновской коалиции. Анализ

⁵⁹ *Anker C. J., Wrangel F. U. Ur Danska Diplomaters meddelanden från Stockholm 1807—1813. Stockholm, 1897, s. 144—145.*

этих переговоров подтверждает вывод, сделанный советскими исследователями Л. А. Заком и И. Г. Гуткиной, о том, что Англия, стремясь уничтожить французскую гегемонию, не хотела усиления политической роли России в Европе⁶⁰.

Однако, несмотря на то что по главным вопросам договориться не удалось, в ряде частных, игравших не последнюю роль, было достигнуто взаимопонимание между Россией, Швецией и Англией еще до заключения мира. Во-первых, были установлены контакт и сотрудничество с английской военно-морской эскадрой адмирала Саумареца, направленной весной 1812 г. на Балтику⁶¹. Во-вторых, русское правительство, пойдя навстречу настоятельным просьбам Торнтон, разрешило ранее запрещенный вывоз хлеба в Англию из русских портов на Балтийском море. Исключение было сделано сначала для Швеции, затем для Англии⁶².

12(24) июня 1812 г. наполеоновские войска перешли Неман. Теперь Россия могла идти на заключение мира с Англией, так как опасения спровоцировать этим войну с Наполеоном, естественно, отпали. После получения последнего проекта русско-английского мирного договора Н. П. Румянцев не замедлил 21 июня (3 июля) отправить П. К. Сухтелену и П. А. Николаи указание подпи-

⁶⁰ Зак Л. А. Англия и германская проблема (из дипломатической истории наполеоновских войн). М., 1963, с. 160; Гуткина И. Г. Отклики в Англии на Отечественную войну 1812 года.— НИИ, 1962, № 5, с. 84.

⁶¹ Сухтелен — Румянцеву, № 27, 27 апреля (9 мая) 1812 г.; № 44, 12(24) мая 1812 г.; Саумарец — Торнтону, б/д.— АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, лл. 178 и об., 223, 232 и об., 224 и об.; Саумарец — Сухтелену, 3 июня 1812 г.— ОР ГПБ, ф. П. К. Сухтелена (993). Собрание.

⁶² 10(22) апреля 1812 г. решением Комитета министров был приостановлен вывоз хлеба из балтийских портов до 15(27) июня 1812 г. (ВПР, т. VI, с. 367). 22 мая (3 июня) постановление было продлено (там же, с. 419). Торнтон обратился по этому поводу к Сухтелену и Николаи, прося сделать для Англии исключение (Торнтон — Сухтелену, 28 мая 1812 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, лл. 238—239; Торнтон — Николаи, 28 мая 1812 г.— Там же, д. 10822, л. 271 и об.). Александр пошел навстречу, разрешив вывоз хлеба в Англию на нейтральных судах (Румянцев — Сухтелену, 2(14) июня 1812 г.— Там же, д. 10827, л. 88 и об.). 13(25) июня Сухтелен сообщил об этом Торнтону (Сухтелен — Румянцеву, № 65, 13(25) июня 1812 г.— Там же, д. 10825, л. 283 и об.).

сать такой договор. При этом обращает на себя внимание первая фраза инструкции, подчеркивавшая, что именно благодаря настояниям Швеции русское правительство идет на подписание мира с Англией: «Не имея ничего дороже, чем интересы Швеции». Александр I «с готовностью соглашается на *новую жертву* (курсив наш.— В. Р.), идя навстречу ее пожеланиям». И далее указывалось, что в новом проекте ничего не оговаривалось в пользу России⁶³.

2(14) июля 1812 г. инструкция была получена в Эребру, и тут же Сухтелен сообщил о ней Карлу Юхану, к великой радости последнего⁶⁴. Однако произошла еще одна задержка, теперь уже не по вине русской стороны — Торнтон на некоторое время уехал в Гётеборг. Только 6(18) июля Энгестрём смог официально пригласить русских дипломатов принять участие в церемонии подписания мирных договоров⁶⁵. Карл Юхан решил в своих интересах использовать согласие русского правительства и поэтому повел речь о том, «какой вред будет нанесен общему делу, если Швеция будет обескуражена в этот момент трудностями, которые ей причиняет недостаток денежных средств и неясность, в какой ее держит Англия на этот счет». Предстоящее подписание мирных договоров он представил как большую уступку со стороны Швеции. Чтобы подчеркнуть перед английским представителем единство действий России и Швеции, Карл Юхан предложил подписать мирный договор между Швецией и Англией в присутствии русских дипломатов. Кроме того, с целью ускорить присоединение Англии к русско-шведскому союзу и добиться ее согласия на субсидии до того, как «приглашение с нашей (России и Швеции.— В. Р.) стороны и присоединение Англии к нам будет оформлено обычным порядком», по предложению Карла Юхана Торнтону было передано официальное предложение русского и шведского правительств присоединиться к Петербургскому договору. Английский дипломат принял это заявление, обязавшись довести его до сведения своего правительства, что было закреплено официальным протоколом, подписанным с русской стороны

⁶³ ВПР, т. VI, док. 182.

⁶⁴ Сухтелен — Румянцеву, № 96, 2(19) июля 1812 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, лл. 355—356 об.

⁶⁵ Энгестрём — Сухтелену, 18 июля 1812 г.— Там же, л. 365.

Сухтелен и Николай, со шведской — Энгестрёмом, с английской — Торнтоном⁶⁶. Одновременно были подписаны мирные договоры: англо-русский, согласно проекту, составленному в конце июня 1812 г.⁶⁷, и англо-шведский, согласно шведскому контрпроекту, составленному еще в апреле 1812 г.⁶⁸

Таким образом, через 23 дня после начала новой русско-французской войны было прекращено состояние войны между державами — потенциальными участниками складывающейся антинаполеоновской коалиции. Открыто восстанавливались дипломатические и торговые отношения. В общей форме в обоих договорах провозглашался союз. После русско-шведских апрельского и июньского соглашений июльские договоры явились дальнейшим шагом на пути к созданию антинаполеоновской коалиции, окончательно оформившейся в сильный военный союз только в 1813 г., после присоединения Пруссии к Австрии.

Однако значение этих договоров преувеличивать не следует. На наш взгляд, русско-английский мирный договор можно даже в определенной степени расценивать как неудачу русской дипломатии, не сумевшей добиться от Англии более активного участия в войне 1812 г. Кроме того, на пассивность обрекалась и Швеция. Позиция Англии позволила ей уклониться от выполнения русско-шведских договоров и фактически сохранять нейтралитет в начавшейся войне.

В исторической литературе встречаются иногда ошибочные утверждения, что уже в Эребру Россия и Швеция по секретным статьям получили от Англии субсидии⁶⁹.

⁶⁶ Текст протокола заседания уполномоченных России, Англии и Швеции на русско-английских и шведско-английских переговорах от 6(18) июля 1812 г. см.: ВПР, т. VI, док. 200; о предшествовавших переговорах см.: Сухтелен и Николай — Румянцеву, 7(19) июля 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, лл. 363—364 об.

⁶⁷ См.: ВПР, т. VI, док. 199.

⁶⁸ British and Foreign State Papers, Vol. I (1812—1814), Pt I. London, 1841, p. 15—17.

⁶⁹ В упоминаемой статье И. Г. Гуткиной указывалось, что 6(18) июля был заключен тайный русско-шведский союз, по которому Англия обязалась субсидировать Россию и помочь оружием (Гуткина И. Г. Дипломатические отношения..., с. 62). В шведском издании середины прошлого века — мемуарах полковника Б. Шинкеля, собранных и обработанных К. Бергманом (Minnen ur Sveriges nyare historia, d. VI. Stockholm, 1855,

Поводом для подобной ошибки, видимо, послужил тот факт, что как раз в день подписания мирных договоров Каслри направил депешу Торнтону, в которой сообщал о согласии английского правительства выделить для покрытия расходов на вооружение, поставляемое в Швецию, 500 тыс. ф. ст.⁷⁰ Излишне напоминать, что в Лондоне, принимая это решение, не знали о событиях, происходивших в Эребру. Торнтон получил это сообщение только 28 июля, через десять дней после подписания мира. А 31 июля Каслри получил давно ожидаемый мирный договор⁷¹.

В плане русско-шведских отношений переговоры с Англией показали определенную прочность русско-шведского союза, проявившуюся в совместных акциях по отношению к Англии и в поддержке Россией шведских условий относительно Норвегии и субсидий. Переговоры вскрыли вместе с тем и слабость этого союза, источником которой было расхождение коренных целей России и Швеции в 1812 г. Первая стремилась сосредоточить все силы на борьбе с Наполеоном, вторая добивалась в первую очередь датской Норвегии. Этим и воспользовалась английская дипломатия, фактически сумевшая навязать обоим партнерам свои условия.

s. 207f), утверждалось, что по секретной статье мирного договора в Эребру Англия обещала Швеции 700 тыс. ф. ст. деньгами, оружием и боеприпасами. Эту версию, ни на чем не основанную, повторил военный историк Л. Тингстен (*Tingsten L. Huvuddragen av Sveriges yttre politik 1809—1813. Stockholm, 1923, s. 36—43*). Датский историк начала XX в. Т. Серенсен утверждал, что Каслри обещал Швеции 0,5 млн. ф. ст., что и побудило ее заключить мир (*Sørensen T. Bernadotte i Norden eller Norges Adskillelsen fra Danmark og Forening med Sverige. København, 1903*). В другой работе он же утверждал, что при заключении мирного договора со Швецией в Эребру Англия дала ей 1 млн. ф. ст. (*Sørensen T. Kampen om Norge. København, 1871, s. 35—40*).

⁷⁰ Каслри — Торнтону, 18 июля 1812 г. — *Scaevola* (*Strömbeck P.*). Op. cit. (с ошибочной датой 16 июля); см. также: *Morén F. W. Englands subsidier åt Sverige under år 1812. — SHT, 1927, s. 180—181*; Торнтон — Энгестрёму, 25 июля 1812 г. — KB. Brev till Lars von Engeström 1812, N 398. 25 июля Каслри распорядился отправить в Швецию 20 тыс. ружей и 23 артиллерийских орудия.

⁷¹ Каслри — Торнтону, 4 августа 1812 г. — СНВРР, 1922, p. 594.

Заключение русско-шведской конвенции в Або в августе 1812 г.

Вступление наполеоновских армий в пределы России коренным образом изменило обстановку в Европе. В русско-шведских отношениях наступил новый этап. На следующий день после начала военных действий, 13 (25) июня, в Стокгольме было отправлено письмо Александра I шведскому наследному принцу Карлу Юхану¹ и инструкции Н. П. Румянцева П. К. Сухтелену², в которых говорилось, что «ввиду «казус федерис» — начала войны — русско-шведский союзный договор окончательно вступает в силу. Сухтелену как командующему русским экспедиционным корпусом предписывалось ожидать соответствующих приказов Карла Юхана о начале давно планировавшейся совместной экспедиции. Был приведен в готовность и балтийский военно-морской флот, командование которого должно было также ждать приказаний из Стокгольма³.

С русской стороны подготовка к совместной русско-шведской экспедиции, или, как тогда называли, «диверсии», в тыл наполеоновских войск велась уже с марта. К середине июня в составе корпуса, сосредоточенного в Финляндии, было 17,5 тыс. человек. В течение июля корпус был усилен до 21 тыс. В целом русские войска были подготовлены для запланированной экспедиции⁴.

¹ Correspondance inédite de l'Empereur Alexandre et de Bernadotte pendant l'année 1812 (далее — Correspondance, 1909). Paris, 1909, p. 18—19.

² ВПР, т. VI, док. 180.

³ Морской министр И. И. Траверсе — генералу Ф. Ф. Штейнгелю, 16(28) июня 1812 г. и адмиралу Е. Е. Тету, 17(29) июня 1812 г. — *Каллистов Н. Д.* Русский флот и Двенадцатый год. СПб., 1912, с. 50, 71—72; Траверсе — Сухтелену, 16(28) июня 1812 г. — ОР ГПБ, ф. П. К. Сухтелена (993). Собрание, к. 60.

⁴ О русском корпусе в Финляндии подробные сведения дают донесения генерала А. Б. Фока, начальника штаба корпуса,

Идея организации антинаполеоновской экспедиции была поддержана немецкой патриотической эмиграцией, которая уже давно разрабатывала планы высадки на северогерманском побережье. Еще в ноябре 1811 г. прусский полковник А. Н. Гнейзенау предлагал с помощью Англии высадить на побережье Северного моря образованный на английские средства и оснащенный английским оружием германский легион. Этот легион должен был стать ядром «революционной» (термин Гнейзенау) армии, которая после первых успехов призовет всех немцев к всеобщему восстанию против Наполеона⁵. Другой патриот, Ю. Грунер, лишь в России видел реальную силу, которая может помочь освободить Германию. В марте 1812 г. он передал русскому посланнику в Берлине свой проект организации германского легиона с помощью России, который он также предлагал высадить на северогерманском побережье⁶. С воодушевлением узнал о намечаемой русско-шведской экспедиции видный деятель немецкой антинаполеоновской оппозиции К. Штейн, которого Александр I пригласил в Россию.

Сразу же после прибытия в ставку Александра I в Вильно Штейн активно включился в подготовку планируемой экспедиции. Он не был посвящен во все детали русско-шведских отношений, но знал о договоренности с правительством Швеции. Штейн считал обязательным участие в этой экспедиции германского легиона, который патриоты намеревались создать в России. В обстоятельной записке Александру I, подготовленной через несколько дней после начала наполеоновского вторжения, он предложил найти действенные средства для того, чтобы вызвать восстание в Германии. Он считал, что без внешнего толчка вызвать антинаполеоновское восстание не удастся, а таковым толчком может стать десантная армия союзников. Наиболее подходящей территорией для десанта Штейн считал местность между Эльбой и Исселем, причем шведы могли бы высадиться в районе Любека,

П. К. Сухтелену за апрель — август 1812 г. — ОР ГПБ, ф. П. К. Сухтелена (993). Архив.

⁵ Pertz P. Das Leben des Feldmarschalls Grafen Neithardt von Gneisenau, Bd. 2. Berlin, 1865, S. 685—688.

⁶ Stulz P. Fremdherrschaft und Befreiungskampf. Die preußische Kabinettpolitik und die Rolle der Volksmassen in den Jahren 1811 bis 1813. Berlin, 1960, S. 119.

а англичане и германский легион — у Эмдена. Затем, придерживаясь оборонительной тактики, союзные войска должны будут приступить к формированию в занятых германских провинциях вооруженных сил для борьбы с наполеоновскими армиями. Первоначально Штейн предполагал собрать в северогерманских провинциях 75-тысячную армию (49 тыс. — регулярные войска и 26 тыс. — ополчение), а затем довести немецкие регулярные войска до 752 тыс. Но Штейн понимал, что для выполнения этого плана необходима быстрая договоренность с Англией и Швецией, поскольку благоприятное время года для подобных морских экспедиций могло пройти⁷.

Штейн после того, как Александр I подробнее осветил ему условия договоренности со Швецией, резко выступил против планов Карла Юхана высадиться первоначально на о-ве Зеландия. Он сомневался в том, что датский король легко пойдет на уступки. Война с Данией может затянуться, и это лишь укрепит связи Дании с Францией. Штейн вновь настоятельно предлагал высадку непосредственно в Германии⁸.

Уже в первые месяцы Отечественной войны началось формирование русско-немецкого легиона⁹. Однако основной силой в предполагаемой антинаполеоновской экспедиции должен был стать объединенный русско-шведский корпус.

Активная подготовка велась и со стороны шведов. 25 июня (7 июля) Сухтелен сообщал, что шведские войска «сосредоточены на своих квартирах для выступления»¹⁰. Постепенно шведские войска в течение июля перебрасывались на юг, к местам посадки на суда¹¹.

⁷ Штейн — Александру I, 15(27) июня 1812 г. — *Stein H. F. K. Briefe und amtliche Schriften*. Bearb. E. Botzenhard. Neu hrsg. W. Hubatsch, Bd III. Stuttgart, 1960, N 470.

⁸ Штейн — Александру I, 18(30) июня 1812 г. — *Stein H. F. K. Op. cit.*, Bd III, N 474.

⁹ О русско-немецком, или русско-германском, легионе см.: *Власкин А. Г.* Отечественная война 1812 года и движение немецких патриотов. — *НИИ*, 1962, № 5, с. 72—83; *Venzky G.* Die Russisch-Deutsche Legion in den Jahren 1811—1815. Wiesbaden, 1966.

¹⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, л. 336.

¹¹ Сухтелен — Румянцеву, № 91, 1(13) июля, № 100, 7(19) июля. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, лл. 350 об., 362 и об.; Николай — Румянцеву, 7(19) июля 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10822, лл. 318—319.

Однако сроки осуществления этого мероприятия все откладывались. Причиной были затянувшиеся переговоры с Англией, без финансовой и военно-морской помощи которой осуществить столь сложное и дорогостоящее мероприятие было невозможно.

Выявившееся в первый месяц войны превосходство наполеоновских армий привело к отступлению русских войск. Это обстоятельство заставило шведское правительство стать более осторожным. Его положение осложнялось вновь ожившими в стране профранцузскими реваншистскими настроениями¹². Сказывалось и напряжение шведских финансов. В середине июля в ожидании соглашения с Англией шведы временно прекратили мероприятия по вооружению, возобновив их лишь после получения из Лондона известий о решении английского правительства частично пойти навстречу шведским требованиям¹³. Но в целом шведское правительство было недовольно позицией Англии, поскольку в ответ на шведскую просьбу предоставить 1 млн. ф. ст. англичане соглашались после подписания мирного договора выплатить 500 тыс. ф. ст., да и то при условии, что Швеция вступит в войну. По свидетельству П. К. Сухтелена, Карл Юхан назвал это «ловушкой» для Швеции, которая будет втянута в войну¹⁴.

Невозможность немедленного выполнения условия русско-шведского союза об организации совместной экспедиции делала актуальным вопрос о пересмотре договора. Это становилось ясным и Александру I и Карлу Юхану. 17 (29) июня русский царь предложил организовать личную встречу с руководителем Швеции¹⁵.

Карл Юхан под впечатлением отступления русских войск и сдержанной позиции Англии в июле — августе начал выдвигать новые предложения. Уже 25 июня (7 июля) 1812 г. П. К. Сухтелен сообщал о намерениях шведского кронпринца относительно готовности оказать

¹² *Tommila P.* La Finlande dans la politique européenne en 1809—1815. Helsinki, 1962, p. 339.

¹³ *Waller S.* Abomötet 1812 och de svenska krigsutrustningarnas inställande. Lund, 1951, s. 15.

¹⁴ Сухтелен — Румянцеву, № 107, 22 июля (3 августа) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, лл. 391—392.

¹⁵ *Correspondance*, 1909, p. 25.

России непосредственную военную помощь¹⁶. К августу Карл Юхан выработал новый военно-политический план антинаполеоновских действий Швеции. Предполагая, что русские войска будут отступать до Москвы, шведский наследный принц предписал К. Лёвенгьельму просить Александра довести русский вспомогательный корпус до 25 тыс. человек для незамедлительной высадки в северной Германии, в тылу наполеоновских армий. Если же эту экспедицию осуществить в тот момент не удастся, то Карл Юхан выдвигал другой вариант совместной русско-шведской акции. Он просил передать русскому царю, что может прийти на помощь, высадив 40 тыс. шведов в Гельсингфорсе, Ревеле или Петербурге. Затем, после присоединения к шведам русских войск из Финляндии и из-под Архангельска, объединенная армия достигла бы 80 тыс. человек, и с ней Карл Юхан мог бы остановить наполеоновские войска, если бы те двинулись на Петербург. При этом шведский наследный принц предлагал, чтобы Россия временно возвратила Швеции Финляндию в качестве залога за будущее приобретение Норвегии¹⁷.

Первая попытка выяснить реакцию русского правительства на второй вариант была сделана косвенно, через английского дипломата Каткарта, направлявшегося в Петербург послом. Каткарт в беседе с Сухтеном выдвинул как свою собственную идею временного возвращения Финляндии Швеции взамен прямой помощи шведских войск в борьбе против Наполеона. Русский дипломат отверг это предложение, даже не входя в обсуждение¹⁸.

В исторической литературе это предложение Карла Юхана, как не укладывавшееся в рамки «политики 1812 года», неоднократно подвергалось различным толкованиям. Традиционная, установившаяся в XIX в. точка зрения шведской историографии справедливо расценивала его как обычное предложение помощи союзнику, считая, что временное присоединение Финляндии нужно было Карлу Юхану как уступка общественному мнению стра-

ны и идея реванша была чужда шведскому наследному принцу¹⁹. В начале 1940 г. Э. Карлссон высказал предположение, что Финляндия также входила в круг серьезных устремлений Карла Юхана. Он даже утверждал, что именно Финляндия вместо Норвегии поздним летом 1812 г. стала главной целью шведской внешней политики, что Карл Юхан перешел тогда на позиции реваншистской партии и рассчитывал навсегда вернуть Финляндию. В случае согласия России на временный переход Финляндии к Швеции Карл Юхан мог, вооружив финнов, считать эту страну окончательно отвоеванной, поскольку Россия вела смертельную борьбу с Наполеоном и вряд ли смогла бы вернуть Финляндию²⁰.

Т. Т. Хейер, критикуя Э. Карлссона и считая, что Норвегия в то время продолжала быть главной целью шведской внешней политики, все же соглашался с ним в том, что в какой-то момент Карл Юхан действительно рассчитывал вернуть Финляндию, используя тяжелое положение России²¹. Иначе интерпретируют эту инструкцию швед С. Валлер и финн П. Томмила, видевшие в предложении Карла Юхана не его подлинные намерения, а лишь средство продолжить переговоры с Россией об условиях союза²². На наш взгляд, точки зрения современных историков грешат односторонностью, поскольку они не учитывают во всей полноте сложность международной обстановки летом 1812 г. Программа, изложенная Карлом Юханом в письме к Лёвенгьельму, отражала один из вариантов шведской внешнеполитической активности. Одновременно, как отмечали Валлер и Томмила, эти предложения были предлогом для новых переговоров с Александром. Карл Юхан, на наш взгляд, твердо придерживался союза с Россией, отказался от мысли вернуть Финляндию, даже если бы представилась такая возможность из-за тяжелого положения России. По-видимому, он полагал, что для нейтрализации профранцузских кру-

¹⁶ Сухтенов — Румянцеву, № 82, 25 июня (7 июля) 1812 г. — АВПР. ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10825, лл. 332 об. — 333.

¹⁷ Карл Юхан — Лёвенгьельму, 2 августа 1812 г. — SRA BPA; см. также в переводе на шведский язык: *Schinkel B. von. Minnen ur Sveriges nyare historia. Författade och utgivne of C. W. Bergman, d. VI. Stockholm, 1855, s. 371 f.*; ВПР, т. VI, прим. 592; *Waller S. Abomötet...*, s. 17.

¹⁸ Каткарт — Каслри, 14 августа 1812 г. — SHT, 1942, к. 4, s. 367.

¹⁹ См. например: *Clason S. Kronprins Karl Johan och 1812 års politik.* — In: *Sveriges historia intill tjugondet seklet.* Stockholm, 1910, s. 137—205.

²⁰ *Carlsson E. 1812 års politik.* — «Nordisk tidskrift», 1941, h. 6, s. 450.

²¹ *Höjer T. T. En ny teori om 1812 års politik.* — SHT, 1942, h. 4, s. 367.

²² *Waller S. Abomötet...*, s. 17; *Idem. Georg Carl von Döbeln. Studier i Sveriges militäriska och politiska historia 1808—1813.* Lund, 1947, s. 604—608; *Tommila P. Op. cit.*, p. 341—342.

гов Финляндия могла отойти к Швеции, но лишь временно. Всерьез шведское правительство, как мы увидим далее, задумывалось над возвращением лишь Аландов.

Таким образом, и русская и шведская стороны были заинтересованы во встрече. Для России главным было стремление укрепить русско-шведский союз в новых, более тяжелых, условиях. Александр хотел если не активной помощи шведов в войне против Наполеона, то по крайней мере дружественного нейтралитета. Личная встреча с Карлом Юханом позволила бы царю выяснить намерения шведского правительства в отношении планировавшейся совместной экспедиции, а также установить, насколько серьезны предложения Карла Юхана об оказании прямой военной помощи.

Карл Юхан рассчитывал лишь раз продемонстрировать свою преданность русско-шведскому союзу, но одновременно и попытаться по возможности уклониться от активного участия в борьбе с Наполеоном, если события примут угрожающий оборот, а Швеция не получит явной выгоды от союза с Россией. В целом внешняя политика шведского правительства отмечена двойственностью: с одной стороны, Норвегия не переставала манить Карла Юхана, и он продолжал подготовку к ее присоединению²³, с другой — он предпочитал выжидать, поскольку временные успехи французских войск в России усилили профранцузскую оппозицию и реваншистские настроения в его стране. Выполнение условий Петербургского договора могло стать затруднительным для обоих государств, и поэтому нужно было прийти к взаимоприемлемому решению.

Вопрос о личной встрече Александра I с Карлом Юханом поднимался еще в начале 1812 г. В середине июля по инициативе Александра I началось обсуждение практических мероприятий, связанных с ее организацией. Наиболее удобным местом был признан финский город Або (Турку). Точная дата встречи не была установлена, но условились встретиться в августе²⁴.

8 (20) августа Александр выехал из Петербурга в Финляндию. В Або он приехал 12 (24) августа. Карл

Юхан смог отплыть из Стокгольма 13 (25) августа и был на месте 15 (27) августа. Задержка шведского наследного принца была оправдана, поскольку он с опозданием получил сообщение об отъезде Александра из Петербурга²⁵. Это замечание необходимо сделать потому, что в отдельных исторических работах распространена версия об умышленном опоздании Карла Юхана²⁶.

Александр преднамеренно приехал в Финляндию раньше Карла Юхана, желая изучить положение в стране, настроения финнов. Для укрепления прорусских настроений 14 (26) августа был опубликован указ о воссоздании финских национальных войск. Главным результатом ознакомления с Финляндией было то, что Александр убедился в лояльности финнов в отношении России²⁷.

Русско-шведские переговоры проходили в Або с 15 (27) по 18 (30) августа 1812 г. Кроме Александра I и Карла Юхана, главных действующих лиц, в них участвовали: с русской стороны — Н. П. Румянцев, А. А. Аракчеев, министр двора Н. А. Толстой, адъютант Александра А. И. Чернышев, главнокомандующий финляндской армией генерал Ф. Ф. Штейнгель, а также Г. М. Армфельт. Из Стокгольма вместе с Карлом Юханом прибыл и П. К. Сухтелен. В состав шведской свиты входили канцлер двора Г. Веттерстедт, генералы К. Ю. Адлеркрейц и Х. Э. Мёрнер, адъютанты Карла Юхана полковники К. Юлленшёльд и Л. М. Канс; участвовал во встрече и К. Лёвенгельм. Это были наиболее близкие шведскому наследному принцу деятели, ревностные сторонники его политики. Вместе с ними из Стокгольма приехал и принимал участие в переговорах английский дипломат У. Каткарт, назначенный послом в Петербург.

Рассмотрение хода абоских переговоров представляет собой отнюдь не простую задачу, поскольку при беседах Карла Юхана с Александром, проходивших к тому же

²⁵ Сухтелен — Румянцеву, № 128, 10 (22) августа; № 129, 131, 12 (24) августа 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10826, лл. 4, 11, 13, 15; Карл Юхан — Сухтелену, 23 августа 1812 г. — Там же, л. 12 и об.

²⁶ Schinkel B. von. Op. cit., d. VI, p. 237—238; Waller S. Abomötet..., s. 24.

²⁷ Tommila P. Op. cit., p. 343—348. Nervander E. Keisari Aleksanteri I: n matkat Suomessa vanhempien ja uudempien lähteiden sekä mistotietojen mukaan. Helsinki, 1906.

²³ Weibull J. Carl Johan och Norge 1810—1814. Unionsplanerna och deras förverkligande. Lund, 1957, s. 66—74.

²⁴ Waller S. Abomötet..., s. 18—19; Tommila P. Op. cit., p. 343.

большей частью с глазу на глаз, никаких протоколов не велось²⁸. Прямых документов сохранилось очень мало, да и они подчас явно противоречат один другому. В литературе, преимущественно шведской, неоднократно предпринимались попытки восстановить ход переговоров. Первое подробное, но, как показали последующие исследования, неточное изложение абоских переговоров содержалось в записках Шинкеля²⁹. В новейшее время историки (Мурен, Хейер, С. Карлссон) в монографиях и отдельных статьях пытались осветить эти переговоры³⁰. В конце 40-х — начале 50-х годов XX в. С. Валлер, проводя деятельные изыскания в архивах и обобщив уже известный материал, опубликовал монографию, посвященную абоской встрече. В книге Валлера наиболее обстоятельно изложен ход переговоров, показанный на основе всесторонней критики источников³¹. Валлер также издал и найденный им в архивах текст первоначального шведского проекта конвенции, заключенной в Або³². В основном на материалах Валлера базировал свои исследования и П. Томмила, посвятивший переговорам в Або главу своей монографии³³.

С. Валлер пришел к выводу, что главным результатом переговоров в Або была не сама конвенция, а дополнившее ее устное соглашение между Александром и Карлом Юханом, по которому Россия получала право перебросить на театр военных действий, под Ригу, корпус генерала

²⁸ Александр I писал сестре Екатерине Павловне 29 августа (10 сентября) о встрече с Карлом Юханом: «За те три дня, которые мы провели вместе, у меня не было ни минуты, чтобы вздохнуть, не то чтобы писать»: *Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княжной Екатериной Павловной. СПб., 1910, с. 82—83.

²⁹ *Schinkel B. von.* Op. cit., d. VI, s. 237—260; ср.: *Morén F. W.* Några kritiska anmärkningar till Schinkels framställning av Karl Johans politik 1810—1813.— In: *Karl Johan Förbundets Handlingar*, 1927—1930. Uppsala, 1930, s. 24—32.

³⁰ *Morén F.* Kring 1812 års politik. Stockholm, 1927; *Höjer T. T.* Carl XIV Johan. Kronprinstiden. Stockholm, 1943; *Carlsson S.* Abo-fördraget och krigsutrustningarna 1812.— «Scandia», b. XVIII, 1947, h. 2, s. 192—201; *Höjer T. T.* Den muntliga överenskommelse i Abo 1812.— In: *Historiska studier tillägnade Nils Ahnlund*. Stockholm, 1949, s. 278—290.

³¹ *Waller S.* Åbomötet...

³² *Waller S.* Ett förbisett aktstycke.— «Scandia», bd XXI, 1951—1952, h. 1.

³³ *Tommila P.* Op. cit., p. 329—372.

Ф. Штейнгеля, предназначавшийся, как известно, для совместной русско-шведской экспедиции. Инициатива, по словам Валлера, принадлежала шведскому наследному принцу, стремившемуся прежде всего отсрочить вступление Швеции в войну. Александр, по его мнению, с радостью ухватился за эту идею, так как положение на фронте ухудшалось. Содержавшееся в основной конвенции условие о переброске русского экспедиционного корпуса в конце сентября в Швецию якобы не имело более значения. Та и другая сторона отдавала себе отчет в том, что вновь снять с фронта русские войска вряд ли будет возможно и русско-шведская совместная экспедиция вопреки букве Абоского соглашения отложится фактически на год. Активная военная подготовка, предпринятая в Швеции в сентябре, проводилась, по мнению Валлера и Томмилы, лишь для отвода глаз, прежде всего с целью убедить Англию в антинаполеоновской позиции шведов и получить от нее долгожданные субсидии. Однако эта концепция разделяется не всеми исследователями. Так, С. Карлссон, Т. Хейер и Е. Вейбулл считают, что устное соглашение не противоречило основной конвенции, что Швеция в сентябре 1812 г. серьезно готовилась к совместной операции против Дании и что только отсутствие вспомогательных русских войск повлекло за собой прекращение в начале октября военных приготовлений³⁴.

Перейдем непосредственно к рассмотрению хода абоских переговоров. В первый же день между Александром и Карлом Юханом состоялась долгая беседа. Русский царь считал возможным вместо русско-шведской экспедиции против Дании перебросить шведские войска в русскую Прибалтику для непосредственных действий против французов. За это, в качестве залога будущего присоединения Норвегии к Швеции, царь обещал Карлу Юхану Ригу, острова Эзель и Даго. Одновременно он предложил шведскому наследному принцу занять пост верховного главнокомандующего русскими армиями. Отклонив последнее предложение царя, Карл Юхан со своей стороны высказал мысль, фактически содержащуюся в инструкции К. Лёвенгельму от 2 августа, т. е. речь шла о переброске

³⁴ *Carlsson S.* Svensk historia, d. II. Stockholm, 1970, s. 265; *Carlsson S., Höjer T. T.* Den svenska utrikespolitikens historia, d. III: 1—2. Stockholm, 1954, s. 169—170; *Weibull J.* Op. cit., s. 74—85.

шведских войск в Финляндию, которая временно отдавалась Швеции в залог, и о совместных операциях в Прибалтике. Это не было принято Александром, и, таким образом, в первый день стороны не достигли договоренности³⁵.

О переговорах, проходивших в последующие два дня, известно значительно меньше, чем о первом дне. По-видимому, обе стороны отказались от первоначальных предложений. Шведы выработали проект соглашения, который развивал и дополнял Петербургский союз и конвенцию, подписанную в Вильно. В ходе переговоров проект дорабатывался, 18 (30) августа он был зачитан Каткарту и поздно вечером того же дня подписан Н. П. Румянцевым и К. Лёвенгельмом³⁶.

В преамбуле конвенции, полностью совпадающей с преамбулой проекта, указывалось на необходимость «при настоящем положении дел в Европе... развить постановления союзного договора, заключенного в С.-Петербурге 24 марта (5 апреля), с тем, чтобы приблизить время, когда е.в-во король шведский смог бы осуществить диверсию на территории Германии с целью поддержать русские армии...» Подчеркивалось, что обе стороны «воодушевлены к тому же живейшим желанием еще более укрепить счастливое согласие, царящее в отношениях между ними...»

Согласно ст. I русский вспомогательный корпус увеличивался по сравнению с предшествовавшими соглашениями до 35 тыс., из которых 25 тыс. должны были быть переброшены в южную шведскую провинцию Сконе к концу сентября *«или так быстро, как это позволят обстоятельства»* (курсив наш.— В. Р.). Это выделенное нами замечание появилось в процессе доработки текста соглашения. Как полагает С. Валлер, оно имело прямое отношение к параллельному устному соглашению, так как позволяло России отодвинуть экспедицию на неопределенный срок³⁷. Оставшиеся 10 тыс. должны были быть

³⁵ О переговорах 15(27) августа 1812 г. см.: Карл Юхан — Карлу XIII, (29?) августа 1812 г.— *Schinkel B. von. Op. cit., d. VI, s. 378—379*; см. подробнее: *Waller S. Abomötet..., s. 26—30*.

³⁶ Текст соглашения см.: ВПР, т. VI, док. 230. При изложении текста проекта не принимаются во внимание редакционные изменения в тексте проекта, не имеющие смыслового значения.

³⁷ *Waller S. Abomötet 1812. Ett förbisett ackstycke.— «Scandia», bd XXI, 1951—1952, h. 1, s. 61—62.*

переброшены в Швецию к концу ноября, «если только погода и трудности перехода не вызовут задержки».

Ст. II касалась порядка командования, содержания и перевозки русского корпуса. Согласно ст. III Швеция обязывалась после прибытия русских войск начать операции против датских островов.

Ст. IV в ходе переговоров претерпела изменения. В первоначальном варианте проекта в ней говорилось: «Если е.в-во король Дании не согласится добровольно уступить Швеции королевство Норвежское и присоединить к объединенной русско-шведской армии свои войска для совместных действий против общего врага, е.в-во император всероссийский заявляет... что он не будет противиться тому, что о-в Зеландия, как и Норвегия, на вечные времена будет присоединен к королевству шведскому». Затем в проект было добавлено, что Россия должна также гарантировать Швеции мирное владение о-вом Зеландия, оставляя за Швецией право договориться об этом с Великобританией. Далее было внесено уточнение, что оба союзника должны напасть на о-в Зеландию в качестве репрессии за датский отказ.

Однако в таком виде статья не удовлетворила Россию, которая, по-видимому, отказалась прямо гарантировать присоединение о-ва Зеландия к Швеции. Поэтому заключительная часть статьи в окончательном тексте конвенции явно носит следы компромисса. После указания на возможность нападения союзников на Зеландию в ней говорилось: «...Е.в-во император всероссийский, будучи осведомлен о том, что британское правительство потребовало, чтобы судьба Зеландии решалась лишь с общего согласия трех держав, уступит е.в-ву королю шведскому свое право претендовать на этот остров и завоевать его при условии, что остальное будет урегулировано с е.в-вом королем Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии. Е.в-во император всероссийский оставляет за собой право гарантировать то, о чем договорятся между собой Швеция и Великобритания». Таким образом, Россия прямо не гарантировала Швеции присоединения датского о-ва Зеландия, что отражало ее нежелание идти на расчленение Дании, противоречившее русским интересам. Это был довольно тонкий ход русской дипломатии, поскольку теперь шведские экспансионистские устремления в отношении Зеландии

ставились в прямую зависимость от позиции Великобритании, которая явно не допустила бы переход обоих берегов Эресунна в руки одной державы.

Ст. V конвенции (в проекте ст. VI) говорила о новом вопросе в русско-шведских отношениях 1812 г. — о предполагаемом после войны расширении русских границ до Вислы, т. е. о присоединении к России части Польши. С. Валлер пришел к выводу, что это условие было выдвинуто Александром и не вызвало возражений со стороны шведов, включивших его в проект соглашения³⁸. Однако их формулировка отличалась категоричностью и связывала вопрос о границе по Висле с присоединением к Швеции Норвегии и о-ва Зеландии: «Если в результате войны е.в-во император всероссийский добьется при заключении мира с общим врагом, чтобы границы Российской империи простирались до Вислы, е.в-во шведский король со своей стороны обещает рассматривать это *увеличение территории Российской империи как следствие присоединения Зеландии и Норвегии к Швеции* (курсив наш. — В. Р.) и гарантирует в этом случае полное и мирное владение этой территорией е.в-вом императором всероссийским». Александр не согласился с такой формулировкой, шведы были вынуждены уступить³⁹, и в окончательный текст была включена совершенно иная редакция, значительно менявшая смысл. За согласие Александра «пойти навстречу» Швеции в вопросе о Зеландии (см. ст. IV) «...король шведский в порядке взаимности заявляет, что в случае, если его в-во (Александр I. — В. Р.) в результате войны добьется при заключении мира с общим врагом, чтобы границы Российской империи простирались до Вислы, то он будет рассматривать это *увеличение территории Российской империи как справедливое следствие усилий, которые им будут предприняты в борьбе против общего врага* (курсив наш. — В. Р.), и гарантирует ему владение ею. Его британское в-во также будет приглашен дать такую же гарантию е.в-ву императору всероссийскому»⁴⁰.

³⁸ Waller S. Abomötet..., s. 35.

³⁹ Waller S. Abomötet 1812. Ett förbisett aktstycke. — «Scandia», bd XXI, 1951—1952, h. 1, s. 63—64.

⁴⁰ Подробнее о польском вопросе в Або см.: Roginskij W. W. Sprawa polska w rosyjsko-szwedzkim układzie zawartym w Abo w 1812 r. — In: Komunikaty Instytutu Bałtyckiego. Gdańsk, 1973, grudzień, zeszyt 19, s. 56—61.

По ст. VI (в проекте ст. V) оставались в силе условия прежних соглашений относительно совместной русско-шведской диверсии в Германии.

Серьезные изменения претерпела ст. VII. Ее первоначальная редакция отражала стремление Карла Юхана добиться во время встречи непосредственных территориальных выгод. В качестве доказательства «личной дружбы» Александра к Карлу Юхану и «искреннего желания, воодушевляющего е. императорское в-во обеспечить шведской нации доказательства своих мирных чувств», Александр должен был бы уступить на вечные времена шведскому наследному принцу и его династии Аландские острова, которые отныне составили бы нераздельную часть Шведского королевства⁴¹. Швеция обязывалась в этом случае не создавать там никаких военных сооружений. В соответствии с этим должна была несколько передвинуться на восток морская граница в Ботническом заливе. Это шведское условие оказалось совершенно неприемлемым для России, и Александр наотрез отказался дать на него согласие. В шведской историографии бытует утверждение, что русский царь первоначально колебался и лишь под влиянием своего окружения стал неуступчивым⁴².

В результате статья была вычеркнута. На ее место вставлена другая, написанная, видимо, после составления первоначального варианта⁴³. Шведы предлагали, чтобы Александр также «в доказательство личной дружбы» к Карлу Юхану предоставил Швеции заем в 1800 тыс. рублей, причем первая сумма в 300—400 тыс. рублей долж-

⁴¹ Михайловский-Данилевский А. И. (Описание Отечественной войны 1812 года, ч. II, 1840, с. 178) писал, что вопрос об Аландах был поставлен Карлом Юханом в беседе с А. И. Чернышевым. Это вполне правдоподобно, так как сочинение Михайловского-Данилевского подверглось редактированию самого А. И. Чернышева, который в период написания труда был военным министром (Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962, с. 25).

⁴² Это утверждение основывается на письме Веттерстедта Энгстрему от 30 августа 1812 г. и не подтверждается другими документами. — Carlsson S., Höjer T. T. Den svenska utrikespolitikens historia, d. III: 1—2, s. 169; Tommila P. Op. cit., p. 352. Сомнение в этом высказал и советский рецензент сочинения Хейера С. М. Мирный, см.: ВИ, 1957, № 2, с. 197.

⁴³ Waller S. Abomötet..., s. 39; Idem. Abomötet 1812. Ett förbisett aktstycke. — «Scandia», bd XXI, 1951—1952, h. 1, s. 64—65.

на была быть выплачена через месяц после подписания, остальное — в течение восьми месяцев. На усмотрение Александра оставлялось выплачивать деньгами или мукой и зерном. Русская сторона согласилась на это условие, снизив заем до 1,5 млн. руб. и установив срок первой выплаты — через месяц после обмена ратификациями⁴⁴.

Ст. VIII подтверждала все постановления предшествующих соглашений, в которые Абоская конвенция не вносила каких-либо изменений или поправок.

В ст. IX проекта и окончательного текста речь шла о совместном обращении к правительству Великобритании с просьбой присоединиться к конвенции, однако формулировки в обоих случаях отличались друг от друга. Если проект лишь констатировал обязательство обеих сторон обратиться к Англии, то окончательный текст конвенции ставил само осуществление союзного договора в какой-то степени в зависимость от присоединения Англии: «*Чтобы незамедлительно устранить все, что препятствует выполнению... союзного договора*, обе высокие договаривающиеся стороны снова обратятся к британскому правительству с настоятельной просьбой официально присоединиться к этому союзному договору и согласиться на присоединение Норвегии к Швеции» (курсив наш. — В. Р.). Как полагает С. Валлер, это изменение было внесено на самой последней стадии, после ознакомления Каткарта с текстом проекта, когда стало ясно, что добиться немедленного присоединения Англии к русско-шведскому союзу не удастся. Новая формулировка давала Карлу Юхану возможность большого маневрирования⁴⁵.

Кроме того, к конвенции в качестве отдельной и секретной была приложена статья, по которой русско-шведскому союзу придавались «сила и значение семейного пакта». Обе стороны обязались в случае враждебных происков третьей державы против России или Швеции предоставить друг другу не менее 12—15 тыс. человек⁴⁶.

⁴⁴ Об урегулировании русско-шведских финансовых отношений в 1815 г. см.: ВПР, серия первая, т. VIII. М., 1972, док. № 157, прим. 177, 178.

⁴⁵ Waller S. Abomötet..., s. 60; Idem. Abomötet 1812. Ett förbisett aktstyske. — «Scandia», bd XXI, 1951—1952, h. 1, s. 65.

⁴⁶ Статья о семейном договоре была включена по предложению шведов еще в не ратифицированный русско-шведский договор, подписанный в апреле 1812 г. в Стокгольме П. К. Сухтеленем (см. гл. III).

Значение этой статьи состоит в том, что она расширяла границы русско-шведского союза, укрепляла позиции династии Бернадота на шведском троне.

Перед подписанием договора, как уже говорилось, с его текстом был ознакомлен Каткорт. Английский дипломат заявил, что не даст никаких обязательств от имени Англии, пока Швеция непосредственно не вступит в войну. Он прямо сказал, что Великобритания не может присоединиться к заключаемому соглашению из-за упоминания в нем возможности присоединения не только Норвегии, но и Зеландии к Швеции и из-за условия о переносе русской границы на Вислу. Не одобрил Каткорт и пункт о семейном характере русско-шведского союза. В остальном британский дипломат был удовлетворен заключенной конвенцией. Он заявил, что, если Швеция выступит, ей будут выплачены обещанные субсидии и английский флот будет участвовать в военных действиях против Дании⁴⁷. Таким образом, практически абоская встреча не послужила укреплению союзнических отношений России и Швеции с Англией из-за английской позиции.

Кроме изложенного выше письменного соглашения, в беседах затрагивались другие взаимноинтересующие сюжеты. Есть сведения, что обсуждался вопрос о судьбе французского трона после вероятного свержения Наполеона и Александр будто бы обещал Карлу Юхану поддержать его устремления стать преемником императора во Франции⁴⁸.

Главным в беседах было устное соглашение о временной переброске русского экспедиционного корпуса из Финляндии в Прибалтику. В литературе прошлого века (А. И. Михайловский-Данилевский, М. И. Богданович, Г. Гарден)⁴⁹ существовала следующая версия заключения устной договоренности. Уже после подписания письменной конвенции Карл Юхан, узнав о падении Смолен-

⁴⁷ Донесение Каткарта № 11, 30 августа 1812 г. Изложено в кн.: Waller S. Abomötet..., s. 42—43.

⁴⁸ Waller S. Abomötet..., s. 40—41; Scott F. D. Bernadotte and the Fall of Napoleon. Cambridge (Mass.), 1935, p. 21.

⁴⁹ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч., ч. II, с. 175—176; Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам, т. 2. СПб., 1859, с. 27—28; Garden G. Histoire générale des traités de paix, t. XIII. Paris, s. a. [1853], s. 410—413.

ска, на параде предложил Александру временную переброску корпуса Штейнгеля. Александр якобы не хотел сначала соглашаться, но затем склонился перед доводами шведского наследного принца. Точка зрения современных историков на это согласие уже излагалась.

Попытаемся рассмотреть ход событий, опираясь на подлинные документы. 18(30) августа, в день подписания конвенции, генералу Штейнгелю был дан приказ о переброске его корпуса в Прибалтику. В этом документе причиной переброски выставлялось то, что шведы могут быть готовы лишь к 1 октября⁵⁰. Соответствующий приказ был отдан командующему эскадрами в Гельсингфорсе адмиралу Тету⁵¹. 15 тыс. солдат были перевезены в Ревель, оттуда они двинулись к Риге, где участвовали в отражении наступления французских войск маршала Сен-Сира⁵².

В Петербурге эта переброска войск из Финляндии под Ригу мыслилась первоначально как временная. Морской министр И. И. Траверсе предупреждал адмирала Тета о возможности обратной перевозки войск из Ревеля в Свеаборг. 4(16) сентября он писал командующему корпусом Ф. Ф. Штейнгелю: «Высочайшая воля есть, дабы наемные для десантных войск суда оставить при Ревеле на случай надобности вторичного амбаркирования, а потому и запасы казенные на сих судах состоящие сгружать не должно»⁵³.

8(20) сентября Траверсе предписал Тету ускорить подготовку судов, а через три дня запросил у него материалы о высадке русских войск в северной Германии в 1805 г.⁵⁴ Столь активная деятельность говорила о том, что русское правительство рассчитывало в ближайшее время отправить обещанные шведам войска. По-видимому, это намерение усилилось под впечатлением первых известий о Бородинском сражении, которое было расцене-

но как решающая победа. В Петербурге уже строили радужные планы исходя из предполагаемого отступления Наполеона к Смоленску, как вдруг стало известно, что 2(14) сентября 1812 г. наполеоновские армии без боя вступили в Москву. Мудрое решение М. И. Кутузова не было сразу правильно понято и оценено при дворе, где снова возродился страх, что Наполеон двинется на столицу империи. 19 сентября (1 октября) Александр отправил шведскому наследному принцу письмо, в котором, ссылаясь на тяжелые обстоятельства, просил о новой отсрочке для присылки войск⁵⁵. Фактически же это был отказ осуществить совместную экспедицию в 1812 г., поскольку поздняя осень делала невозможными какие-либо военно-морские операции на Балтике. 28 сентября (10 октября) царь распорядился присоединить русский Балтийский флот к английской эскадре Саумареца и отправить его на зиму в Англию⁵⁶.

Как же развивались тем временем события в Швеции? Здесь после возвращения Карла Юхана из Финляндии началась деятельная подготовка к экспедиции против Дании. 4—10 сентября были отданы соответствующие приказы войскам сосредоточиться в портах южной и западной Швеции, где они должны были готовиться к погрузке на суда в ожидании прибытия русских войск. Сюда же начали стягивать флот и многочисленные суда, секвестрованные и зафрахтованные для перевозки десанта. Согласно приказам шведские войска должны были быть готовы к действиям к концу сентября⁵⁷. В письме Александру от 4 сентября Карл Юхан сообщал: «Мы занимаемся подготовкой всего, чтобы быть готовыми к действию, когда 25 тысяч человек в.в.ва придут на берега Сконе». Одновременно он попросил Александра обратиться к английскому правительству с просьбой присоединиться к русско-шведским соглашениям⁵⁸. 13 сен-

⁵⁰ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в.в. канцелярии, вып. I. СПб., 1876, с. 59—61.

⁵¹ *Каллистов Н. Д.* Указ. соч., с. 70.

⁵² В письме М. И. Кутузову Александр I 31 августа (12 сентября) 1812 г. сообщал, что корпус из Финляндии переброшен для наступательных операций, см.: М. И. Кутузов. Сборник документов. Под ред. Л. Г. Бескровного, т. IV, ч. I. М., 1956, с. 194—195.

⁵³ *Каллистов Н. Д.* Указ. соч., с. 76.

⁵⁴ Там же, с. 81—82.

⁵⁵ *Correspondance*, 1909, p. 37—41; *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование, ч. 3. СПб., 1905, с. 510—512.

⁵⁶ *Каллистов Н. Д.* Указ. соч., с. 86—87, 91—93.

⁵⁷ *Weibull J.* Op. cit., s. 708. О шведских военных приготовлениях см. также: *Rein G.* Karl Johan Adlercreutz, d. II. Helsingfors, 1927, s. 487—497; Сухтелен — Румянцеву, № 136, 2(14) сентября; № 144 3(15) сентября; № 147 8(20) сентября 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10826, лл. 26 и об., 35 и об., 42—43.

⁵⁸ *Correspondance*, 1909, p. 28—39.

тября он писал царю: «Шведские войска движутся в направлении берегов Сконе и Блекинге; они будут собраны в местах посадки на суда в последние дни этого месяца; с момента, когда придут войска в.в-ва, мы поднимем паруса и наши операции начнутся». Он просил ускорить прибытие русского корпуса, «чтобы не подвергнуться сильным ветрам осеннего равноденствия и долгим осенним ночам»⁵⁹.

Шведские военные приготовления не остались незамеченными. С тревогой писал о них датский поверенный в делах Баудиссин, терявшийся в догадках относительно цели возможной экспедиции⁶⁰. Довольно точно о предстоящей русско-шведской диверсии было известно французскому посланнику в Копенгагене Алькье⁶¹. Слухи о возможности союзного десанта в северной Германии обеспокоили Наполеона. Под давлением французской дипломатии прусский посланник Таррах направил Энгестрёму ноту с предупреждением, что если шведы предпримут что-либо против северной Германии, то они встретят отпор со стороны Пруссии⁶².

Однако на Карла Юхана подействовали не эти угрозы. С театра основных военных действий не приходило никаких утешительных вестей. В середине сентября шведское правительство задумалось над тем, что же делать, если русские войска вообще не придут. 13 сентября в Стокгольме был созван военный совет с участием членов Государственного совета и руководства армией, на него был приглашен также и Георг Адлерспарре, который с весны 1812 г. по приказанию Карла Юхана занимался пропагандистской и разведывательной деятельностью в Норвегии. По инициативе Адлерспарре было решено начать вторжение в Норвегию даже в том случае, если русские войска не придут к назначенному сроку⁶³.

15 сентября в Петербург был отправлен К. Лёвенгельм, вернувшийся из Або вместе с Карлом Юханом.

⁵⁹ Correspondance, 1909, p. 30—33.

⁶⁰ Баудиссин — Розенкранцу, 4, 8 сентября 1812 г. — *Anker C. J., Wrangel F. U. Ur Danska Diplomaters meddelanden från Stockholm 1807—1813. Stockholm, 1897, s. 151.*

⁶¹ Перехваченная шведами депеша Алькье. — SRA BPA.

⁶² *Le Bas P. Suède et Norvège. Paris, 1838, p. 346; Forsberg E. Sverige och Preussen 1810—1815. Uppsala, 1922, s. 49—50.*

⁶³ *Weibull J. Op. cit., s. 80.*

Он должен был добиться от Александра если не обещанных 25 тыс. солдат, то по крайней мере вспомогательного корпуса в 6—8 тыс. для содействия в норвежской операции⁶⁴. В Гельсингфорс был отправлен шведский офицер, которому было поручено выяснить, когда придут русские войска⁶⁵. 14—16 сентября большая часть шведских полков, следовавших к местам посадки на суда, получила приказ остановиться. Таких приказаний не получили лишь войска, которые должны были грузиться на суда в Стокгольме и Даларё, чтобы морем добраться до Карлсруны, и части, направлявшиеся к Уддевалле и Карлстаду, городам расположенным вблизи норвежской границы⁶⁶.

Понимая, что задуманное нельзя осуществить без Англии, Карл Юхан отправил в Лондон полковника Магнуса Бьёрншерну, которому было поручено попытаться получить по крайней мере согласие англичан на присоединение Норвегии⁶⁷. Бьёрншерн вез письмо Карла Юхана английскому принцу-регенту Георгу, в котором аргументировалась необходимость для Швеции присоединить Норвегию до высадки в северной Германии. Карл Юхан писал, что если экспедиция против о-ва Зеландия не осуществится из-за отсутствия русских войск, то Швеция должна начать операции против Норвегии⁶⁸. 18 сентября шведский наследный принц в беседе с Сухтеном выяснял осторожно его мнение относительно нападения на Норвегию. Русский дипломат, хорошо информированный о шведских планах, старался отговорить Карла Юхана от этого предприятия⁶⁹.

20 сентября Карл Юхан отправил Александру новое письмо, в котором писал об ожидании результатов битвы между русскими и французскими войсками. Ссылаясь на события в Испании, он всячески подбадривал Александра, в то же время деликатно указывал ему на необходимость присылки обещанных войск: «Рим послал армию

⁶⁴ *Waller S. Abomötet..., s. 76.*

⁶⁵ *Weibull J. Op. cit., s. 80—81.*

⁶⁶ *Ibid., s. 78.*

⁶⁷ *Ibid., s. 82.*

⁶⁸ Карл Юхан — английскому принцу-регенту Георгу, 19 сентября 1812 г., копия. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10824, лл. 38—39.

⁶⁹ Сухтелен — Александру I, 7(19) сентября 1812 г. — ВПР, т. VI, док. 238.

в Африку, чтобы изгнать Ганнибала из Италии, побежденный Митридат сохранял надежду на то, что он пойдет со своей армией добиваться мира у сената Рима. Если в.в-во сможет предоставить в мое распоряжение армию, которую Вы обещали, император Наполеон, пусть даже он займет Москву и Петербург, сам будет вынужден до мая вести войну на берегах Эльбы и Везера. События быстро следуют друг за другом, что заставляет ценить каждое мгновение; жаль, если нам придется пожалеть, что мы не воспользовались этим обстоятельством; на войне это все, и потом редко обретают утраченный случай»⁷⁰. Все больше и больше Карл Юхан проникался пессимистическими настроениями в отношении прибытия русских войск, в то же время он не оставлял мысли об организации похода в Норвегию.

26 сентября были отданы новые приказания распустить по домам рядовой состав десяти полков⁷¹. Это решение в ряде работ трактовалось как окончательная приостановка шведских вооружений и отказ от каких-либо военных операций в 1812 г.⁷² Однако, по убедительному утверждению Е. Вейбулла, этот приказ не влиял фактически на подготовку норвежской операции, поскольку он имел весьма ограниченное действие и к тому же в нем оговаривалось, что необходимо иметь возможность вновь быстро собрать рядовой состав по первому приказу. В пользу того, что шведское руководство не отказалось к этому времени от планов активного выступления, говорит и инструктивное письмо Карла Юхана К. Лёвенгельму, в котором шведскому посланнику поручалось заявить Александру, что нужно поторопиться с присылкой русских войск до 10 октября⁷³.

Главной причиной окончательного отказа шведов от каких-либо активных действий в 1812 г. были полученные в начале октября из Петербурга сообщения о падении Москвы, в частности упоминавшееся письмо Александра от 1 октября. В октябре Энгстрём сообщил Рехаусену в Лондон, что шведское правительство окончательно решило отказаться от нападения на Норвегию

⁷⁰ Correspondance, 1909, р. 33—35; см. также: Карл Юхан — Лёвенгельму, 20 сентября 1812 г. — SRA BPA.

⁷¹ Weibull J. Op. cit., s. 78—79.

⁷² Этого мнения придерживались С. Валлер и С. Карлссон.

⁷³ Карл Юхан — Лёвенгельму, 26 сентября 1812 г. — SRA BPA.

и отложить активное вмешательство в континентальную войну до весны следующего года⁷⁴. 8—13 октября были отданы соответствующие приказы об отмене вооружений и роспуске по домам рядового и офицерского состава. Военно-морской флот возвращался в порты своих постоянных стоянок, предназначавшиеся для перевозки войск суда возвращались владельцам⁷⁵. Сообщая о принятых решениях в Петербург, Карл Юхан старался подчеркнуть свое стремление укреплять союз с Россией⁷⁶.

10 октября шведский министр иностранных дел Энгстрём вручил Сухтелену ноту. Русский дипломат уведомлялся, что, поскольку русские войска вовремя не прибыли и содержание шведской армии становится все более дорогостоящим, ей отдан приказ возвращаться на зимние квартиры. При этом шведское правительство заверяло, что все склады припасов и средства транспорта остаются наготове и что «через десять дней после извещения о предстоящей высадке русских войск шведская армия придет в движение, чтобы к ним присоединиться»⁷⁷.

Таким образом, после абоской встречи события развернулись иначе, чем намечала конвенция. С. Валлер убедительно старался доказать, что все шло, как и предполагал Карл Юхан, который уже в Або знал, что русские войска не придут. По нашему мнению, как одна из возможностей такая перспектива принималась в расчет и Карлом Юханом, и Александром, хотя вряд ли они ее обсуждали. Тем не менее шведы готовились к предстоящему десанту, и, если бы русские войска прибыли, события на Севере в 1812 г. приняли бы иной оборот.

Каковы же результаты русско-шведских отношений в первые три месяца Отечественной войны? Неподготовленность Швеции к экспедиции и неурегулированность отношений с Англией привели в июне — июле к новой отсрочке запланированных совместных действий против Дании и десанта в северной Германии. Хотя абоская

⁷⁴ Weibull J. Op. cit., s. 84.

⁷⁵ Ibid., s. 79.

⁷⁶ Карл Юхан — Александру I, 6 октября 1812 г. — Correspondance, 1909, р. 41—42. Карл Юхан — Лёвенгельму, 6 октября 1812 г. — SRA BPA.

⁷⁷ Сухтелен — Румянцеву, № 165, 28 сентября (10 октября) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10826, лл. 63 и об., 70—71.

встреча и определила новые сроки, они остались на бумаге, так как на этот раз уже Россия была не в состоянии выделить необходимого количества войск. В конечном счете такое положение очень устраивало Карла Юхана, не решавшегося втягиваться в борьбу в столь угрожающей для России обстановке. Отсутствие обещанных русских войск снимало со Швеции всякую ответственность, ее бездеятельность не могла скомпрометировать Карла Юхана в глазах России и Англии.

Однако, несмотря на то что в 1812 г. Швеция в войну так и не вступила, русско-шведский союз благодаря конвенции, заключенной в Або, укрепился. Даже позиция шведского благожелательного нейтралитета была для России очень выгодна в тяжелых условиях сентября — октября 1812 г. К. Маркс справедливо подчеркивал значение Абоского соглашения для России, которая, «без малейших жертв, обеспечила себе неоценимый в тот момент союз с Швецией»⁷⁸. Русское правительство могло быть спокойно за северо-западный фланг. Переброшенный в Прибалтику 15-тысячный корпус генерала Штейнгеля, конечно, не повлиял на исход войны под Москвой, но он значительно усилил русские войска в этом районе. Его прибытие даже позволило перейти в начале октября в наступление и отбросить французов от Риги. 7(19) октября войска генерала Витгенштейна, куда был влит корпус Штейнгеля, освободили Полоцк, нанеся французам первое серьезное поражение за всю кампанию⁷⁹.

⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 168.

⁷⁹ Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974, с. 300.

Разрыв Швеции с наполеоновской Францией и русская дипломатия

После того как в начале октября стало очевидно, что задуманная русско-шведская экспедиция в течение 1812 г. уже не состоится, в центре русско-шведских отношений был вопрос об окончательном разрыве Швеции с наполеоновской Францией. Дело в том, что между Швецией и Францией все еще поддерживались дипломатические отношения, в Стокгольме продолжал исполнять свои обязанности французский поверенный в делах Кабр. Главной задачей русской дипломатии в период после Або оставалось оформление и укрепление антинаполеоновской коалиции, прежде всего союзнических отношений между Россией, Швецией и Англией. Нужно было побудить Швецию открыто порвать с Наполеоном, и здесь интересы России и Англии совпадали.

После срыва совместной экспедиции Карл Юхан занял выжидательную позицию. Основные усилия шведской дипломатии были направлены на то, чтобы добиться от Англии присоединения к известным условиям русско-шведских соглашений, т. е. гарантии присоединения Норвегии к Швеции, а также выплаты субсидий. К октябрю 1812 г. Англия фактически выплатила Швеции вместо обещанных 500 тыс. ф. ст. всего 100 тыс., мотивируя это тем, что Швеция не участвует в войне¹. Посылая в Лондон Бьёрншерне новые инструкции, Карл Юхан надеялся уговорить английское правительство согласиться на его требования: гарантию Норвегии, субсидии плюс остров в Вест-Индии, пообещав весной 1813 г. предпринять диверсию в северной Германии². Во время переговоров с Бьёрншерной Каслри заявил о согласии

¹ Карл Юхан — Лёвенгельму, 12 октября 1812 г. — SRA BPA.

² Morén F. W. Kring 1812 års politik. Stockholm, 1927, s. 47—48.

Англии не только поддержать шведские акции против Норвегии и о-ва Зеландия, но и присоединиться к русско-шведским договорам, однако лишь в том случае, если шведы открыто выступают против Наполеона. Швеции предлагалось порвать дипломатические отношения с Францией, выслать из страны Кабра, а также установить дипломатические отношения с антинаполеоновским так называемым Кадисским регентством Испании, которое действовало от имени короля Фердинанда VII, низложенного и плененного Наполеоном в 1808 г.³

Таким образом, частный сам по себе вопрос о признании Швецией Кадисского регентского совета стал одним из центральных в европейской дипломатической игре осенью 1812 г., поскольку от этого признания зависело укрепление антинаполеоновской коалиции. В исторической литературе северных стран ход переговоров, которые привели в конце ноября 1812 г. к заключению испано-шведского договора, почти не нашел отражения, хотя и Ф. М. Мурен, и Т. Хейер, и П. Томмила не только упоминают это соглашение, но и подчеркивают его значение⁴. Гораздо полнее и обстоятельнее история заключения испано-шведского договора 1812 г. дана в испанской историографии, в частности в монографии Вилла-Уррутиа об испано-английских отношениях в конце наполеоновских войн⁵. В работе Х. Беккера об испанской внешней политике XIX в. на основании дипломатической переписки изложен ход переговоров, проходивших в Стокгольме осенью 1812 г., и последующие события. Однако на активной деятельности русской дипломатии Х. Беккер почти не остановился⁶.

³ Каслри — Торитону, 10 октября 1812 г. — СНВФР, 1922, р. 594; Рехаусен — Энгестрёму, 10 октября 1812 г. — *Morén F. W. Op. cit.*, s. 48—49; Сухтелен — Румянцеву, № 180, 11 (23) октября 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10826, лл. 93—94; Николай — Румянцеву, № 7, 22 октября (3 ноября) 1812 г. — Там же, д. 6820, л. 13 об. О положении в Испании см.: *Майский И. М. Испания 1808—1917. М., 1957.*

⁴ *Morén F. W. Op. cit.*, s. 99—100; *Carlsson S., Höjer T. T. Den svenska utrikespolitikens historia*, d. III: 1—2. Stockholm, 1954, s. 172; *Tommila P. La Finlande dans la politique européenne en 1809—1815. Helsinki, 1962*, p. 385—389.

⁵ *Villa-Urrutia W. R. Relaciones entre España e Inglaterra durante la guerra de la independencia*, v. 3. Madrid, 1914.

⁶ *Becker J. Historia de las relaciones exteriores de España durante el siglo XIX*, t. I. Madrid, 1924.

Вопрос о восстановлении дипломатических и торговых отношений между Испанией и Швецией практически встал летом 1812 г., хотя еще зимой Карл Юхан говорил П. А. Николаи о необходимости сотрудничества с Кадисским регентством и разрыва с королем Жозефом Бонапартом⁷. Со своей стороны Кадисское регентство было заинтересовано в признании его формально нейтральной Швецией, что должно было повысить авторитет этого правительства в международном и внутриполитическом плане. Швеция также была заинтересована в восстановлении дипломатических и особенно торговых связей с Испанией, куда шведские железопромышленники хотели бы сбывать железо⁸. Кроме того, восстановление отношений должно было укрепить доверие англичан к бывшему наполеоновскому полководцу. Однако шведское правительство не спешило делать этот шаг, хотя и вело переговоры с представителями Испании. Эта сдержанность была вызвана двумя обстоятельствами. Во-первых, признание регентства в качестве правительства Испании сразу же делало очевидной для всех антинаполеоновскую позицию Карла Юхана, поскольку союз с Россией в то время оставался официально в секрете. Успехи французов в России заставляли шведское правительство быть осторожным. Оно даже опасалось, впрочем безосновательно, сепаратного мира между Наполеоном и Россией⁹, что поставило бы Швецию в крайне затруднительное положение. Во-вторых, победы Наполеона усиливали влияние профранцузских кругов в Швеции. Помимо этого, лично для Карла Юхана установление отношений с Кадисом означало окончательный разрыв с наполеоновской династией, со своим родственником Жозефом, узы с которым ранее намечалось укрепить браком дочери Жозефа с Оскаром, сыном Карла Юхана¹⁰.

⁷ Николай — Румянцеву, № 71, 20 января (1 февраля) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10822, л. 46 и об.

⁸ Сухтелен — Румянцеву, № 152, 17 (29) сентября 1812 г. — Там же, д. 10826, л. 48 и об.

⁹ Сухтелен — Румянцеву, № 187, 24 октября (5 ноября) 1812 г. — Там же, л. 101. — ВПР, т. VI, прим. 649.

¹⁰ Козловский — Румянцеву, № 1, 1 (13) ноября 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10830, л. 5; см. также: *Зак Л. А. Англия и германская проблема (из дипломатической истории наполеоновских войн). М., 1963*, с. 109—110.

Начало переговоров между Кадисским регентством и шведским правительством было положено испанским дипломатом Зеа Бермудесом. Направляясь в Петербург в качестве посланника, 16 июня он приехал в Стокгольм. После встречи с Карлом Юханом он сообщил в Кадис о возможности заключения испано-шведского союза при условии, если Испания выплатит Швеции 500 тыс. песо и предоставит в ее распоряжение полк солдат для участия в экспедиции на континент. Соответствующие полномочия Зеа Бермудес предлагал послать бывшему испанскому посланнику в Стокгольме П. Морено, проживавшему в шведской столице как частное лицо¹¹.

Установление дипломатических отношений между Россией и кадисским правительством значительно укрепило его внешнеполитические позиции и должно было повлиять на отношения Испании со Швецией. 8(20) июля был подписан испано-русский договор в Великих Луках¹², а через три дня Н. П. Румянцев дал П. К. Сухтелену указание сообщить о договоре Карлу Юхану и поддерживать с Морено «самые лучшие отношения»¹³. Кстати, известие о Великолукском договоре так воодушевило испанского дипломата, что он решил начать переговоры о восстановлении отношений со Швецией сразу же после возвращения шведского двора из летней резиденции в Стокгольм¹⁴.

Однако переговоры несколько задержались, прежде всего потому, что соответствующие инструкции и полномочия Морено получил только к концу сентября. 28 сентября состоялась первая встреча Морено с Карлом Юханом, во время которой обсуждались условия восстановления отношений. Шведская сторона, помимо заключения политического договора, настаивала на торговом соглашении с Испанией. Морено не соглашался, дело таким образом неожиданно застопорилось. Потребовалось вмешательство Сухтелена и Торнтонна, чтобы, по словам русского дипломата, с одной стороны, «умерить пыл Море-

но, а с другой — побудить шведское правительство отказаться от своих претензий»¹⁵. Тогда Карл Юхан попросил Сухтелена, чтобы тот предложил Торнтону добиться от английского правительства выплаты всей обещанной суммы и согласия на присоединение Норвегии к Швеции, а испанскому дипломату добиться от своего правительства присылки небольшого контингента испанских войск для участия в совместной экспедиции. Лишь в этом случае шведский наследный принц соглашался признать правительство Фердинанда VII, подписать с Испанией политический договор и выслать Кабра¹⁶. Аналогичное предложение было направлено через Рехаусена в Лондон¹⁷.

В начале октября испано-шведские отношения обсуждались Торнтонном и Сухтеленем, которые усматривали в задержке подписания соглашения влияние профранцузских элементов в шведских правящих кругах, поддерживавшихся, по их мнению, королем¹⁸.

На самом деле причина не столько в этом, сколько в большой осторожности шведского правительства. Оно стремилось получить реальные выгоды от занятой позиции до окончательного разрыва с наполеоновской Францией. Англичане же все время втолковывали Рехаусену, что если их правительство согласится на представленные шведские условия, то не добьется одобрения парламента. Шведы должны признать Кадисское регентство и выслать Кабра — тогда Англия удовлетворит их требования¹⁹.

Эту точку зрения разделяло и правительство России, которое, ведя тяжелую борьбу с Наполеоном, было заинтересовано в укреплении антинаполеоновской коалиции. Поэтому Сухтелен и принял самое активное участие в давлении на шведское правительство. В начале ноября Сухтелен в беседе с Энгестрёмом вновь напомнил о необходимости признать Морено испанским посланником, заключить с ним договор, а также выслать из Швеции Кабра. Энгестрём в ответ заявил, что Швеция согласна,

¹¹ Eggers E. R., Colombi E. F. Francesco de Zea Bermudez y su epoca. Madrid, 1953, p. 51.

¹² ВПР, т. VI, док. 202.

¹³ Румянцев — Сухтелену, 11(23) июля 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10827, л. 103.

¹⁴ Сухтелен — Румянцеву, № 116, 25 июля (6 августа) 1812 г. — Там же, д. 10825, л. 406.

¹⁵ Сухтелен — Румянцеву, № 152, 17(29) сентября 1812 г. — Там же, д. 10826, л. 48 и об.

¹⁶ Сухтелен — Александру I, 22 сентября (10 октября) 1812 г. — Там же, д. 10824, лл. 42—44 об.

¹⁷ Morén F. W. Op. cit., s. 99.

¹⁸ Сухтелен — Румянцеву, № 159, 20 сентября (2 октября) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10826, лл. 55 об.—56.

¹⁹ Morén F. W. Op. cit., s. 100.

но восстановление испано-шведских отношений и разрыв с Францией явятся лишь следствием присоединения Англии к русско-шведскому союзу, по крайней мере Англия должна согласиться на переход Норвегии под власть Швеции. Сухтелен, по его словам, был несколько удивлен, поскольку раньше препятствием для заключения испано-шведского соглашения было шведское предложение о заключении торгового договора.

Сославшись на неясность военного положения в Испании, Морено отклонил предложение о подписании торгового договора; он лишь согласился включить в политический договор статью, предусматривавшую заключение такого договора в будущем. Шведам также предоставлялись бы в испанских владениях права наиболее благоприятствуемой нации. Чтобы больше заинтересовать шведов, Сухтелен заверил Энгестрёма, что с помощью Торнтона берется убедить Морено включить в политическое соглашение временную статью, по которой Испания обязалась бы ввозить ежегодно определенное количество шведского железа в обмен на необходимые Швеции испанские товары или за деньги. Испания, кроме того, должна была бы предоставить Швеции несколько тысяч солдат и денежную субсидию.

Со стороны Морено никаких препятствий не возникло. Когда русский дипломат сообщил ему о своих предложениях, испанец заявил, что «подпишет все, что Сухтелен сочтет подходящим»²⁰. Шведское правительство все же продолжало настаивать на своих условиях²¹. Однако, поскольку положение на русском фронте начало коренным образом меняться, ему пришлось пересмотреть свою позицию.

С конца октября в Стокгольм стали поступать сведения о тяжелом положении французских армий в России²², и это, естественно, меняло позицию шведских правящих кругов. Влияние профранцузских элементов резко падало. Значительно меньше опасались теперь сепаратного русско-французского мира. В то же время

падало значение Швеции в антинаполеоновской коалиции. Противоречия в позиции шведов стали еще заметнее. Это было отмечено русским дипломатом П. Б. Козловским, находившимся в Стокгольме проездом. Характеризуя «странную картину», которую он видел в министерстве иностранных дел Швеции, Козловский писал: «Там я слышал самые кровавые проекты против Наполеона и его союзников, которых называли рабами в присутствии австрийских, прусских и датских чиновников, и одновременно в городе существует поверенный в делах Франции... Еще более странным это положение делает то, что Морено, которого отказываются признать посланником, принимают там самым дружеским образом»²³.

Шведский представитель в Лондоне Рехаусен настаивал на немедленном признании Фердинанда VII испанским королем, подчеркивая в своих донесениях Л. Энгестрёму, что задержка очень повредит Швеции в Лондоне²⁴. О сильном раздражении английского правительства позицией Швеции сообщал и русский поверенный в делах в Лондоне П. А. Николаи²⁵. Дело дошло до того, что это недовольство вылилось в прямое осуждение шведов в тронной речи принца-регента Георга в парламенте 30 ноября 1812 г.²⁶

Твердая позиция России и Англии делала все настоятельней для Швеции необходимость признания кадисского правительства. Уже 5 ноября в беседе с Сухтеленом Карл Юхан заявил о своей готовности подписать испано-шведское соглашение и попросил его вместе с Морено составить проект договора²⁷. В работе по подготовке текста соглашения приняли также участие Торнтон и крупный испанский дипломат и государственный деятель Эусебио Бардахи-и-Азара, прибывший в Стокгольм 12 ноября 1812 г. Он был назначен новым испанским

²⁰ Сухтелен — Румянцеву, № 187, 22 октября (3 ноября) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10826, лл. 103 об. — 105 об.

²¹ Сухтелен — Румянцеву, № 192, 25 октября (6 ноября) 1812 г. — Там же, л. 111 об.

²² Сухтелен — Румянцеву, № 193, 29 октября (10 ноября); № 196, 1 (13) ноября 1812 г. — Там же, лл. 113 — 114 об., 120 — 123.

²³ Козловский — Румянцеву, № 1, 1 (13) ноября 1812 г. — Там же, д. 10830, л. 5.

²⁴ Донесения Рехаусена Энгестрёму от 10 и 20 ноября 1812 г. см.: *Morén F. W.* Op. cit., s. 99.

²⁵ Николаи — Румянцеву, № 9, 29 октября (10 ноября) 1812 г.; № 11, 5 (17) ноября 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 6820, лл. 17 — 18 об., 26 — 27.

²⁶ См.: *Зак Л. А.* Указ. соч., с. 64 — 65.

²⁷ Сухтелен — Румянцеву, № 192, 25 октября (6 ноября) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10826, лл. 111 — 112.

посланником в Петербург, и, по мнению Сухтелена, его участие должно было ускорить переговоры. На следующий день после приезда Бардахи-и-Азара русский дипломат высказал в донесении Румянцеву надежду, что переговоры о восстановлении испано-шведских отношений «закончатся к взаимному удовлетворению»²⁸.

15 ноября Сухтелен представил Карлу Юхану проект шведско-испанского договора о восстановлении дипломатических и торговых отношений и военном союзе²⁹. Обе стороны должны были распространить друг на друга принцип наибольшего благоприятствования, а также заключить в будущем торговое соглашение. По проекту испанское правительство обязалось предоставить в распоряжение Карла Юхана для совместной русско-шведской экспедиции корпус численностью 1500—2000 солдат. Вопрос об испанской субсидии Швеции решался в проекте следующим образом: «Желая дать доказательство своей доброй воли своего содействия общей цели, но не считая себя в состоянии в настоящий момент помочь Швеции денежной помощью звонкой монетой, е. католическое в-во (испанский король.— В. Р.) обязуется допустить в испанские порты шведские суда с товарами, произведенными в их собственной стране, и разрешить им свободный выход с товарами, произведенными в государствах вышеназванного величества, не взимая установленных пошлин и налогов. Эти установленные пошлины и налоги будут взиматься шведским правительством не свыше суммы в 500 тыс. испанских пиастров согласно регламенту, который для этого необходимо составить»³⁰.

В целом проект был одобрен Карлом Юханом, но то, как шведы должны были получить по нему деньги, его не удовлетворило³¹. Шведские финансы после тяжелых потрясений 1808—1809 гг. были все еще не упорядочены: для организации экспедиции на континент и для осуществления норвежских планов нужны были деньги, которые шведское правительство стремилось получить отовсюду

и как можно скорее. На помощь испанским дипломатам пришел Торнтон, заявивший во время обсуждения шведских условий с Сухтеленом, Бардахи-и-Азара и Морено, что английское правительство сможет предоставить Испании средства, необходимые для выплаты шведам субсидии³². Однако подписание соглашения было вновь отложено, так как шведское правительство сделало еще одну попытку добиться согласия Англии на свои условия. Под нажимом русского и английского дипломатов шведам пришлось уступить. Но как сообщал в Петербург Сухтелен, эта отсрочка привела к тому, что первая партия испанских солдат была задержана в Испании и не смогла прибыть в Швецию до наступления зимы, как предполагалось ранее³³.

25 ноября 1812 г. Морено и Энгестрём наконец подписали испано-шведский союзный договор, во многом повторявший проект, представленный Сухтеленом. Статья относительно испанских субсидий Швеции приобрела в договоре несколько иное содержание: «Желая по возможности возместить Швеции чрезвычайные расходы, которые она уже сделала и еще будет вынуждена сделать для содействия успеху общего дела, е. католическое в-во обязуется предоставить е. в-ву королю Швеции сумму в 500 тыс. испанских пиастров, из которых 200 тыс. будут выплачены звонкой монетой, половина в мае, а остаток к концу июля следующего года. 300 тыс. пиастров... будут выплачены в будущем году в шелках, вине и других товарах, произведенных испанской землей, на выбор е. католического в-ва». К маю 1813 г. Испания должна была предоставить корпус в 1500—2000 солдат, в отличие от проекта полностью снаряженных и оплаченных Испанией. Договор предусматривал также возможность отправки шведских войск в Испанию³⁴.

Несмотря на то что ноябрьский договор так и остался не ратифицированным из-за позиции испанского правительства и не вступил в действие³⁵, значение этого

²⁸ Сухтелен — Румянцеву, № 197, 198, 1(13) ноября; № 199, 5(17) ноября 1812 г. — Там же, лл. 124—127.

²⁹ Сухтелен — Румянцеву, № 199, 5(17) ноября 1812 г. — Там же, л. 127 и об.

³⁰ Проект испано-шведского договора см. там же, лл. 128—131 об.

³¹ Сухтелен — Румянцеву, № 199, 5(17) ноября 1812 г. — Там же, л. 127 об.

³² Becker J. Op. cit., p. 268; Scott J. B. Bernadotte and the Fall of Napoleon. Cambridge (Mass.), 1935, p. 31.

³³ Сухтелен — Румянцеву, № 199, 5(17) ноября 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10826, л. 132.

³⁴ Копия текста испано-шведского договора от 25 ноября 1812 г. — Там же, лл. 152—153, см. также: ВПР, т. VII, прим. 37.

³⁵ Кадисское регентство отказалось ратифицировать договор из-за условий относительно торговли, субсидий и вспомогательного

акта было большим. Известие о его подписании рассеяло имевшиеся в Лондоне подозрения на счет Карла Юхана. По свидетельству шведского дипломата Рехаусена, находившегося в английской столице, Каслри совершенно изменил тон в отношении Швеции³⁶. Договор устранил главное препятствие для присоединения Англии к русско-шведскому союзу, тем более что вслед за подписанием испано-шведского соглашения последовала и высылка французского поверенного в делах. Еще в начале октября Энгестрём напомнил Кабру, что Франция не дала никаких объяснений по поводу оккупации Померании в январе 1812 г., и в связи с этим французскому дипломату было предложено выехать из Стокгольма в какой-нибудь другой шведский город³⁷. Ведя переговоры о соглашении с Испанией, Швеция под нажимом английской и русской дипломатии подготавливала открытый разрыв с наполеоновской Францией. Так, в ноябре был опубликован смертный приговор, заочно вынесенный генералу Пейрону, сдавшему без боя Померанию французам³⁸.

Однако и после подписания договора с Испанией шведское правительство не сразу выслало Кабра. Причину этого Карл Юхан объяснил Сухтелену следующим образом. Наполеон якобы готовит заговор против шведского наследного принца, и к этому причастен французский поверенный в делах. Поскольку вся переписка и связи Кабра известны Карлу Юхану, то с его высылкой

перестанет поступать ценная информация из Франции. Карл Юхан просил Сухтелена в частном порядке довести до сведения английского правительства эти соображения, что русский дипломат взялся сделать через Николаи, занимавшего теперь пост поверенного в делах России в Лондоне³⁹.

Но, видимо, это не повлияло на позицию Англии, да и обстановка требовала от Швеции решительных действий. Только теперь Карл Юхан считал возможным официально разорвать с Францией. Уже с ноября Энгестрём в переписке с Кабром опускал титул «поверенный в делах» и потребовал от него обращаться в шведское министерство иностранных дел не прямо, а через датского поверенного в делах Баудиссина⁴⁰.

20 декабря Энгестрём направил французскому поверенному в делах ноту с требованием покинуть шведское королевство, так как Франция не представила давно требуемые объяснения по поводу вступления французов в шведскую Померанию и нападений французских каперов на шведские торговые суда⁴¹. Это означало официальный разрыв дипломатических отношений Швеции с наполеоновской Францией. В начале января 1813 г. шведское правительство в пропагандистских целях опубликовало доклад Энгестрёма Карлу XIII с подборкой дипломатических документов, раскрывающих отношения Франции и Швеции с 1810 г., начиная от французского ультиматума об объявлении войны Англии⁴².

корпуса. Русская дипломатия пыталась воздействовать на Испанию, но уже весной 1813 г. положение в Европе настолько изменилось, что испано-шведские отношения отошли на третий план. В марте 1813 г. был заключен и в начале июня ратифицирован новый договор между Испанией и Швецией, предусматривавший восстановление дипломатических и торговых отношений, признание Швецией испанских кортесов и урегулирование в будущем торговых отношений. Договор провозглашал союз между Швецией и Испанией, но никаких практических шагов для его реализации не намечал. См. подробнее: ВПР, т. VII, док. № 18, прим. 35—37; *Рогинский В. В.* Испано-шведский договор 1812 года и русская дипломатия. — В кн.: Проблемы испанской истории. 1975. М., 1975, с. 213—223; *Becker J.* Op. cit., p. 270—272.

³⁶ См.: *Morén F. W.* Op. cit., s. 100—101.

³⁷ Сухтелен — Румянцеву, № 166, 28 сентября (10 октября) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 10826, л. 64 и об.

³⁸ Сухтелен — Румянцеву, № 201, 5(17) ноября 1812 г. — Там же, л. 135. Сам Пейрон находился в плену.

³⁹ Сухтелен — Румянцеву, № 217, 1(13) декабря 1812 г. — Там же, л. 168.

⁴⁰ Сухтелен — Румянцеву, № 217, 1(13) декабря 1812 г. — Там же, л. 169 об.

⁴¹ Нота Энгестрёма Кабру, 20 декабря 1812 г. — Там же, лл. 186—187; «Le Conservateur impartial», 21 février 1813, Supplement, p. 87; см. также: Сухтелен — Румянцеву, № 225, 7(19) декабря и № 226, 8(20) декабря 1812 г. — Там же, лл. 184—185.

⁴² *Engeström L. von.* Rapport à S. M. le Roi de Suède. Par son ministre d'Etat et des affaires étrangères en date de Stockholm de 7 janvier 1813. Publié par ordre du Roi. Stockholm, 1813 (Отдел редкой книги Государственной библиотеки им. В. И. Ленина). Эти материалы были перепечатаны русской прессой: «Le Conservateur impartial», Supplement, 1812, 11, 14, 21 février 1813; «Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света». М., 1813, ч. 1, кн. I—II, январь — февраль.

Таким образом, окончательный разрыв Швеции с наполеоновской Францией произошел на исходе 1812 г., он устранял препятствия на пути англо-шведского соглашения. В начале 1813 г. британское правительство приняло решение подписать союзный договор со Швецией, согласиться на ее условия и гарантировать присоединение Норвегии. В выработке инструкций английского уполномоченного генерала Хоупа принял участие и русский посол в Лондоне Х. А. Ливен. 3 марта 1813 г. в Стокгольме наконец был подписан англо-шведский договор, явившийся следующим после русско-шведских соглашений 1812 г. камнем в фундаменте складывавшейся антинаполеоновской коалиции. Договор значительно усилил позицию Швеции в отношении Дании⁴³. Однако в силу общего изменения соотношения сил в Европе, вызванного разгромом Наполеона в России, значение Швеции в борьбе против Франции уменьшилось. На первое место вышла Пруссия, вступившая в союз с Россией.

Большое значение для Александра I имели теперь отношения с Австрией, которая порвала с Наполеоном и заняла выжидательную позицию, и с Данией, особенно после того как в марте 1813 г. русские войска освободили Гамбург и Дания с герцогствами оказалась у них в тылу. В это время отчетливо проявилось стремление Александра, не порывая со Швецией и не отказываясь от условий договоров 1812 г., добиться от Дании согласия на мирную уступку Норвегии и присоединения к антинаполеоновской коалиции⁴⁴.

В конце апреля 1813 г. шведские войска под командованием Карла Юхана высадились в шведской Померании, которую французы к тому времени уже очистили. Начинать военные действия против Наполеона шведский наследный принц не торопился. Путем сложных дипломатических переговоров шведско-датский конфликт разре-

шить не удалось. Летом 1813 г. датчане возобновили союз с Наполеоном, а Карл Юхан, встав во главе сотысячной Северной армии союзников, куда влились и шведские войска, отправился на основной театр военных действий. Лишь после решающей победы над Наполеоном, в «битве народов» под Лейпцигом, в октябре 1813 г. шведскому наследному принцу удалось убедить руководителей антинаполеоновской коалиции в необходимости разгрома Дании. Короткая военная кампания в Шлезвиг-Гольштейне окончилась поражением датчан. 14 января 1814 г. в Киле был подписан датско-шведский мирный договор, по которому Норвегия переходила к Швеции. Таким образом, цель «политики 1812 года» была достигнута.

⁴³ Текст англо-шведского договора см.: *Angeberg (Chodzko L.). Le Congrès de Vienne et les traités de 1815, v. I. Paris, 1864, p. 2—5; British and Foreign State Papers, Vol. I (1812—1814), Pt I. London, 1841, p. 296—301. О переговорах, предшествовавших его заключению, подробно см.: Зак Л. А. Указ. соч., с. 106—113; Morén F. W. Op. cit., s. 142—160; Olsson H. Till frågan om «1813 års politik». — SHT, 1959, h. 3.*

⁴⁴ Подробнее см.: ВПР, т. VII, док. 8, 9, 37, 47, 58, 69, 86, прим. 16—18, 54, 80, 100, 143.

В многовековой истории взаимоотношений России и Швеции период 1809—1815 гг., прежде всего 1812 год, занимает особое место. В основе внешнеполитического курса Швеции, направленного на отказ от великодержавных, экспансионистских устремлений на восток, лежал почти вековой опыт. Тенденция к миру и сближению с Россией, которая начала пробиваться уже после Северной войны 1700—1721 гг., стала определяющей.

«Верхушечная» буржуазная революция в Швеции 1809—1810 гг. покоячила с полуабсолютистской густавианской монархией, власть в стране перешла в руки обуржуазившегося крупного дворянства, усилились позиции торгово-мануфактурной буржуазии. Национальные интересы Швеции требовали сближения с Россией, хотя осознание этого правящими кругами произошло не сразу. Несмотря на сильные реваншистские настроения, тенденция к сближению с Россией пробивала себе дорогу, сочетаясь с экспансионистскими планами в отношении Норвегии, принадлежавшей Дании. Знаменосцем прорусской политики стал, как ни парадоксально, избранный в августе 1810 г. шведским престолонаследником, наследным принцем, французский маршал Ж. Б. Бернадот, принявший имя Карл Юхан. Важными дополнительными моментами в формировании нового внешнеполитического курса были заинтересованность Швеции в торговых связях с Англией и грубое давление Наполеона с целью заставить страну присоединиться к континентальной блокаде.

Для России в перспективе предстоящего неизбежного столкновения с Наполеоном сближение со Швецией представляло первостепенную важность. Это было тем более необходимо, что в планы Наполеона входило привлечение этой страны к антирусскому походу. Начавшись в конце

1810 г. зондирующими переговорами Карла Юхана с русскими дипломатами, русско-шведское сближение в 1811 г. происходило крайне медленно и осторожно.

Обострение общеевропейской ситуации во второй половине 1811 г. привело к дальнейшему сближению двух государств. Русское правительство продолжало выяснение подлинных намерений Швеции. Карл Юхан со своей стороны начал осторожную подготовку общественного мнения к смене внешнеполитического курса. К началу 1812 г. почва для русско-шведского союза была в основном готова. Одним из главных препятствий оставались сильные антирусские, реваншистские, профранцузские настроения в стране. Удар по этим настроениям нанесло вторжение французов в шведскую Померанию. Оно развязало руки Карлу Юхану, который не замедлил обратиться с предложениями союза к России и к Англии. Однако оккупацию Померании не следует рассматривать как причину русско-шведского союза. Это был скорее сигнал к действиям. Сразу же после наполеоновской акции русское правительство решило пойти на союз со Швецией.

Союзный договор между Россией и Швецией, заключенный 24 марта (5 апреля) 1812 г. в Петербурге, стал одним из важнейших событий в предыстории Отечественной войны 1812 г. Как первое звено в складывающейся новой антинаполеоновской коалиции, он явился первым поражением Наполеона на дипломатической арене. Швеция отказывалась от реваншистских устремлений за поражение в войне с Россией в 1808—1809 гг. Договор подтверждал условие Фридрихсгамского мирного трактата о переходе Финляндии к России, которая соглашалась на переход Норвегии к Швеции. Россия и Швеция договорились осуществить совместную экспедицию против союзной Наполеону Дании, чтобы принудить ее уступить Норвегию. Они также предполагали высадиться в северной Германии и нанести удар по тылам наполеоновских войск. Русско-шведский союзный договор и дополнившие его в июне и августе конвенции стали основой так называемой шведской «политики 1812 года».

Под этим термином, на наш взгляд, следует понимать новый внешнеполитический курс, постепенно принятый Швецией после войны 1808—1809 гг. Главным в этом курсе был отказ Швеции от реванша за поражение в войне, реалистическое признание статус-кво на севере

Балтики, поддержка дружественных союзных отношений с Россией, а также стремление к захвату Норвегии, которое к концу XVIII в. стало основной целью шведской внешней политики. «Политика 1812 года» явилась объективным результатом буржуазной революции 1809—1810 гг. Определенная ограниченность ее итогов сказалась в том, что отказ от великодержавных устремлений был лишь частичным. Явно нереальная реваншистская цель сменилась более достижимой — объектом экспансии стала Норвегия. В. И. Ленин отмечал, что «Норвегию отдали Швеции монархи во время наполеоновских войн, вопреки воле норвежцев...»¹

«Политика 1812 года» представляла собой компромисс между течениями внутри шведских правящих кругов. Она объединила различные тенденции во внешней политике страны: стремление к мирным и дружеским отношениям с Россией, за которое в XVIII в. выступали «колпаки», затем «младшие колпаки», и экспансионистские, агрессивные устремления в отношении Норвегии, представлявшие собой давнюю цель шведских королей начиная с Карла X Густава.

Хронологические рамки становления и осуществления «политики 1812 года» можно определить 1809 и 1815 гг., а центральным звеном этой политики были соглашения 1812 г., оформившие союзнические отношения между Россией и Швецией.

На пути русско-шведского сближения стояли серьезные объективные препятствия. Даже после заключения союза реализация его условий протекала отнюдь не гладко. Далеко не во всем условия соглашений оказались выполненными. Совместная экспедиция в Данию и северную Германию не была осуществлена в 1812 г. Причиной явилось отнюдь не одно стремление Карла Юхана избежать вступления в войну в явно невыгодных для него условиях. Как показывают документы, дело было скорее в том, что средств, достаточных для организации экспедиции, не было ни у России, ни у Швеции.

Великобритания, на финансовую и военно-морскую помощь которой союзники рассчитывали, отказалась поддержать их. Англо-русско-шведские переговоры, проходившие с апреля 1812 г. в Швеции, только после начала

Отечественной войны привели (6(18) июля 1812 г.) к заключению всего лишь мирных договоров России и Швеции с Англией. В общей форме провозглашался союз, но каких-либо конкретных шагов не намечалось. На наш взгляд, это была неудача русской дипломатии, если принять во внимание, что Россия стремилась заключить с Англией союзный договор и добиться от нее финансовой помощи Швеции для осуществления удара в тыл Наполеона. Исход переговоров привел к срыву совместной экспедиции, которая могла отвлечь значительные наполеоновские силы от основного фронта. К тому же высадка союзников в северной Германии способствовала бы подъему национально-освободительного движения, повлияла бы на позицию Пруссии и Австрии.

Важное место в становлении русско-шведского союза заняла встреча Александра I с Карлом Юханом в финском городе Або (Турку), в конце августа 1812 г., где в разгар наполеоновского вторжения было подтверждено желание обеих сторон укреплять союзнические отношения и Россия предоставила Швеции большой заем. На встрече было договорено осуществить экспедицию в конце сентября, однако быстрое продвижение наполеоновских войск в России, падение Смоленска, а также отсутствие английской помощи сорвали и эти сроки. С согласия Карла Юхана подготовленные для экспедиции и сосредоточенные в Финляндии русские войска были переброшены под Ригу.

Необходимо отметить, что шведская дипломатия во время Отечественной войны проявляла определенную двойственность, вызванную серьезными неудачами России в первый период кампании. Особенно с сентября, узнав о падении Москвы, Карл Юхан явно старался уклониться от активного выступления, тем более что и русское правительство не настаивало на этом. Осенью 1812 г. основные усилия русской дипломатии в Швеции были направлены на то, чтобы побудить ее разорвать дипломатические отношения с Францией и признать антинаполеоновское Кадисское регентство в Испании. Эти условия имели тем большее значение, что именно их выдвинула Англия как плату за будущие субсидии и согласие на присоединение Норвегии к Швеции. Активную роль в испано-шведских переговорах в октябре—ноябре 1812 г. сыграл русский дипломат П. К. Сухтелен. Главной причиной, заставившей Швецию пойти на принятие этих условий,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 291.

были победы русского оружия, изгнание Наполеона из России. Испано-шведский договор, заключенный в конце ноября 1812 г., хотя и не был ратифицирован, имел большое значение для укрепления русско-шведского союза и становления антинаполеоновской коалиции. В декабре 1812 г. последовал разрыв шведско-французских отношений, а в марте 1813 г. Англия заключила со Швецией союзный договор.

Укрепление русско-шведского союза, заключенного в 1812 г., продолжалось и в 1813—1814 гг. Об этом ярко свидетельствует то обстоятельство, что русские и шведские солдаты бок о бок сражались против Наполеона в рядах Северной армии союзников под командованием Карла Юхана. Прочность союза проявилась во время Венского конгресса, когда Швеция отказалась примкнуть к антирусской коалиции, которую создавали Каслри и Талейран. Русская дипломатия в ходе «либеральной» внешней политики Александра I активно противодействовала антибернадотовским, густавианским проискам, которые были направлены против Карла Юхана, «парвеню» в глазах легитимистской Европы. Таким образом, союз с Россией способствовал закреплению результатов буржуазной революции в Швеции, в определенной степени облегчив развитие страны по капиталистическому пути.

Новая внешняя политика отражала реалистические интересы правящих классов Швеции: обуржуазившегося дворянства, в особенности верхушки бюрократии, и крупной торгово-мануфактурной буржуазии, объективно заинтересованных в мирных отношениях с Россией. Успешное проведение ее объяснялось отсутствием в Швеции влиятельных антирусских сил, кровно задетых утратой Финляндии, а также прорусской позицией финляндской верхушки, быстро освоившейся с новым положением страны и договорившейся с царизмом. Говоря о «политике 1812 года», нужно отметить, что она имела для Швеции относительно прогрессивное значение еще и потому, что она избавляла трудящиеся классы страны и все народное хозяйство от тяжелого бремени, которое ложилось на них из-за дорогостоящей великодержавной политики и войн с Россией в XVII—начале XIX в. Еще в 1857 г. это подметил Карл Маркс: «Если во время царствования Карла XIV Швеция отчасти оправилась от полуторастолетия бедствий и неудач, то этим она обязана не Бернадоту,

но исключительно врожденной энергии самого народа и влиянию длительного мира»².

Русско-шведское сближение в 1812 г. было важно для России. В условиях начавшейся войны с Наполеоном заключенный союз со Швецией имел для нее первостепенное значение, далеко не всегда учитываемое современной историографией. Дело не только в прямых, непосредственных результатах союза — русское командование могло не беспокоиться за северо-западную границу, из Финляндии на основной театр военных действий были переброшены почти все войска. Кроме того, в результате сближения со Швецией было стабилизировано положение автономной Финляндии в составе Российской империи. Значение русско-шведского союза гораздо шире, хотя в 1812 г. шведы не вступили в войну. Дружественная позиция Швеции в тот напряженный для нашей истории момент приобретает особую важность. Ведь к моменту вступления Наполеона в пределы России только Швеция из всех европейских государств была связана с Россией союзническим договором. Уже одно это опровергает утверждения о якобы извечной враждебности наших народов и позволяет говорить о наличии в прошлом определенных серьезных тенденций к дружбе между обеими странами.

Качественный поворот в русско-шведских отношениях в 1809—1815 гг. стал фактором, надолго определившим не только отношения между двумя странами, но и международное положение на Севере Европы в целом. Кровопрлитные и затяжные войны между Россией и Швецией навсегда отошли в область истории, что, несомненно, отвечало интересам народов Европы. Сближение с Россией в конечном счете способствовало становлению и укреплению нейтралитета Швеции позже, особенно после 1864 г., ставшего руководящей внешнеполитической доктриной этой страны.

Добрососедские отношения Советского Союза и Швеции в наши дни основываются на принципиально иной основе, чем союз 1812 г. Но тем не менее исторический опыт поучителен и для сегодняшнего дня. Можно с уверенностью сказать, что изучение тенденции к сближению двух наших стран-соседей в прошлом поможет укреплению дружественных отношений настоящего.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 171.

Библиография

Работы классиков марксизма-ленинизма

- Маркс К. Революционная Испания.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 10.
 Маркс К. Бернадот.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14.
 Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22.
 Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.— Полн. собр. соч., т. 25.

Источники

Архивные материалы

- Архив внешней политики России МИД СССР, ф. Канцелярия, 1810—1812 гг., д. 5241, 6214—6218, 6271—6274, 6820, 10823—10830, 11019, 11020.
 Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. П. К. Сухтелена (993), архив и собрание автографов.
 Шведский Государственный архив, Стокгольм (микрофильмы) — Svenska Riksarkivet, Stockholm. Архив миссии в Петербурге. I. Полученные документы 1812—1814.— Beskickningens i Peterburg arkiv I. Mottagna skrivelser 1812—1813. Мусковитика. Документы (депешы) миссии в Петербурге.— Muscovitica. Skrivelser (depescher) från beskickningen i Peterburg.
 Kungliga Biblioteket, Stockholm, Brev till Lars von Engeström, 1812.

Публикации

- Архив кн. Воронцова, кн. 22, 37. М., 1881. 1891.
 Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел, серия первая, т. I—VIII. Отв. ред. академик А. Л. Нарочницкий. М., 1960—1972.
 «Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света», 1812—1813.
 Мартеис Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами, т. XI. СПб., 1895; т. XIV. СПб., 1905.

- Николай Михайлович, вел. кн. Переписка императора Александра I с сестрой великой княжной Екатериной Павловной. СПб., 1910.
 Полное собрание законов Российской империи, т. XXI—XXXII. СПб., 1830.
 Сборник Русского исторического общества, т. 21. СПб., 1877; т. 121, 1906.
 Ahnfelt A. Två krönte rivaler, bd I—II. Stockholm, 1887.
 Alin O. Svenska statsrådets protokoll i frågan om förbundet med Ryssland 1812. Uppsala, 1900.
 Angeberg (Chodzko L.). Le Congrès de Vienne et les traités de 1815, v. I. Paris, 1864.
 Anker C. J., Wrangel F. U. Ur Danska Diplomaters meddelanden från Stockholm 1807—1813. Stockholm, 1897.
 Boethius B. Bihang till minnen ur Sveriges nyare historia, d. III. Uppsala, 1883.
 British and Foreign State Papers. (1812—1814), Vol. I, Pt I. London, 1841.
 Clercq A. de. Recueil des Traités de la France, t. II (1803—1815). Paris, 1880.
 «Le Conservateur impartial», SPb., 1813.
 Correspondance inédite de l'Empereur Alexandre et de Bernadotte pendant l'année 1812. Publié par X. Paris, 1909.
 Danske Traktater efter 1800, Første Samling. København, 1877.
 Scaevola (Strömbeck P.). Utländska diplomaters minnen från svenska hofvet. Stockholm, 1885.
 Schinkel B. von. Minnen ur Sveriges nyare historia. Författade och utgivne af C. W. Bergman, d. VI. Stockholm, 1855.
 Stedingk C. von. Mémoires posthumes, t. III. Paris, 1847.
 Waller S. Abomötet 1812. Ett förbisett aktstycke.— «Scandia», bd XXI, 1951—1952, h. 1, s. 67—71.

Публицистические издания 30—60-х годов XIX в.

- [Arwidsson A. I.] Pekka Kuoharinen. Finland och dess framtid. Stockholm, 1838 (2utg. 1840).
 [Arwidsson A. I.] Olli Kekäläinen. Finlands nuvarande statsförfattning. Stockholm, 1841.
 Crusenstolpe C. M. Skildringar ur det inre af dagens historia, bd II. Stockholm, 1834.
 Hierta L. J. Var 1812 års politik en politisk nödvändighet? Stockholm, 1856.
 [Hwasser I.] Om allianstraktaten emellan Sverige och Ryssland år 1812. Politisk betraktelse öfver Nordens nuvarande ställning. Stockholm, 1838.
 Lallerstedt G. La Scandinavie. Ses craintes et ses espérances. Paris, 1856.
 Lindeberg A. Sverige år 1809 och år 1832. Stockholm, 1832.
 Lindeberg A. Bidrag till Sveriges historia efter den 5 november 1810, d. I—II. Stockholm, 1839.
 Sarrans-jeune B. Histoire de Bernadotte — Charles XIV Jean — roi de Suède et de Norvège, t. I—II. Paris, 1845.
 Sturzen-Becker O. P. Tvenne vändpunkter (1812—1855). Ett bidrag till dagens politiska diskussion. Göteborg, 1855.

- Swederus G.* Sveriges krig och politik åren 1808—1815, h. 1—3. Stockholm, 1864.
- Swederus G.* Schwedens Politik und Kriege in den Jahren 1808 bis 1814, vorzüglich unter Leitung des Kronprinzen Carl Johan, Bd I—II. Leipzig, 1866.
- Touchard-Lafosse G.* Histoire de Charles XIV (Jean Bernadotte), roi de Suède et de Norvège, t. I—III. Paris, 1838.
- Wallmark P. A.* Historiska beriktiganden af åtskilliga i en del nyare skrifter förekommande uppgifter om och emot f. d. kronprinsen Carl Johan under hans deltagande i de politiska händelserna åren 1810—1814. Stockholm, 1858.

Литература

- Берендтс Э. Н.* О шведско-норвежской унии. Ярославль, 1895.
- Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962.
- Бескровный Л. Г.* Из истории внешней политики России с конца XVIII века до Венского конгресса.— В кн.: Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений. М., 1976, с. 337—371.
- Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам, т. 1—3. СПб., 1859—1860.
- [*Бородин М. М.*] *Абов Г. А.* Густав-Мориц Армфельт и его русско-финские отношения. Исторический очерк. СПб., 1901.
- Бородин М. М.* История Финляндии, т. IV. Время Александра I. СПб., 1909.
- Гуткина И. Г.* Дипломатические отношения между Англией и Россией в 1810—1812 гг.— «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 87. Серия гуманитарных наук. Саратов, 1943.
- Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России, изд. второе, исправленное и дополненное. М., 1974.
- Зак Л. А.* Англия и германская проблема (из дипломатической истории наполеоновских войн). М., 1963.
- Завич И. С.* Союз между Россией и Швецией в 1812 году. Из дипломатической истории Отечественной войны 1812 года.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1944, т. I, № 1, с. 26—36.
- Злобин К. К.* Дипломатические сношения между Россией и Швецией в первые годы царствования императора Александра I до присоединения Финляндии к России.— Сб. РИО, т. 2. СПб., 1868, с. 1—95.
- История дипломатии, т. I, изд. 2. М., 1959.
- История Швеции. М., 1974.
- 1812 год. К столетию Отечественной войны. Сборник статей. М., 1962.
- Казаков Н. И.* Из истории Бухарестского мирного договора 1812 г.— «История СССР», 1967, № 3.
- Калластов Н. Д.* Русский флот и Двенадцатый год. (Роль и участие флота в Отечественной войне в связи с циклом наполеоновских войн России). По архивным материалам. СПб., 1912.

- Кан А. С.* История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). М., 1971.
- Кан А. С.* Нейтралистские традиции во внешней политике скандинавских государств.— ННИ, 1962, № 4, с. 63—79.
- Кан А. С.* Царская дипломатия и борьба партий в Швеции на исходе «эры свобод» (60-е и начало 70-х годов XVIII в.).— «Скандинавский сборник», вып. VI. Таллин, 1963, с. 99—116.
- Кан А. С.* Шведская историография в XX веке (особенности и этапы).— ВИ, 1971, № 11, с. 81—96.
- Кан А. С.* Швеция 1809—1810 годов. Государственный переворот или буржуазная революция?— ННИ, 1973, № 1, с. 63—81.
- Кан А. С.* Буржуазная историография революции 1809—1810 гг. в Швеции.— ВИ, 1973, № 5, с. 79—96.
- Киняпина Н. С.* Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963.
- Коваленко Г. М.* Русско-шведский союз 1812 года.— В кн.: Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1974, с. 152—158.
- Кяйварайнен И. И.* Международные отношения на Севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 г. Петрозаводск, 1965.
- Лооне Л. А.* О характере русско-шведских торговых отношений в XVIII и в первой половине XIX века.— «Скандинавский сборник», вып. I. Таллин, 1956, с. 132—155.
- Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт, изд. второе, исправленное. М., 1973.
- Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года, ч. I—IV, изд. 2. СПб., 1840.
- Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного союза, т. I. Рига—Харьков, 1886.
- Нарочницкий А. Л.* Об историческом значении континентальной блокады.— ННИ, 1965, № 6.
- Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I, т. 1—2. СПб., 1912.
- Окунь С. Б.* История СССР, ч. I. Конец XVIII—начало XIX века. Л., 1974.
- Отечественная война 1812 года и русское общество, т. I—VII. М., 1911—1912.
- Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года, т. I. М., 1905.
- Попов А. Н.* Москва в 1812 году.— «Русский архив», 1875, № 7, с. 269—324; № 8, с. 369—402.
- Позлебкин В. В.* О работе шведских историков в русских архивах в XIX—начале XX века.— «Скандинавский сборник», вып. IV. Таллин, 1959, с. 56—73.
- Рогинский В. В.* Союз России и Швеции перед Отечественной войной 1812 г.— ННИ, 1974, № 3, с. 160—168.
- Рогинский В. В.* Испано-шведский договор 1812 года и русская дипломатия.— В кн.: Проблемы испанской истории. 1975. М., 1975, с. 213—223.
- Рогинский В. В.* Россия и скандинавские государства в 1801—1815 гг. (Обзор материалов серийной публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века»).— «Скандинавский сборник», вып. XXI. Таллин, 1976, с. 227—235.

- Розинский В. В.* Наполеоновская Франция и Швеция накануне Отечественной войны 1812 г.— В кн.: Французский ежегодник. 1975. М., 1977, с. 204—218.
- Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801—1812 гг. М., 1966.
- Тарле Е. В.* 1812 год. Наполеон. Нашествие Наполеона на Россию. Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат. М., 1959.
- Тарле Е. В.* Континентальная блокада.— Соч. т. III. М., 1958.
- Шильдер Н. К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование, т. 1—4, изд. 2. СПб., 1904—1905.
- Alin O.* Carl Johan och Sveriges yttre politik 1810—1815. Historisk studie I. Stockholm, 1889.
- Alin O.* Förhandlingarna om allianstraktaten mellan Sverige och Ryssland af den 5 april (24 mars) 1812. Uppsala, 1900.
- Becker J.* Historia de las relaciones exteriores de España durante el siglo XIX, t. I. Madrid, 1924.
- Bonsdorff C. von.* Gustaf Mauritz Armfelt. Levnadsskildring. d. 1—4. Helsingfors, 1930—1934.
- The Cambridge History of British Foreign Policy, Vol. I (1799—1815).* Cambridge, 1922.
- Carlsson E.* 1812 års politik.— «Nordisk tidskrift», 1941, h. 6, s. 427—452.
- Carlsson E.* Napoleon och svenska Pommern år 1812.— SHT, 1954, h. 2, s. 146—170.
- Carlsson S.* Svensk historia, d. II. Stockholm, 1970.
- Carlsson S.* Abofördraget och krigsutrustningarna 1812.— «Scandia», b. XVIII, 1947, h. 2, s. 192—201.
- Carlsson S.* Carl Johan i Åbo 1812.— «Scandia», b. XXI, 1951—1952, h. 1, s. 72—76.
- Carlsson S., Höjer T. T.* Den svenska utrikespolitikens historia, d. III: 1—2. Stockholm, 1954.
- Crouzet F.* L'économie britannique et le blocus continental (1806—1813), t. 1—2. Paris, 1958.
- Driault E.* Napoléon et l'Europe. Le Grand Empire (1809—1812). Paris, 1924.
- Driault E.* Napoléon et l'Europe. La chute de l'Empire. La légende de Napoléon (1812—1815). Paris, 1927.
- Forsberg E.* Sverige och Preussen 1810—1815. Uppsala, 1922.
- Girod de l'Ain G.* Bernadotte. Chef de guerre et chef d'État. Paris, 1968.
- Grade A.* Sverige och Tilsit-alliansen (1807—1810). Lund, 1913.
- Heckscher E.* The Continental System. An Economic Interpretation. London, 1922; 2ed. Gloucester (Mass.), 1964.
- Histoire de l'administration des affaires étrangères de Suède.* Upsal, 1940.
- Höjer T. T.* En ny teori om 1812 års politik.— SHT, 1942, h. 4.
- Höjer T. T.* Carl XIV Johan. Kronprinstiden. Stockholm, 1943.
- Höjer T. T.* Karl XIV Johan och Alexander I. En vändpunkt i de svensk-ryska förbindelsernas historia. Stockholm, 1945.
- Höjer T. T.* Den muntliga överenskommelsen i Åbo 1812.— In: Historiska studier tillägnade Nils Ahnlund. Stockholm, 1949.
- Höjer T. T.* 1810—1812. Några anmärkningar.— SHT, 1949, h. 3, s. 263—278.
- Imhof A.* Bernadotte. Französischer Revolutionsgeneral und schwedisch-norwegischer König. Göttingen — Frankfurt, 1970.
- Jansson A.* Försvarsfrågan i svensk politik från 1809 till Krimkriget. Uppsala, 1935.
- Johnson S.* Sverige och stormakterna 1800—1804. Studier i svensk handels- och utrikespolitik. Lund, 1957.
- Morén F. W.* Kring 1812 års politik. Studier i svensk och dansk utrikespolitik från Pommerns ockupering 1812 till vapenvilan i Poischwitz 1813. Stockholm, 1927.
- Morén F. W.* Englands subsidier åt Sverige under år 1812.— SHT, 1927, s. 180—181.
- Pingaud L.* Bernadotte, Napoléon et les Bourbons (1797—1844). Paris, 1901.
- Punttila L. A.* Finlands politiska historia 1809—1966. Helsingfors, 1972.
- Rein G.* Karl Johan Adlercreutz. Försök till levnadsteckning, d. 2. Helsingfors, 1927.
- Roginskij W. W.* Sprawa polska w rosyjsko-szwedzkim układzie zawartym w Åbo w 1812 R.— «Komunikaty Instytutu Ba tyckiego», 1973, grudzień, zeszyt 19, s. 56—61.
- Samuelsson K.* Från stormakt till välfärdsstat. Stockholm, 1968.
- Schybergson M. G.* Finlands politiska historia 1809—1919. Helsingfors, 1923.
- Scott F. D.* Bernadotte and the fall of Napoleon. Cambridge (Mass.), 1935.
- Sherwig J. M.* Guineas and Gunpowder. British Foreign Aid in the Wars with France 1793—1815. New York, 1969.
- Sorel A.* L'Europe et la Revolution française, t. VII—VIII. Paris, 1908—1911.
- Steen S.* Det frie Norge 1814. Oslo, 1951.
- Sveriges historia intill tjugondet seklet*, afd. 9. Stockholm, 1910.
- Sveriges historia till våra dagar*, d. 12. Stockholm, 1923.
- Sveriges historia genom tiderna*, d. 4. Stockholm, 1948.
- Tegnér E.* Gustaf Mauritz Armfelt, bd I—III. Stockholm, 1887.
- Tommila P.* La Finlande dans la politique européenne en 1809—1815. Helsinki, 1962.
- Trulsson S.* British and Swedish Policies and Strategies in the Baltic after the Peace of Tilsit in 1807. Lund, 1976.
- Vandal A.* Napoléon et Alexandre. L'alliance russe sous le premier empire, v. I—III. Paris, 1911.
- Waller S.* Georg Carl von Döbeln. Studier i Sveriges militäriska och politiska historia 1808—1813. Lund, 1947.
- Waller S.* Åbomötet 1812 och de svenska krigsutrustningarnas inställande. Lund, 1951.
- Weibull J.* Carl Johan och Norge 1810—1814. Unionsplanerna och deras förverkligande. Lund, 1957.

Список сокращений

АВПР	— Архив внешней политики России МИД СССР
ВИ	— «Вопросы истории»
ВНР	— Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел, серия первая, т. I—VIII. М., 1960—1972
ННИ	— «Новая и новейшая история»
ОР ГПБ	— Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ПСЗРИ	— Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830 (собрание первое)
Сб. РИО	— Сборник Русского исторического общества
ВРА	— Beskickningens i Peterburg arkiv I. Mottagna skrivelser
CHBFP	— Cambridge History of British Foreign Policy, Vol. I (1799—1815). Cambridge, 1922
KB	— Kungliga Biblioteket. Stockholm
SBP	— Skrivelser (depescher) fran beskickningen i Peterburg.
SHT	— «Historisk tidskrift». Stockholm
SRA	— Svenska Riksarkivet

Указатель имен

Абалихин Б. С. 9	Бескровный Л. Г. 7, 9, 99, 105, 133, 136
Адамсон Р. 50	Блиох И. С. 105
Адлеркрейц К. Ю. 22, 127, 137	Богданович М. И. 7, 66, 135
Адлерспарре Г. 54—56, 138	Бородкин М. М. 8
Александр I 7, 8, 12, 13, 16, 18, 21, 26, 27, 29, 31, 47, 52, 53, 57—59, 61—71, 75—80, 83—88, 90—92, 94—96, 99, 101, 102, 105—112, 114, 116, 120—124, 126—137, 139—141, 147, 154, 159, 160	Ботценхард Э. 122
Алефиренко П. К. 43	Бозациус Б. 30
Алин О. 14, 31, 77	Буберг С. 42
Алькье Ж. Б. 62—64, 67, 69, 138	Бунддорф К. фон 22, 67
Ангеберг 154	Бьёрншерна М. 139, 143
Анкер К. 31, 115, 138	Валлер С. 18, 123—130, 132—134, 140, 141
Анфельт А. 31	Валльмарк П. А. 13
Аракчеев А. А. 127	Вандаль А. 24, 58
Арвидссон А. И. 21	Вассер И. 11, 12, 21
Армфельт Г. М. 8, 22, 28, 66, 67, 79, 80, 85, 105, 127	Вебер Б. Г. 7
Баггер Х. 35	Вейбуль Е. 20, 45, 54, 62, 102, 126, 129, 137, 138, 140, 141
Бардахи-и-Азара Э. 149—151	Веттерстедт Г. 54, 55, 68, 127, 133
Барклай-де-Толли М. Б. 79	Вибек Е. 23
БAUDISSIN Ф. 115, 138, 153	Вилла-Уррутиа В. Р. 26, 144
Беккер Х. 26, 144, 151, 152	Витгенштейн П. Х. 142
Бекстрем К. 11	Власкин А. Г. 122
Бергман К. В. 12, 118, 124	Войнар К. 25
Берендтс Э. Н. 8	Воронцов М. С. 29
Бернадот Ж. Б. (см. Карл Юхан)	Воронцов С. Р. 29, 70, 99
	Врангель Ф. У. 31, 115, 138
	Ганнибал 140
	Гарден Г. 135

Гейер Э. Г. 12
 Георг, принц Уэльский 139, 149
 Гнейзенау А. Н. 121
 Гори А. 37
 Граде А. 48
 Грунер Ю. 121
 Гурго Г. 73, 74
 Густав Васа 36
 Густав II Адольф 85
 Густав III 4, 38—44, 47
 Густав IV Адольф 4, 44, 45, 47, 66
 Даву Л. Н. 69, 73
 Д'Аллоувиль А. 66
 Даниельссон-Кальмари Ю. Р. 22, 67
 Дёбелль Г. К. фон 18, 125
 Джеджула К. Е. 43
 Достян И. И. 107
 Дрио Э. 24
 Дубровин Н. И. 58
 Дунаевский В. А. 9
 Дуфнер В. 25
 Егершёльд У. 36, 37
 Екатерина II 39, 41—44
 Екатерина Павловна, великая княжна 44, 106, 128
 Ерта Л. 13
 Жилин П. А. 7, 9, 142
 Жиро де Лен Г. 24, 26, 57, 67, 86
 Жозеф Бонапарт 56, 75, 145
 Зак Л. А. 9, 25, 116, 145, 149, 154
 Звавич И. С. 9, 67, 68, 73
 Зеа-Бермудес Ф. 99, 146
 Злобин К. К. 8, 47
 Имгоф А. 26
 Ирье-Коскинен И. 21

Кабр А. 143, 144, 147, 149, 152, 153
 Казаков Н. И. 9, 78, 107
 Каллистов Н. Д. 8, 106, 120, 136, 137
 Кан А. С. 7, 10, 11, 14, 17, 20, 35, 38, 51
 Канс Л. М. 127
 Карл Август, принц 55, 56
 Карл X Густав 40, 158
 Карл XII 4, 40, 76
 Карл XIII 26, 28, 44, 55, 56, 60, 68, 69, 75, 79—81, 84—87, 94, 99, 113, 130, 132, 153
 Карл Сюдерманландский (см. Карл XIII)
 Карл Фридрих 35
 Карл Юхан 8, 10—16, 18—21, 23—28, 30, 31, 56—71, 73—81, 83—88, 90—92, 94, 95, 100—103, 109, 110, 112—114, 117, 120, 122—129, 133—143, 145—147, 149, 150, 152—155, 156—161
 Карлссон С. 7, 11, 18, 19, 44, 48, 128, 129, 140
 Карлссон Э. 16, 19, 44, 64, 68, 74, 125
 Каслри Р. 25, 31, 95, 102, 103, 108—110, 113, 114, 119, 124, 143, 144, 152, 160
 Каткерт Р. 124, 127, 130, 134, 135
 Кенигсфельс А. А. 27, 113
 Киняпина Н. С. 9
 Клари Дезире 24, 56, 60
 Класон С. 14, 125
 Клемминг С. 20
 Козинцева Р. И. 4
 Коваленко Г. М. 10
 Козловский П. В. 27, 145, 149
 Кокей Н. 60, 64
 Коленкур А. де 57

Коломби А. 99
 Коломби Э. Ф. 146
 Корф С. А. 8, 91
 Кошелев Р. А. 67, 99
 Крэйц Г. Ф. 40
 Кремер 94
 Кристиан Август Августенбургский (см. Карл Август)
 Крузе Ф. 25, 59
 Крусенстольне М. 11
 Куракин А. Б. 67, 93
 Курсков Ю. В. 4
 Кутузов М. И. 136, 137
 Кяйвярийнен И. И. 47, 48
 Лагербельке Г. 54, 55, 69, 70
 Лаллерстедт Г. 13, 64
 Леба Ф. 138
 Лёвенгьельм Густав 20, 55
 Лёвенгьельм Карл 22, 28, 30, 31, 75—82, 84, 86, 91, 92, 94—96, 99, 109, 110, 112—114, 124, 125, 127, 130, 138—141, 143
 Ленин В. И. 6, 158
 Лесестр Л. 69
 Ливен Х. А. 154
 Лильекранц Ю. 39, 40
 Линдеберг А. 11
 Лооне Л. А. 36, 52
 Люблинская А. Д. 4
 Люблинский В. С. 4
 Мадлен Л. 24
 Майский И. М. 144
 Манфред А. З. 7, 9
 Маре Г. Б. 69, 74, 93
 Маркс К. 6, 113, 142, 160, 161
 Мартенс Г. 43, 46
 Мартенс Ф. 99, 110
 Массена А. 56
 Мёрнер К. О. 56, 58
 Мёрнер Х. Э. 127
 Меттерних К. Д. В. 68

Мирный С. М. 17, 133
 Митридат 140
 Михайловский-Данилевский А. И. 7, 133, 135
 Мордвинов Н. С. 66, 105
 Морено П. 103, 146—149, 151
 Мурен Ф. В. 10, 15, 17, 19, 95, 99, 102, 119, 128, 143, 144, 147, 149, 152, 154
 Надлер В. К. 7
 Наполеон I 8, 9, 12, 13, 16, 18—20, 25, 45, 46, 56—63, 65, 66, 69, 70, 72—74, 76, 85, 86, 92, 94, 95, 98, 100—102, 106, 109, 112, 115, 116, 119, 121, 124, 126, 135, 137, 138, 140, 144, 145, 149, 152, 154—156, 160, 161
 Нарбонн Л. 109
 Нарочницкий А. Л. 29
 Некрасов Г. А. 4, 5, 7, 33—36
 Нервандер Э. 127
 Нёррегор Г. 23
 Нессельроде К. В. 66
 Николай Михайлович, великий князь 7, 57, 67, 128
 Николай П. А. 26, 29—31, 70, 71, 75, 78—81, 85, 100—105, 107, 110, 114, 116, 118, 122, 144, 145, 149, 154
 Нильсен И. 24
 Нольде Б. Э. 8
 Нурденкранц А. 38
 Окунь С. Б. 9
 Оскар I 12, 145
 Остерман И. М. 43
 Пальмшерн К. Ф. 13
 Павел I 44, 46
 Пейрон Л. Б. 152
 Пенго Л. 24, 73

Перц П. 121
Пизани П. Н. 27, 111, 113
Платен Б. фон 54
Попов А. Н. 8, 107
Похлебкин В. В. 14
Поццо-ди-Борго К. О. 99
Пунтила Л. А. 21

Регнер А. 70
Рейн Г. 22, 137
Ремгор А. 38
Рехаусен Г. М. 100, 140, 144,
147, 149, 152
Рогинский В. В. 47, 57, 60, 73,
86, 132, 152
Розенкранц Н. 138
Ростопчин Ф. В. 106
Румянцев Н. П. 26—31, 53, 66
70, 71, 75, 78—82, 85—87
93—96, 99—103, 105—108,
110—114, 116—118, 120, 123
124, 127, 130, 137, 141, 144—
153

Рухманова Э. Д. 4

Салтыков А. Н. 28
Самуэльссон К. 52
Сарранс Б. 24, 64
Саумарец Д. 116, 137
Сведерус Г. 13
Свенссон С. 45, 46
Сегюр Ф. 74
Седерберг А. 42
Седерстрале К. 43
Сенявин Д. Н. 104, 106
Сен-Сир Л. 136
Серенсен Т. 119
Серра-Каприола А. 99
Синьоль Э. 94, 95
Сироткин В. Г. 7, 9, 68, 78, 92,
98, 99
Скотт Ф. Д. 25, 135, 151
Соловьев С. М. 8

Сорель А. 24
Сперанский М. М. 66
Стаде А. 45
Стедингк К. 60, 68
Стеен С. 24
Стрёмбек П. (Сцевола — псев-
доним) 30, 31, 63, 100, 102,
119

Стринберг А. 3
Стурцен-Беккер О. П. 13
Сухтелен П. К. 4, 26—31, 52,
53, 60, 61, 68, 70, 79, 80, 84—
91, 93—95, 103—105, 107—
112, 114, 116—118, 120—124,
127, 134, 137, 141, 144—153,
159

Талейран Ш. М. 52, 160

Тарле Е. В. 9, 52, 66

Таррах 138

Тегнер Элуф 67

Тегнер Эсайас 11, 56

Теплов В. 8

Тессин К. Г. 38

Тет Е. Е. 120, 136

Тингстен Л. 119

Толстой Н. А. 127

Томмила П. 7, 18, 22, 47, 55, 57,
59, 65—67, 70, 74, 77, 99, 100,
102, 114, 123, 125—129, 133,
144

Торнтон Э. 27, 31, 95, 100—111,
113—119, 146—149, 151

Траверсе И. И. 79, 106, 120, 136

Трульссон С. 45, 47

Тушар-Лафосс Г. 24, 64

Уднер Г. И. 39

Ульссон Х. А. 17, 154

Уэбстер Ч. 25, 29, 108

Уэлсли Р. К. 107

Фенцки Г. 122

Фердинанд VII 144, 147, 148
Фок А. Б. 120
Фредерик VI 76, 83, 89, 131
Фредерик Кристиан, принц 56
Фридрих-Вильгельм III 68
Фушберг Э. 15, 138

Хамнстрём Э. 48

Хёгберг С. 50

Хейер Т. Т. 10, 16—19, 23, 57,
64, 65, 95, 99, 125, 129, 133
144

Хекшер Э. 36

Хедман Р. 57

Хеннингс Б. 40

Хеннингссон Б. 12

Хольм Э. 23

Хорнборг Э. 21

Хоуп А. 154

Хубач В. 122

Чернышев А. И. 58, 61, 66, 70,
127, 133

Чернышева О. В. 7

Шампань Н. 57, 62, 63, 69

Шаркова И. С. 4

Шаскольский И. П. 4

Шенбум Б. 28, 67, 77, 79, 93

Шервиг Д. 25, 99, 102, 108, 113

Шефер К. 24

Шеффер У. 41

Шильдер Н. К. 7, 107, 137

Шинкель Б. 12, 30, 118, 124,
127, 128, 130

Штакельберг О. 43

Штейн К. фон 121, 122

Штейнгель Ф. Ф. 58, 88, 120,
127, 129, 136, 142

Штульц П. 121

Шюбергсон М. Г. 21

Шюк А. 10

Щипанов В. К. 4

Эберг А. 38

Эггерс Э. Р. 146

Энандер Б. 22

Энгельс Ф. 6, 113, 142, 161

Энгестрём Л. фон 27—29, 54,
55, 68, 79—81, 85, 86, 91—93,
95, 100, 103, 109, 110, 114, 117—
119, 133, 138, 140, 141, 144,
147—149, 151—153

Энгман М. 7

Эрикссон С. 12

Эссен О. 39

Юлленшёльд К. 110, 127

Юннила О. 21

Юнсон С. 45, 47, 50

Ютиккала Э. 22

Юва М. 21

Юва Э. 21

Янссон А. 55

Оглавление

Введение	3
----------	---

Глава первая

Две тенденции в русско-шведских отношениях нового времени. Истоки русско-шведского союза и шведской «политики 1812 года»	33
--	----

Глава вторая

Швеция и Россия в 1809—1811 гг.— начало поворота в отношениях	49
---	----

Глава третья

Заключение союзного договора между Россией и Швецией в марте — апреле 1812 г.	73
---	----

Глава четвертая

Англо-русско-шведские переговоры весной и летом 1812 г.	98
---	----

Глава пятая

Заключение русско-шведской конвенции в Або в августе 1812 г.	120
--	-----

Глава шестая

Разрыв Швеции с наполеоновской Францией и русская дипломатия	143
--	-----

Заключение	156
------------	-----

Библиография	162
--------------	-----

Список сокращений	168
-------------------	-----

Указатель имен	169
----------------	-----